Литвины-Бѣлорусы Черниговской губерніи, ихъ бытъ и пѣсни.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде чѣмъ привести собранныя мною пѣсни, я считаю нужнымъ нѣсколько подробнѣе объяснить гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ, кѣмъ поется и сохраняется эта устная народная поэзія.

Предлагаемыя мною пѣсни записаны лично въ Черниговской губерніи, которая хотя и причисляется къ Малороссіи, но гдѣ въ настоящее время во всѣхъ ея сѣверныхъ уѣздахъ живутъ такъ называемые Литвины и говорятъ по-бѣлорусски, съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями.

Что касается малорусскаго языка и народныхъ пѣсенъ, то онѣ довольно давно пріобрѣли себѣ имя и завоевали симпатію литературнаго міра и образованнаго общества. На долю же Литвина-Бѣлоруса выпалъ, если не презрѣніе, то по крайней мѣрѣ полный индиферентизмъ, какъ будто онъ не такое же Божье созданіе, не народъ,—и его пѣсни—не пѣсни, однимъ словомъ—это пасынки губерніи. Ихъ называютъ «кацапьемъ» и прочими недружелюбными названіями.

Положимъ, легко допустить, что малорусская рѣчь благозвучнѣе бѣлорусской. Предположимъ напр. какой нибудь отрывокъ, написанный по-бѣлорусски, станетъ читать лицо, совершенно незнакомое съ народнымъ говоромъ, произнося *ц* и *дз* твердо безъ смягченія, то подобное чтеніе будетъ рѣзать ухо. Между тѣмъ какъ народъ произноситъ эти звуки съ іотировкой, отчего ихъ устная рѣчь выходитъ гораздо мягче. Заставьте бѣлорусскую женщину разсказать что нибудь; вслушайтесь въ эту рѣчь, и вы найдете въ ней своеобразную мягкость и легкость звуковыхъ сочетаній.

Для того, чтобы при чтеніи возможно было соблюдать правильность произношенія, я записывала пѣсни съ фонографическою точностью.

Исполнить это мнѣ было не трудно потому, что я росла въ деревнѣ или, вѣрнѣе сказать, въ хуторѣ дѣдушки Г. М. Силевича, усадьба котораго лежала вблизи села Росухи *). За неимѣніемъ гувернантокъ, боннъ и даже сверстницъ, я въ дѣтствѣ весь свой досугъ дѣлила съ дворовыми людьми, такъ какъ старшіе больше были заняты хозяйствомъ, чѣмъ моимъ воспитаніемъ.

Итакъ я начала изучать пѣсни (сперва безъ всякой задуманной цѣли) съ 1860 годовъ. Особенно памятенъ былъ для меня 1861 годъ, когда мать уѣзжала на все лѣто по дѣламъ въ Петербургъ, и мнѣ была предоставлена полная свобода. Я тогда съ крестьянами отправлялась съ ранней зари до поздней ночи въ поле, на сѣнокосы, гдѣ изъ подражанія принимала участіе во всѣхъ работахъ, хотя старшіе смотрѣли на мои трудовыя забавы, какъ на неумѣстную шалость. За это лѣто я такъ успѣла привязаться къ дворовымъ, что плакала отъ души, когда узнала, что по манифесту всѣ уйдутъ отъ насъ.

---

*) За послѣднія 10—15 лѣтъ грамотные умники слово «Россуху» начали писать «Разсуха».

Даже и теперь пріятно вспомнить, какъ послѣ знойнаго дня, по заходѣ солнца, всѣ мы толпой, при дружномъ хоровомъ пѣніи, возвращались домой.

Ни пятилѣтнее пребываніе въ Институтѣ, ни прожитыя съ тѣхъ поръ 30 лѣтъ жизни не изгладили въ памяти тѣхъ мотивовъ и пѣсенъ, которыя я распѣвала, возвращаясь со жнива, будучи десятилѣтней дѣвочкой.

Послѣ такой привольной жизни въ Росухѣ среди природы, я не могла свыкнуться съ тѣсными стѣнами Института (куда меня вскорѣ отвезли) и въ концѣ концовъ заболѣла, какъ находили доктора, тоской по родинѣ. По выходѣ изъ Института, къ величайшему моему сожалѣнію, я не нашла уже ни одной своей прежней подруги, всѣ онѣ къ этому времени отошли отъ насъ; кто отправился «на Донъ у заработки», кто умеръ, кто замужъ вышла.

Затѣмъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, бывши уже замужемъ, я по временамъ тоже иногда вспоминала старину и составляла хоровое пѣніе въ праздничныя сумерки. Тогда я тоже не имѣла опредѣленной цѣли, не знала, что эти пѣсни кому нибудь нужны, а потому и не записывала ихъ, а только заучивала наизустъ.

Въ 1897 году я рѣшила припомнить и записать все, что имѣлось въ памяти и затѣмъ уже приступила къ систематическому собиранію мѣстныхъ пѣсенъ по деревнямъ и сѣламъ.

Если мнѣ удастся, то я постараюсь положить на музыку литвино-бѣлорусскіе мотивы съ акомпаниментомъ фортепіано.

Судить о томъ, насколько эти мотивы покажутся мелодичными, я не берусь потому что могу быть въ этомъ случаѣ пристрастнымъ судьей, но все-таки питаю надежду, что и въ нихъ найдутъ своеобразную мелодію и выраженіе простого, безъискусственнаго чувства.

Географическое положеніе мѣстности.

Самое высокое мѣсто во всей Черниговской губерніи, въ видѣ плоской возвышенности, поднимается у села Рахманова, Стародубскаго уѣзда; выше уровня моря на 109 саженей (764 фут.) *).

Возвышеніе это незамѣтно для простого глаза, но продолженіе этой возвышенности, идущей къ сѣверу черезъ Мглинскій уѣздъ, представляетъ совершенно иную поверхность: тамъ почти непрерывно тянутся рвы и холмы, затрудняющіе пути сообщенія и попадающіеся настолько часто, что на семиверстномъ разстояніи напр. отъ села Колодезекъ до села Росухи, по проселочной дорогѣ, встрѣчается шесть подъемовъ и пять спусковъ, довольно крутыхъ и небезопасныхъ.

Отъ границы Стародубскаго уѣзда ко Мглину начинается, такъ называемое «Полѣсье», которое идетъ къ востоку до рѣчки Дубны и къ западу къ рѣчкѣ Унечи, гдѣ станція полѣской желѣзной дороги того же названія. Къ сѣверу лѣсъ тянется ко Мглину и Суражу.

Полѣсье не состоитъ изъ сплошной лѣсной площади: на всёмъ этомъ пространствѣ, между лѣсами, на полянкахъ и перелѣскахъ разбросаны сёла и деревни. Одно изъ этихъ селъ лежитъ къ югу отъ станціи желѣзной дороги на полѣсской лѣсной окраинѣ главнаго водораздѣльнаго кряжа въ губерніи и выдѣляется своеобразной красотою окрестностей. Это есть село Росуха, на истокѣ рѣчки Росухи, притокѣ Вабли и Судости.

Здѣсь нѣтъ шири и глади степной, негдѣ разгуляться взору, но зато на каждомъ шагу разнообразіе: лѣса, горки, лужки, неожиданные обрывы—все это чередуется между собою, и каждое мѣстечко манитъ къ себѣ на отдыхъ.

---

*) Описаніе Черниговской губерніи составлено членомъ Императ. Географ. общ. А. А. Русовымъ.

Рѣчка Росуха протекаетъ луговой долиной, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся горы или шпили, покрытые лиственнымъ лѣсомъ, преимущественно дубнякомъ.

Во время весенняго таянія снѣговъ потоки воды, стремящіеся съ хребтовъ къ рѣчкѣ, промыли съ годами около 7—8 непроходимыхъ овраговъ, поросшихъ нынѣ лѣсомъ.

Кромѣ того, съ теченіемъ времени появляются новые овраги вслѣдствіе неосторожнаго истребленія лѣсовъ, за что иногда сами истребители—владѣльцы терпятъ наказаніе въ видѣ образующагося у самыхъ воротъ усадьбы рва, грозящаго сдѣлать ее неприступною [1]).

На днѣ овраговъ и въ лѣтніе мѣсяцы пробирается постоянно вода едва замѣтными струйками.

Эти ручейки, родники и криничкп, просачивающіяся въ низкихъ луговыхъ долинахъ, снабжаютъ мѣстность довольно обильнымъ орошеніемъ и представляютъ изъ себя резервуаръ, наполняющій рѣчку Росуху ключевою водою.

Какъ лѣсъ, такъ и глинистая подпочва, задерживая влагу, обусловливаютъ сырость воздуха и частые туманы, а весенніе утренники нерѣдко истребляютъ цвѣтъ яблонь и всходы овощей даже въ среднихъ числахъ Мая.

Снѣгъ таетъ здѣсь нѣсколько позднѣе, замерзшая земля нагрѣвается медленнѣе и ставитъ земледѣльца въ необходимость производить всѣ посѣвы недѣли на двѣ, на три позднѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ уѣздахъ.

Все это вмѣстѣ взятое и есть одна изъ причинъ недородовъ и неурожаевъ мѣстности. Но не смотря на скудость сѣросуглинистой почвы,—здѣсь ютятся посёлокъ за посёлкомъ. Напр. на протяженіи 6-ти верстъ, по берегу Росухи и ея маленькихъ притоковъ, расположено 6-ть водяныхъ мельницъ и до 10-ти селъ: Водвинка, Росуха, Амелькинъ Хуторъ, Лупеки, Труханово, Бородинка, Бороздинно, Гарцевъ, Колодезки и др. Шесть мельницъ или прудовъ, устроенныхъ самымъ примитивнымъ способомъ, перемалываютъ только скудный мѣстный урожай и никакого торговаго значенія не имѣютъ, такъ какъ удаленность отъ городовъ (30—35 в.) и первобытные пути сообщенія далеко не способствуютъ, а скорѣе задерживаютъ духъ предпріимчивости этого непочатаго угла.

Впрочемъ, и съ открытіемъ желѣзной дороги край не обогатился; народъ пріобрѣлъ лишь возможность заработка на поденной работѣ. За то евреи лѣсопромышленники съумѣли увеличить свои капиталы скупомъ лѣса на срубъ у крестьянъ и крупныхъ владѣльцевъ по дешевымъ цѣнамъ.

Въ общемъ здѣсь природа скупа на матеріальное продовольствіе, даже рыбы въ рѣкѣ мало: слишкомъ холодна и быстра для нея ключевая вода. Въ озеркахъ при мельницахъ она, пожалуй, и водилась бы, но сильный напоръ воды весной почти ежедневно размываетъ плотины и уноситъ теченіемъ внизъ не только рыбу, но и мосты съ мельницами.

Обыватели къ этому привыкли и черезъ мѣсяцъ, другой устраиваютъ новые пруды, благо лѣсъ на корнѣ, а топоръ и заступъ въ рукахъ.

Чѣмъ же снабжалъ ихъ лѣсъ, кромѣ лыкъ для лаптей и дровъ?

Правду сказать, въ немъ было больше волковъ, чѣмъ дичи, которую, впрочемъ, никто не стрѣлялъ по той причинѣ, что «пороху нема», «ружжа нема, ди и некали», говоритъ полѣсюкъ, «пойдзишь за дичьчу балавацца, близъ хлѣба будзитъ зимавань, а дичьчу ни нажился», да къ тому же «сласная гу́ба—двару пагу́ба», а стрѣлять для продажи—некому сбывать.

Однѣ бабы блуждаютъ по лѣсу съ лукошками на плечахъ, да и тутъ невелика пожива: бѣлый грибъ—боровикъ, который одинъ идетъ въ продажу, попадается рѣдко; только орѣховъ да желудей вволю.

---

[1]) Примѣчаніе. Въ селѣ Трухановѣ цѣлый лугъ превратился въ глубокій ровъ, гдѣ въ 70-хъ годахъ изъ-подъ пласта земли было вымыто водою часть бивня и зуба какого-то громаднаго животнаго. Бивень былъ подаренъ мѣстному земскому врачу Обозненко, а зубъ сохраняется и понынѣ у землевладѣлицы с. Росухи.

Что же привлекло и прикрѣпило убогій людъ къ сѣренькой землицѣ, питающей его впроголодь?

Просто по нраву пришлась ему лѣсная глушь; въ ней онъ видитъ приволье и любитъ свое полѣсье, какъ всякая божья тварь—свою стихію, какъ мошка свой листокъ, свою вѣтку.

Народное преданіе въ с. Росухѣ.

Въ южной сторонѣ села Росухи, на правомъ берегу рѣчки, существуетъ искусственный окопъ, извѣстный подъ названіемъ «городокъ».

На вопросъ о его происхожденіи, каждый крестьянинъ отвѣтитъ вамъ: «йста шведъ ийшау, туть ваявали».

Городокъ съ сѣверо-западной и сѣверо-восточной сторонъ имѣетъ кругомъ природное укрѣпленіе въ видѣ отвѣснаго обрыва надъ рѣчкой, а съ южной стороны устроена искусственная круглая насыпь. Все это было покрыто густымъ сплошнымъ лѣсомъ, но, къ сожалѣнію, недавно, уже въ 80-хъ годахъ, одинъ изъ наслѣдниковъ помѣщика Силевича продалъ это мѣсто крестьянамъ на срубъ.

По мѣстному преданію, сохранившемуся и по сей день, въ этой мѣстности зарыто «прѣпасть» кладовъ, такъ что однажды, говорятъ, изъ обрыва городка выкатилась бочка золота прямо въ воду.

Подобное преданіе не могло не создать желающихъ разбогатѣть кладомъ, а потому нѣкоторые изъ мужичковъ нерѣдко имѣли стальныя остроконечныя палки — «шипы», какъ они называются и время отъ времени отправлялись, по святымъ днямъ въ гулящее время», зондировать почву съ надеждой на обогащеніе. Покойный владѣлецъ «городка» помѣщикъ Герасимъ Матвѣевичъ Силевичъ не препятствовалъ этой, по его мнѣнію, безполезной забавѣ, и, занятый больше хозяйствомъ, никогда ничего не предпринималъ по части раскопки, не смотря на то, что самъ разсказывалъ о фактѣ, случившемся на его глазахъ въ началѣ XIX столѣтія: бѣднѣйшій псаломщикъ, котораго постоянно встрѣчали на городкѣ съ шипомъ въ рукахъ, однажды въ попыхахъ прибѣжалъ въ рабочую пору на поле къ пахарямъ, держа въ рукахъ старинную золотую монету и спрашивалъ приказчика, что это за грōши и примутъ ли ихъ гдѣ нибудь. По разсказамъ приказчика, это были «грōши ни наськія, а чужеземныя». И затѣмъ названнаго псаломщика ужъ больше никто не видалъ; онъ со всей своей семьей выѣхалъ куда то безвозвратно,—какъ въ воду канулъ.

Въ Росухѣ также есть преданіе, что кладъ не всякому дается, что онъ кладется непремѣнно на чью нибудь голову и что избраннику прежде всего долженъ присниться сонъ, указывающій мѣсто зарытаго сокровища. Если же кладъ вышоетъ тотъ, кому онъ не предназначенъ, то на его голову обрушатся всѣ несчастія въ жизни. Народъ глубоко вѣритъ этому, и вотъ, на основаніи того, что по вѣрѣ вашей дастся вамъ, у насъ въ Росухѣ въ 50-хъ годахъ произошелъ такой случай:

Дворовая крестьянка Марья Чернякова однажды прибѣжала во дворъ съ страшнымъ воемъ и плачемъ. На вопросы о причинахъ слёзъ, она отвѣтила новыми рыданіями, и ничего въ ту минуту отъ нея нельзя было добиться. Затѣмъ черезъ нѣкоторое время она открыла по секрету, что ей три раза снился сонъ, будто возлѣ городка, у полянки подъ дубомъ зарытъ казанокъ червонцевъ. И вотъ она пошла къ ворожкѣ погадать, на ея ли голову положенъ этотъ кладъ. Распросивъ подъ какимъ дубомъ и гдѣ, ворожея сказала: «положенъ онъ на тебя, только спусти три зари и тогда ступай откапывать». Когда же Марья пошла туда на четвертую зорю, то съ ужасомъ увидала, что дубъ подрытъ, а между корнями осталось круглое углубленіе, какъ бы отъ вынутой посуды. Все это такъ ее потрясло, что она заболѣла черезъ нѣсколько дней, и затѣмъ, призвавъ одну изъ дочерей пана Герасима Матвѣевича Силевича, открыла, что ей опять снился два раза одинъ и тотъ же сонъ, будто бы возлѣ церкви, по правую

руку подъ березою еще лежитъ кладъ и что, если ее Богъ подниметъ со страдной постели, то эту берёзу она укажетъ господамъ.

Однако ни встать съ постели, ни указать березы ей не пришлось, она вскорѣ умерла.

Что кладъ подъ дубомъ не былъ грёзами Марьи Черняковой,—это доказало скороспѣшное превращеніе ворожеи и ея племянника изъ бѣднѣйшихъ людей — въ зажиточныхъ.

Спустя нѣкоторое время слухъ о томъ, что племянникъ ворожеи Логвинъ Кобановъ мѣнялъ въ м. Почепѣ старые червонцы, распространился по селу. Кто-то подѣлился этой новостью съ начальствомъ, которое и пріѣзжало и о чемъ то Логвина распрашивало, но получило одинъ отвѣтъ: «знать ничего не знаю и не вѣдаю». Тѣмъ все и кончилось. Вскорѣ ворожея заболѣла: у нея провалился носъ. «Такъ йой и треба, говорили сосѣди, ни пашли у прокъ чужбинка, ня праўдай вѣкъ праживёшъ, да назадъ ня вернисься».

Однако это не помѣшало ворожеѣ выйти замужъ и жить богато нѣсколько лѣтъ. Передъ смертью же она отдала свои капиталы мужу, а 300 рублей пожертвовала на колоколъ въ селѣ Трухановѣ, Стародубскаго Уѣзда.

На полянкѣ, близъ означеннаго дуба, вскорѣ послѣ находки описываемаго клада, однажды пахало десять сохъ. Вдругъ первая лошадь, какъ бы встрѣтивъ препятствіе, остановилась, но всемогущій кнутъ русскаго человѣка заставилъ ее, напрягши всѣ силы, дернуть впередъ, и въ это время раздался глухой подземный звукъ, въ родѣ того, какъ будто лопнула натянутая проволока. Пока приказчикъ добѣжалъ до этого мѣста, чтобы осмотрѣть, что̀ случилось, остальныя десять сохъ успѣли пройти свои гони и мѣсто, гдѣ слышенъ былъ звукъ, уже трудно было отыскать. Попробовали разрывать, пахать руками, но ничего не нашли, кромѣ какого-то стального обломка.

Эта самая полянка и лѣсъ, гдѣ стоялъ историческій дубъ, еще красуются и теперь; но увы! дубъ—виновникъ драмы между Марьей и ворожеей—больше не существуетъ: лѣтъ десять тому назадъ его разбило громомъ.

Село Росуха извѣстно по лѣтописи съ 1160 года. «Ко Изъяславу пріидоша половцы мнози и иде съ нимъ къ Воробейнѣ и къ Росухѣ и тутъ повоевавъ иде къ Вщижю» [1]), слѣдовательно и этотъ клочекъ Руси время отъ времени засѣвался человѣческими костьми и поливался человѣческой кровью. Вдали отъ большихъ рѣкъ и проѣзжихъ дорогъ, эта сторона была также въ тѣ времена прекраснымъ убѣжищемъ для безоружнаго: лѣса густы, рвы глубоки, было гдѣ укрыться славянину и отъ Печенѣговъ и отъ обряда крещенія и отъ татарина.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій этими самыми лѣсами и полянами, политыми кровью предковъ, владѣетъ уже войсковой обозный Стародубскаго полка (въ 1690 году [2]) Прокофій Силенко—Силевичъ, которому универсаломъ 1710 года Гетманъ Скоропадскій позволилъ: «въ росускомъ лѣсѣ на мѣстцу стараніемъ и працею его же расчищенномъ, ведле хутора его найдуючомся, слободку осадити и тамъ же на вершинѣ рѣчки Росухи гребело уфондовати и млинъ на ней построить».

Народное преданіе о кладахъ на «городкѣ» и о томъ, что здѣсь «Шведъ ишоў» совпадаетъ именно съ военною дѣятельностью Силенки, такъ какъ въ универсалѣ (1709 г.) на пожалованье ему Скоропадскимъ али Бѣлаго колодезя, было сказано: «за услуги подъ часъ нашествія непріятеля шведа въ Стародубъ».

И дѣйствительно Силенко Силевичъ, какъ писалъ его внукъ, въ 1713 году «служилъ через осемдесятъ лѣтъ и больше, и будучи на многихъ службахъ, многократно раненъ, стрѣлянъ, колотъ и порубанъ и при разлитіи крови своей крайне былъ скалеченъ».

Къ прошлому с. Росухи можно еще добавить, что въ 1770-хъ годахъ здѣсь произошла послѣдняя кровопролитная драка и подобно древне-княжескимъ распрямъ за удѣлы, повторились тѣ же семейные раздоры изъ «за грунтовъ» и деревень, добы-

---

[1]) Опис. архіеп. Филарета 1873 г. Епарх. извѣстія.
[2]) Описаніе Старой Малороссіи А. Л. Лазаревскаго.

тыхъ старымъ Прокофіемъ Силенко Силевичъ «респектомъ колькинадцатилѣтнихъ нелѣнивыхъ войсковыхъ службъ».

По этому поводу сохранился такого рода устный разсказъ.

Пока внукъ Прокофія,—Матвѣй Силевичъ младшій, сынъ Григорія Прокофьевича былъ несовершеннолѣтній, старшіе братья успѣли промотать всѣ отцовскія деревни [1]), затѣмъ продали и послѣднюю Росуху нѣкоему Журавкѣ. Провѣдавши, что братья рѣшили сдать его въ солдаты и записать въ ревизскую книжку крѣпостныхъ, Матвѣй Григорьевичъ ушелъ въ село Дахновичи, подъ Стародубъ, къ одному изъ братьевъ графа П. В. Завадовскаго и просилъ защиты отъ произвола братьевъ. Юноша очевидно произвелъ впечатлѣніе: Завадовскій тотчасъ послалъ вооруженныхъ людей отвоевывать Росуху. Между людьми Завадовскаго и Журавки произошла кровопролитная драка, кончившаяся тѣмъ, что посланные Завадовскаго побили Журавкиныхъ людей, а оставшихся въ живыхъ повязали, сложили въ сани и выпроводили въ чистое поле.

Вслѣдъ затѣмъ, убѣдившись, что Силевичъ не глупый, дѣльный малый, Завадовскій отдалъ за него въ супружество свою родственницу Марину Андреевну Миряй и, давъ ей въ приданое Житню, поселилъ молодую пару въ Росухѣ.

Все это происходило въ царствованіе Екатерины Великой, когда уже существовали законы объ опекѣ надъ несовершеннолѣтними. Но до матушки царицы было далёко, а до Бога высоко, а потому Завадовскій предпочелъ насиліе. Насколько въ тѣ времена было трудно добиваться наслѣдственныхъ правъ путемъ закона, показываетъ слѣдующій мѣстный разсказъ: въ Новозыбковскомъ уѣздѣ сосѣдъ отнялъ у сосѣда цѣлую деревню. Обиженный рѣшился отстаивать свою вотчину до послѣднихъ силъ и добрался до Питера съ челобитной предъ лице самой матушки Царицы. Загорѣлось дѣло. Изъ столицы были посланы на слѣдствіе чиновники, но пока послѣдніе доѣхали до мѣста преступленія, спорная деревня исчезла съ лица земли. Обидчикъ сжегъ ее, мѣсто, гдѣ была деревня, распахалъ и засѣялъ рожью. Разслѣдованіе конечно было учинено не безъ лицепріязни, ибо слѣдователи донесли кому о семъ вѣдать подлежитъ, что деревни вовсе не оказалось въ натурѣ и что истецъ затѣялъ тяжбу о несуществующемъ имѣніи по причинѣ своего малоумія.

Литвины и ихъ одежда.

Всѣ сѣверные уѣзды Черниговской губерніи, именно: Суражскій, Мглинскій, Стародубскій, Новозыбковскій и часть Городнянскаго, по типу населенія составляютъ какъ бы переходъ отъ Малороссіи къ Россіи и населены народомъ, который по характеру, по наружному виду и одеждѣ отличается какъ отъ Малоросса, такъ и отъ Великоросса. По нарѣчію же этотъ край, начинающійся съ Могилевской губерніи, есть продолженіе Бѣлоруссіи.

Литвинъ, какъ называютъ его сосѣди, съ виду неповоротливъ, движенія его медлительны, ходитъ «якъ пень тирязъ калоду», не предпріимчивъ, безпеченъ, но при нуждѣ трудится много для своего пропитанія. А какъ только минуетъ крайняя нужда, всегда предпочтетъ гулять, чѣмъ искать заработка. Заказанныя работы исполняетъ недобросовѣстно, «абы якъ, цяпъ-ляпъ». На поденщинѣ невозможенъ безъ строгаго присмотра «рôбе и паглядае, якъ волъ изъ-подъ ярма; цюкне разоў [2]) паудзисятка, да барджей (скорѣй) люльку у зубы».

Будучи невѣжественъ и не культуренъ, онъ мало уважаетъ чужую собственность и подчасъ любитъ «падцибрицъ (стащитъ) идзе што плохо ляжицъ».

Одежду свою, какъ и всѣ крестьяне, дѣлаютъ изъ овечьей шерсти. Прежде всего,

---

[1]) Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи. Найтоповичи утверждены за Силенкомъ Мазепою въ 1696 г., Кривошеи и Ильбовъ въ 1704 г.

[2]) Разоў, гдѣ встрѣтится съ удареніемъ на *у* произнаестя какъ краткое *в*.

всегда и вездѣ носитъ онъ свой излюбленный кожухъ, затѣмъ суконный чекмень (свитка), сшитый свободно не въ талію, на манеръ древняго ферязя и «надпирязуецца» (опоясывается) поясомъ изъ овечьей же шерсти, окрашенной сандаломъ. Болѣе легкій костюмъ шьется изъ того же толстаго сукна, только покороче чекменя, въ талію, съ двумя, тремя фалдами сзади. Эта кофта именуется юбкой.

Сапогъ попадается въ этомъ краю очень рѣдко, его замѣняетъ лапоть. Самодѣльная поярковая шляпа, безъ полей, называется «магерка», а съ полями «бриль» и употребляется во всѣ времена года. Женщины носятъ также шубы, непокрытыя матеріей. Удивительно, что иногда въ жаркій лѣтній день вы можете замѣтить въ церкви нѣкоторыхъ женщинъ, одѣтыхъ въ свои новыя, какъ снѣгъ, бѣловыдѣланныя овчинки, сшитыя съ перехватомъ въ талію и украшенныя на спинныхъ швахъ у пояса двумя ярко красными шерстяными латками, вершка въ два въ формѣ червонаго туза. Болѣе же пожилыя шьютъ себѣ кожухи не въ талію и съ «ковнерямы» (воротникомъ). Паневы, т. е. плахты—по-малорусски почти перестаютъ носить; теперь ихъ только донашиваютъ старухи.

Сверхъ бѣлой рубахи съ широкими рукавами надѣвается сарафанъ, по мѣстному «саянъ» или «споднйца». Шерсть на саяны женщины сами прядутъ, ткутъ, весной валятъ на валюшнѣ при мельницѣ и затѣмъ отдаютъ «мнильнику» еврею, который поселяется спеціально съ этою цѣлію въ одной изъ окружныхъ деревень и за самую скромную цѣну дѣлаетъ сѣрые саяны синими, а фартухи и пояса красными. Для праздничныхъ же нарядовъ юбки окрашиваются иногда въ зеленый цвѣтъ; тогда нашиваются по всей матеріи въ безпорядкѣ клочки красной шерсти, въ вершокъ длины. Это и есть «мушкованая сподница».

Сверхъ саяна и фартуха всѣ обязательно «подпирязываюцца» шерстянымъ поясомъ или, вѣрнѣе, шарфомъ, не взирая ни на какую жару. Кромѣ того надѣваютъ еще поверхъ рубахи преимущественно чернаго цвѣта корсетъ или юбку (тотъ же корсетъ, только съ рукавами).

Женщинѣ быть съ непокрытой головой въ присутствіи мужчины, а въ особенности «при куму» крѣпко «соромно» (т. е. очень стыдно [1]). А потому голову она тщательно одѣваетъ въ повойникъ или чепикъ изъ ситцу или шерстяной матеріи и сверху повязываетъ платкомъ на подобіе чалмы. Въ нѣкоторыхъ селахъ полѣсья существуетъ мода повязывать голову «съ хлипомъ», т. е. на затылкѣ оставляется висячимъ уголъ платка. Болѣе молодыя повязываются «съ рожками, т. е. дѣлаютъ изъ платка на темени узелъ съ стоячими кончиками въ видѣ рожковъ.

Незамужнія женщины хотя и заплетаютъ косу съ лентой на выпускъ, но голову также повязываютъ платкомъ, только безъ повойника, сверхъ повязки «обпинаюцца» еще другими небольшими платочками, а въ праздничные дни «затыкаюць краски» (цвѣты) на голову за узелъ платка противъ лба. Шею и грудь украшаютъ кралями, бусами.

За послѣднее 10-ти лѣтіе (1890 г.) замѣчается такая перемѣна: лѣтомъ вмѣсто прежнихъ шерстяныхъ тканей деревня запестрѣла всевозможными ситцами, бумазейками, кретонами, хотя фасонъ и покрой сохранились неизмѣнно прежніе. Въ замѣнъ прежнихъ мушкованныхъ сподницъ нерѣдко надѣваютъ уже саянъ изъ кретону «бурдянаго цвѣту» (т. е. цвѣтъ бордо).

Въ мужской одеждѣ, наоборотъ, овечье сукно осталось, какъ и было, но вмѣсто прежней юбки появился настоящаго фасона пиджакъ. Люди пожилые о немъ такого мнѣнія: «прауда пинджакъ аккуратный и меньше сукна идзе на його», но за то «старую юбку якъ даносишъ,—на анучи нарвешъ, а съ пинджака анучи вузки будуць».

Къ этому можно добавить, что шаповалы (шерстобиты) теперь поневолѣ должны сократить свое производство: прежній «бриль» начинаетъ сторониться, уступая дорогу картузу.

---

[1]) Остатокъ татарщины.

Въ прежніе годы.

Какъ ни бѣденъ въ данное время народъ нашей окраины, но въ прежніе годы ему жилось несравненно хуже въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ теперь.

Подъ словомъ прежніе годы мы подразумѣваемъ начало нынѣшняго и конецъ прошлаго столѣтія, именно: въ 60-хъ годахъ разсказывали старики, которымъ тогда было уже за 80 лѣтъ, что въ ихъ годы народъ «крѣпка галадаваў». Доходило до того, что весной люди ѣли липовую мезгу, т. е. сдирали кожу съ молодыхъ отростковъ липъ, скоблили эти отростки ножомъ и въ получившееся вещество прибавляли ничтожное количество муки лишь только для того, чтобы имѣть возможность скрѣпить и замѣсить тѣсто; изъ этой массы пекли хлѣбъ, ѣли и «зъ голаду ни памирали».

Чтобы судить, насколько въ тѣ времена народъ дорожилъ кускомъ хлѣба, перенесемся въ село Росуху, на усадьбу Герасима Матвѣевича Силевича, который ежегодно 8-го мая, на Ивана Богослова, по обѣту, завѣщанному прадѣдомъ, кормилъ нищихъ и всѣхъ, кто являлся въ этотъ день на незатѣйливый обѣдъ: 8-го мая съ ранняго утра на травѣ большого панскаго двора, на крыльцахъ жилыхъ и нежилыхъ построекъ,—всюду лежали и сидѣли люди разныхъ половъ и возрастовъ, съ своими ложками за пазухой. Тутъ не одни Росухцы, но и Водвинцы, и Лупечане и Труханowцы и жители прочихъ окружныхъ деревень,—всѣ собрались пораньше и ждутъ обѣда. Между тѣмъ, «на рѣцѣ Росухи, въ томъ самомъ млину, который гетманъ Скоропадскій позволилъ «збудовати» старому Прокопу Силенко—Силевичу въ настоящее время, варили въ зазанѣ, при сукновальнѣ, гречневую жидкую кашу, заправленную въ постный день элеемъ, а въ скоромный—саломъ.

Среди же двора, во всю длину, были разставлены въ нѣсколько рядовъ новыя, чистыя корытца. Въ этомъ и состояла вся сервировка для гостей. Какъ только каша была готова, сами гости, вёдрами, на коромыслахъ носили ее съ мельницы во дворъ и разливали въ корытцы.

Передъ этимъ одна изъ дочерей Силевича лично отправлялась въ амбаръ для раздачи хлѣба, котораго напекали нѣсколько засѣковъ. Вотъ была наглядная картина борьбы за существованіе. Каждый старался протиснуться впередъ, сбивая съ ногъ и топча падающихъ на пути. Надо было видѣть эту толпу съ протянутыми руками за кускомъ черстваго хлѣба!

Приказчикъ и нѣсколько дворовыхъ крѣпостныхъ исполняли роль полицейскихъ, отстраняя нѣкоторыхъ назадъ и обличая тѣхъ, которые подходили за хлѣбомъ по нѣсколько разъ, увѣряя, что они еще ни крошки не получили.

Иногда въ неурожайные годы въ этотъ хлѣбъ подмѣшивали простой гречневой муки, отъ чего онъ выходилъ черный и жесткій. Жидкая каша имѣла мало вкуса, но гости ничѣмъ не брезгали и черезъ полчаса корытцы были пусты. Обѣды эти были какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ происходили весной, въ самую безхлѣбицу. Продолжались они до смерти Герасима Матвѣевича Силевича, т. е. до 1863 года.

Въ тѣ времена чистый хлѣбъ считался роскошью и признакомъ богатства; большинство же подмѣшивало въ хлѣбъ макуху (выжимку изъ конопляныхъ зеренъ) или гречневую муку, которую умѣли такъ приготовлять, что она годилась лишь на обмѣшку скоту; такъ какъ ее мололи подсушенную въ овинѣ, то оболочка зерна перемалывалась въ порошокъ и дѣлала муку жосткой и черной.

Подобнаго хлѣба очень не жалуютъ, но ѣдятъ въ крайней нуждѣ. На вопросъ, отчего народъ нашей мѣстности не терпитъ въ настоящее время такого голода, какъ въ былые годы, вамъ отвѣтятъ: «зъ тыхъ поръ мы пярестали галадаць якъ начали болій занимацца сѣубой бульбы [1]), при йой и хлѣба меній сходзя и сытъ чалавѣкъ».

Въ самомъ дѣлѣ, какъ трудно принималась у насъ культура! Въ то время, какъ въ Европѣ американскій плодъ былъ давно въ большомъ употребленіи, на Руси даже

[1]) Картофель.

въ половинѣ XIX столѣтія существовали глухіе уголки, гдѣ народъ только искоса поглядывалъ на засѣянную сосѣднимъ паномъ полосу картошки. Попробовали: «якава и яна на укусъ; ничаво, йета страва смашная. «Не прочь были бы кое-когда и стащить ея у пана мѣшокъ—другой, наконецъ испытывали по трохи и сами сѣяць», но все-таки не могли сами додуматься до того, чтобы расширить свое картофельное хозяйство.

Только въ концѣ 70-хъ годовъ нѣкоторые помѣщики начали выписывать разные сорта скороспѣлой и кормовой картофели, тогда только и крестьяне принялись за ея посѣвы.

Но, конечно, не одно отсутствіе картофеля было причиной бѣдности, причинъ этихъ не перечтешь... Однако и достатокъ хлѣба въ прежніе годы теперь объясняютъ тѣмъ, что помѣщики бывало весь чистый хлѣбъ перегоняли на водку. Оттого въ тѣ времена легче было быть пьяному, чѣмъ сытому. Къ тому же «зарабиць было нѣкали, у каго». Да правду сказать и народъ нашъ былъ не «прамышленъ», лежалъ на боку, голодалъ и все думалъ, что горю пособить ничѣмъ нельзя, вѣрилъ въ то, что какъ было прежде, такъ и всегда будетъ и что на то уже воля Господня.

О томъ, какъ недогадливы были люди въ давнія времена, имѣется такой разсказъ:

Йшоу сабѣ праходджый. Тольки приходзье йонъ у сяло и бача, што мужыкъ зъ жонкай усё бѣгаюць зъ хаты, да у погребъ, зъ погреба да у хату.

— Дабрыдзьень вамъ.

— Здаровеньки.

— Богъ у помачъ.

— Спасиба чалавѣча.

— Якая йета у васъ у погреби работа, што усё туды бѣганцьё?

— А йета мы кисель ядзимъ, миласци просимъ у хату.

Сѣу проходжый на лауцы и бача, што кисель стаяць на сталѣ, а малако у погреби, а яны зачерепаюць киселя, паложуць у ротъ, да самы зъ ложкай и бягуць у погребъ запиваць кисель малакомъ.

— Слухайцы, людзи добрые, за вашу ласку я ужо пакажу вамъ, якъ людзи кисель зъ малакомъ ядзяць,—кажа проходжый.

А нѣ, мы и сами умѣимъ кисель ѣсць, на што насъ вучыць!

Насилу жонка согласилась послушать прохожаго, который наконецъ объяснилъ имъ.

— Вы жъ такъ дзѣлайця: принясицье зъ погреба малака у хату, налиця у миску и кисялю туды паложця, да такъ и ѣжця.

Падумали, падумали мужыкъ изъ жонкой, да-й—кажуць:

А ужо жъ и прауда, што такъ луччѣй будзье.

Тады ужо, якъ паѣли кисель, дыкъ спасибкали, спасибкали проходжаму чалавѣку... и начаваць его пакинули. Во, на другій дзень устау праходжый ранинька, паглядзѣу у вакно, а мужикъ зъ жонкай зноу штось начали рабиць ни людное: жонка на дварѣ штаны дзержа, а мужикъ узлѣзя на навѣць, да аттуль и скача у штаны. Ни папау у калоши, да мима, тады изноу узлѣзъ на крышу,—скакнуу, адна нога папала у калошу, а другая мима калошы пришлась.

— Што-й йета вы робицье, пытае чужый чалавѣкъ.

— А ци тыжъ ни бачышь, што штаны надзѣваемъ.

— Ни такъ жа йихъ надзѣваюць, давайцье, я вамъ пакажу.

— Во-о-о-о! Закрычала жонка, ци мы ужо дурнѣй попа, што и штаноу надзѣць няумѣемъ. Нехай Богъ крыя, яще и йетаму дзѣлу треба выучицца.

Разсказъ оканчивается тѣмъ, что прохожій открываетъ имъ секретъ надѣванья панталонъ и въ концѣ концовъ получаетъ великое спасибо.

Такъ полѣсцы проживали долгое время въ простотѣ и невѣдѣніи, не трогаясь съ мѣста; ни фабрикъ, ни заводовъ къ благу не было, а вдаль на заработки не пускались. «Да йимъ и ня чутна было, идзѣ тамъ у якой старанѣ зарабляюць грошы».—Кто же могъ имъ объ этомъ разсказать и посовѣтовать?

По глухимъ деревнямъ и лѣснымъ хуторамъ въ родѣ, какъ Лиски, Подднёновка, Казенка (Мглинскаго уѣзда), тамъ и дажа и папоў рѣдка у вòчы бачыли,— тольки и наѣжджали што валасные за падацями, во и усё!

Это не то, что теперь: заберутъ молодца въ рекруты; черезъ пять лѣтъ онъ придетъ назадъ и разскажетъ все, что на бѣломъ свѣтѣ дѣется. А вѣдь въ прежніе годы, какъ возьмутъ бывало человѣка въ солдаты на 25 лѣтъ, такъ по немъ только плачутъ, а разсказовъ отъ него не скоро дождутся.

Рѣже всего въ Полѣсьѣ попадались деньги; оборотнаго капитала почти не было, да откуда же его было и взять? На дубахъ онъ не растетъ. Въ городъ полѣсюкъ ѣздитъ рѣдко, потому что изъ хозяйственныхъ продуктовъ ему нечего возить на базаръ: и радъ бы онъ съ осени продать «мѣхъ жита, ци гречки—самаму голадъ награзiу у томъ гаду, а то вясной хоць кладзи зубы на палицу».

Посудивши и порядивши такимъ манеромъ, поневолѣ обходится онъ и безъ городскихъ покупокъ. Одежда съ ногъ до головы вся домашняя: отъ овцы, пòсконней и льну, спряденныхъ и сотканныхъ бабами, лапоть свой, лучина для освѣщенія тоже.

Бабы также сидѣли по деревнямъ, даже и на богомолье долгое время не рисковали выходить, пока «ни распытались, куды и якъ йега людзи ходзюць». Иная и состарится и вѣкъ свой проживетъ, не видя города. Только молодежь не обходилась безъ предметовъ роскоши, но все-таки находила возможнымъ украшать себя, не имѣя никогда гроша въ рукахъ. Для этого по деревнямъ нѣсколько разъ въ годъ ѣздитъ на лошади «карявашникъ»» и кричитъ:

Дѣвки, бабки, несите тряпки, корявки.

Вотъ и началась мѣновая торговля: ему тащатъ все: и старыя онучи и кости и яйце, щетину, вощину и льняное сѣмя, а взамѣнъ получаютъ сережки, перстни, коралы, ленточки, иголки, красную заболоть для вышиванья и т. п.

Кажется всего можно добыть, и все подъ рукою у полѣсца, но нѣтъ, его донимаетъ одно горе: кромѣ хлѣба еше крайне нужна и соль, которой безъ денегъ рѣшительно достать негдѣ. А еще къ несчастью въ тѣ времена она была такая дорогая, по рублю пудъ, не то что теперь по 32 коп.

И такъ, значитъ въ городъ ѣздили только за солью и за дёгтемъ, котораго къ стыду своему сами не умѣли приготовлять, а для этой цѣли ежегодно являлись въ Полѣсье дегтяры изъ Орловской губерніи гнать деготь изъ древесныхъ корней и березовой коры и продавали его по 50 коп. за пудъ.

Легко сказать—рубль на соль, да гдѣже собственно взять этотъ рубль?

Преданіе говоритъ, что въ прежніе годы полѣсскій народъ имѣлъ страхъ и Бога въ сердцѣ; нерѣдко бывало онъ ѣстъ хлѣбъ пополамъ съ мякиной, но красть не пойдетъ».

Затѣмъ дальше, да дальше, сталъ призадумываться, откуда достать на соль и на дёготь. Глянетъ направо, стоитъ густой строевой лѣсъ пана Силевича, рядомъ идетъ Гудовщина графа Гудовича,—слѣва облегли лѣса Ширая, Долинскаго и т. д.-и т. д.

Лѣсничихъ въ старые годы не было, вотъ и стали мужички промышлять: нарубить возъ дровъ, повезетъ за 35 верстъ въ городъ и есть копѣекъ 15, а то пожалуй и 20 на соль.

Разсмотрѣлся дальше, да дальше и узналъ, что въ городѣ все можно сбыть и началъ мало-по-малу изъ чужихъ лѣсовъ таскать лыки, лозу, берёсту и прочій сырой матеріалъ. Затѣмъ по глухимъ деревнямъ, какъ въ Водвинкѣ, Коробоничахъ, Яблонкѣ, стали заниматься деревянными издѣліями: почти въ каждомъ дворѣ гнули ободья, дѣлали колеса и возами отправляли на ярмарки въ Стародубъ и Мглинъ.

Но прежде чѣмъ заняться подобной фабрикаціей, надо сначала ночью отправиться въ чужой лѣсъ и, попросту сказать, накрасть лѣсного матерьяла.

Оттого про полѣсцевъ пошла молва, будто тамъ «злодій [1]) на злодзіи сядзиць и злóдзіемъ паганяя».

Правда, онъ виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія: сравнимъ полѣсца съ его

---

[1]) Воръ.

сосѣдомъ волкомъ,—послѣднiй всегда кралъ овецъ и будетъ красть; воровство же полѣсца имѣетъ свое историческое начало: было время когда «онъ имѣлъ Бога въ сердцѣ и не кралъ», а все, что имѣетъ начало можетъ имѣть и конецъ [1]).

О нарѣчiи и пѣнiи.

Въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губернiи слышится въ разговорной рѣчи двоякое произношенiе:

1) На границахъ Стародубскаго и Мглинскаго уѣзд. и во всемъ полѣсьѣ, тянущемся къ Суражу, говорятъ на бѣлорусскомъ нарѣчiи, съ его главными, выдающимися чертами, т. е. съ смягченiемъ *д* въ *дзь* и *т* въ *ць*. Напр. «хазяинъ кладзье пичаць, а злодзiй глядзиць, аткуль пачаць».

2) Чѣмъ дальше отъ полѣсья и чѣмъ ближе къ городамъ, а также въ самыхъ городахъ: Стародубѣ, Погарѣ, Мглинѣ, Почепѣ и Новозыбковѣ, нарѣчiе остается тоже самое, только съ тою разницею, что *д* и *т* не смягчаются. Напр. «хазяинъ кладе пичать, а злодiй глядить, аткуль начать». Поэтому и пѣсни записаны и помѣщены здѣсь по двоякому говору: полѣсскiя съ смягченiемъ *д* и *т* и подгородныя безъ смягченiя *д* и *т*.

Каково бы ни было экономическое положенiе народа и какъ ни трудно достается ему хлѣбъ насущный, онъ всегда найдетъ время для пѣсенъ и поетъ, когда ему поется.

У насъ по деревнямъ мужички поютъ только въ юношескомъ возрастѣ, до женитьбы, и во время рекрутскаго набора передъ отбыванiемъ воинской повинности. Хоръ мужскихъ голосовъ вы услышите рѣдко, и то лишь въ праздничные дни, позднимъ вечеромъ. На полевыхъ работахъ они никогда не поютъ; пѣсенъ не раздѣляютъ по временамъ года и затягиваютъ большею частью какую кому и когда «заугодна». Только рекрутскiя пѣсни идутъ въ ходъ непремѣнно въ октябрѣ и ноябрѣ во время набора.

Въ среднiя лѣта и въ пожиломъ возрастѣ они признаютъ пѣсни лишь при изрядной выпивкѣ. Попросите его спѣть, онъ отвѣтитъ: «ци я пьянъ, што пачну̀ пѣсни пѣць, якъ бы хто паднесъ чвертку, другую, можа бъ табы и запѣу, да я изъ мо̀ладу на йета ня вотъ то ни крахала ворона у го̀ру лятучи̇, а назадъ ужо и ни пачынацъ. Йета усё пусцякъ, намъ нѐкали ганяцца за пѣснямы»

Женщины же поютъ во всѣхъ возрастахъ и относятся къ своей устной поэзiи съ большой симпатiей. «У пѣсняхъ уся праудa», говорятъ онѣ.

Въ откровенныхъ бесѣдахъ пожилыя женщины лѣтъ 40—60, на вопросъ, поютъ ли онѣ когда нибудь, отвѣчали:

Якъ останусѧ я сама сабѣ у дварѣ, да якъ ушибѐ мянѣ ахота, дыкъ я уси пѣсни паперепѣю, такъ яны адна за другой и лѣзуць у галаву̀, а дали, якъ узойдзье на вумъ уся майя горькая жыстачка, да бездолья, дыкъ я усё пяю и плаччу..., да ахоты таки наплачуся.

На мои просьбы спѣть хоть одну пѣсню, вызывающую слезы, мнѣ отвѣчали молчанiемъ или говорили:

Цяперъ ни придумаю, уси пѣсни павышли зъ галавы̀.

Такъ что изъ всего репертуара удалось записать одну только:

Што—й—надъ гаямъ зиляненькимъ.
Брала удоука ленъ бяленькiй
Яна брала—выбирала,
У гая пытала:

Скажы мнѣ гаечыкъ,
Хто у насъ у сялѣ
Ранiй усихъ устае?
Пазаренцы устае

---

[1]) Можно бы прибавить, что сначала своихъ лѣсовъ у пановъ Силевичей, Гудовичей, Шираевъ и пр. не было да и самихъ ихъ не было, и тогда полѣсцы преспокойно пользовались окружившими ихъ лѣсами и издревле конечно занимолись выдѣлкою ободьевъ, саней и пр.

Да горькая удойка,
Ни мужъ яйе пабуджае,
Ни люта свякруха,
Пабуджающь удоуку
Дробныя дзѣтки
Да—й жё нидастатки.
(д. Водвинка, Мглин. Уѣзд. со словъ 65-лѣтн. женщ.)

За дѣвками признается право распѣвать вездѣ и всегда собираться среди села для составленія хоровъ и гулянья. Поэтому она не стѣсняется и если запѣла, то запѣла громко, во все горло.

У замужнихъ же женщинъ хотя и есть потребность излить горе въ пѣсни, но она чувствуетъ за собою нѣкую нелегальность въ пѣніи, считаетъ это занятіе для себя непозволительнымъ, боится, что ее осудятъ и скажутъ: «во уздумала баба дзявоччый вечаръ, дзѣла ня робя, а пѣсни дзяре».

Оттого она и остерегается пѣть громко, а если и поетъ, то «сама пра сябѣ». При собираніи матеріала, довольно трудно расположить крестьянъ пропѣть или проговорить какую-нибудь пѣсню.

Прежде чѣмъ обратиться къ нимъ съ такою странною, съ ихъ точки зрѣнія, просьбою, приходилось пускать въ ходъ нѣкоторые подготовительные разговоры, объяснять каждому причину.

«Нашто вамъ наши пѣсни, панамъ» и т. п. Иная пѣвунья заявляетъ, что она «зная багата пѣсянь», но на самомъ дѣлѣ не скажетъ вамъ ни одной строчки, хоть ее пеки. Спой весеннюю.«Цяперъ йихъ ни пяюць». Ну какую хочешь. «Ни придумаю, позабывала, дауно пѣла» и т. п.

Я попробовала пустить въ ходъ вознагражденіе въ видѣ лентъ, краль, фартуковъ и проч. нарядовъ,—сейчасъ же память прояснялась, языкъ развязывался и начинали диктовать пѣсню за пѣсней. Съ тѣхъ поръ, попадая въ подходящую компанію, я заявляла коротко и ясно: Господа, кто хочетъ заробить за пѣсни? И эта мѣра имѣла всегда большой успѣхъ.

Къ прискорбію, замѣтна большая разница между пѣніемъ 60-хъ и 70-хъ годовъ и нынѣшнимъ временемъ, а именно: теперь не поютъ, а кричатъ пѣсни. Какъ въ хорахъ, такъ и въ одиночку каждая силится орать во всю мочь, отчего искажается даже мотивъ, и выходитъ одно сплошное выкрикиваніе.

Сватьба.

Январь.

Прежде чѣмъ говорить о пѣсняхъ, мы должны поименовать праздники этого мѣсяца въ связи съ существующими обычаями.

7-го января—праздникъ «Ивана хрясцицеля», 30-го празднуютъ трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. Но обычаевъ и обрядовъ въ эти дни никакихъ не имѣется. Мужчины дозволяютъ себѣ кое-что и работать «калà дварà». Только бабы соблюдаютъ эти праздники строго и съ талмудическою требовательностью утверждаютъ:

— Заўтря нильзя жлукциць, нильзя праць биллѧ̀ (бѣлья) нильзя прясць».

Мы начали не съ 1-го, а съ 7 января потому, что начало новаго года съ крещеніемъ включительно относится къ рождественскимъ праздникамъ, а объ нихъ будемъ говорить позднѣе. Теперь же займемся пѣснями, которыя сопровождаютъ свадебные обряды. Кстати, начиная съ 7-го января церковь разрѣшаетъ вѣнчаніе и съ этого времени до «маслянки» совершается наибольшее число браковъ, чѣмъ въ прочіе мѣсяцы. Въ крестьянскомъ быту трудно встрѣтить стараго холостяка и пожилую незамужнюю женщину, потому что женщина не служитъ обузой мужу, а представляетъ изъ себя рабочую силу. Оттого родители спѣшатъ женить сына и отдалить насколько

возможно дѣло сватовства дочери, чтобы невѣста успѣла отработать «матцы и батцы» за то, «што яйе узрасцыли и выгадавали».

Впрочемъ сердобольныя матки, помимо матеріальныхъ причинъ, неподдѣльно горюютъ при выдачѣ дочерей и, вытирая скатившуюся слезу, говорятъ:

«Што жъ дзѣлаць, дачка ни бацькова карысць, яжъ яйе гадавала и кукобила (лелѣяла), а прышло уремъя и треба отдаць у чужія людзи, хоць бы жъ яна яще гадочыкъ пакрасавалась у дзѣукахъ». Крестьяне относятъ сватьбу къ числу разорительныхъ случаевъ въ хозяйствѣ и съ прискорбіемъ сѣтуютъ что «сяголѣта яму крѣпка мутарно (мотарно, трудно) пришлось: гречачка памерзла, тамъ пашли сухмени,—канапелька ни узыйшла, а тутъ яще падаспѣла и жаницьба сына, усё адно ка'дному пашло на вубытки, давялось трохи и на каунеръ прихвациць у купца».

Не удивительно, что въ этомъ случаѣ «на каунеръ» попадаетъ. Вѣдь на сватьбѣ выпивается не менѣе трехъ ведеръ горѣлки. А въ прежніе годы при дешевой водкѣ вольнаго откупа расходовали до семи ведеръ. Кромѣ того, къ этому дню уже припасается на зарѣзъ какой нибудь подсвинокъ или бычекъ «сеголѣтокъ».

«Вясельля каштавата, говорятъ они. А жѣ-жъ и безъ йетаго нильзя абайцицца; што треба, то треба, свацьба сарочку знайдзье. А тутъ яще пакуль папа уяднаимъ, дыкъ чубъ мокаръ будзье».

Трудность эта еще болѣе увеличивается, если за родителями брачащихся числится «ракаущина». Это ничто иное, какъ ссыпка хлѣба въ пользу священника съ каждаго двора по нѣсколько фунтовъ. Роковщина опредѣляется на сельскомъ сходѣ, но большая часть прихожанъ не вноситъ и затягиваетъ ее лѣтъ на десять, а когда приходится дѣло до женитьбы и вопроса о цѣнѣ за вѣнчаніе, то священникъ объявляетъ: «прежде всего привези раковщину». Когда приходятъ «ядпаць папа», «батюшка привѣтствуетъ ихъ, какъ гостей, садитъ на почетное мѣсто, подноситъ «по чарцы гарѣлки», затѣмъ начинаются безконечные толки, сначала очень миролюбиваго характера, а подъ конецъ разговоры становятся крупнѣй, затѣвается ссора и пререканія. Не сойдутся въ первый разъ—черезъ день, два опять являются.

«Нуця, дыкъ якъ вы, бацюшка? ци ня можна за три съ палцинай пирявинчаць? А ракаущины ужо бацюшка ня пытайця цяперь, абъ калядахъ раждзястьвенскихъ усю заразъ атдадзимъ.»

Интересы крестьянъ и священника вѣчно сталкиваются, а потому между прихожанами и пастыремъ всегда обостренныя отношенія. Онъ и кланяется и улыбается батюшкѣ и камень за пазухой держитъ. Оттого являются подобныя пословицы: «зъ вялікимъ брюхомъ — на папоу дворъ», папоускіе карманы, завидющія папоускія «вочы» и т. п. Но въ этомъ случаѣ и священника нельзя безусловно обвинять: вѣдь онъ получаетъ всего 120 руб. годоваго оклада (у насъ въ Мглинскомъ уѣздѣ). Какой чиновникъ въ состояніи прожить съ семьей на эту сумму? Священника многіе клеймятъ корыстолюбцемъ, но и его доля не завидна: вѣдь приходъ ему дается на такихъ же условіяхъ, какъ въ старину давались города въ кормленіе.

Сватаньнё.

Сваты являются въ домъ невѣсты всегда съ хлѣбомъ или пятикопѣечной францужской булкой, съ поклонами и привѣтствіями. «Дабры дзень вамъ, штобъ здаровиньки были, съ ауторкомъ (вторникомъ) васъ поздравляемъ. «Благодаримъ пакорна, праходзьця далій, просимъ пакорна садицца».

Если въ числѣ сватовъ находится какой нибудь балагуръ, то непремѣнно начнетъ такъ: «Хадзили мы, брадзили па вашаму лѣсу, напали на слѣдъ пушного звѣря, гнались, гнались за куницай», у сяло увагнали и слѣдъ пацяряли. Стали шукаць, ажъ слѣдъ пашоу къ вашой хаци. Распытались у людзей, ажъ то быу ни пушный звѣрь, то ни куница, а красная дзявица».

Если жъ у сватовъ нѣтъ умѣнья и охоты къ лишнимъ разговорамъ, то говорятъ просто: «во вамъ хлѣбъ соль, у васъ товаръ, у насъ купецъ, будзимъ сваты. Нашъ парень змирный, у яго̀ и дворъ свой, и гародчыку зъ поўдзисяцыны йосць» и т. д. Но родители описанію сватовъ не всегда вѣрятъ, а потому хлѣбъ оставляютъ пока у себя и отвѣчаютъ: «Мы распытаимся, падумаимъ». Затѣмъ ѣдутъ въ выгляды въ дворъ молодого и если не понравится обстановка жениха, то вмѣсто отказа отсылаютъ хлѣбъ обратно. Согласія невѣсты обязательно спрашиваютъ, но ни одна дѣвка не даетъ утвердительнаго отвѣта, а говоритъ: «Якъ хо̀чицы». Это и значитъ, что она согласна выйти замужъ. Тогда оставляютъ принесенный хлѣбъ, посылаютъ за водкой, угощаютъ сватовъ и сообща назначаютъ день, когда «играць зару̀чаны».

Зару́чаны.

Подъ вечеръ назначеннаго дня пріѣзжаетъ женихъ съ дру̀жкомъ и молодыми парнями; привозятъ они съ собою музыку и горѣлку. Вотъ всѣ пріѣзжіе и званные гости усѣлись за столъ. «Малада̀я съ таваришками» въ отсутствіи. Затѣмъ отворяется дверь, входитъ одна изъ подругъ невѣсты и низко всѣмъ кланяется. «Нѣ, нѣ, харошъ таваръ, да ни нашъ». Входитъ такимъ образомъ другая, третья съ поклономъ... наконецъ и молодая въ сопровожденіи подругъ. Послѣ ея поклона раздается крикъ: «Йета наша, наша, миласци просимъ». Невѣста подходитъ къ жениху и завязываетъ ему свой подарокъ—ленту въ воротъ рубашки.

Затѣмъ она подноситъ дѣвкамъ горѣлку, и тѣ начинаютъ пѣть, обращаясь къ сватамъ и пріѣзжимъ:

Мы думали—яны смія̀лися,
Ажъ яны̀ змауля̀лися
Мы думали—ваду пилѝ
Ажъ яны̀—гарэлачку.
Мы думали—зъ вядзерачакъ,
Ахъ яны—зъ бутылачакъ.
Мы думали—карцо̀мъ пилѝ
Ажъ яны—стаканчыкамъ.

(с. Росуха, Мглин. у. со словъ 18 л. дѣвицы)

Ци я у цябѣ, мой та̀тухна ни гарюю,
Што ты мя̀не выдаѐшъ маладу̀ю
Прада̀й, прада̀й, тату̀сичка
Зилянѐнькій садъ,
Да-й-справъ жа ты мой родиинькій
Увесь панарядъ:
Саянѝ зиляныя—мушкава̀ны
Чырвяцо̀вы [1]) паясо̀чки и—зъ махрамы,
Казловыя чырявички зъ гапликамы [2])
Лукирачка, дзица̀ дарагоя
Па̀надзѐцца табѣ жыцьцё—нилюбоя,—
Саянѝ зиляныя пыламъ прыпадуць,
У чырвяцовыхъ паясахъ махры атпадуць.

(д. Водвинка, Мглинск. у. с. с. 40-лѣт. женщ.).

Касациныкій силязѐнечка,
Ци быу жа ты да на Дуна̀йочку,
Ци бачиу ты свайю вутачку?
Кали-жъ и мнѣ было̀ яйе бачыць,
Тольки-жъ я—да на Дунайочыкъ,
А вутачка дагадалася,
У густый чѐретъ захавалася,
Травинкою да ни шамнула,
Крылушками да ни стрипинула.
Маладый ты Иваничка,
Ци быу̀ жа ты у свайой цьѐщухны, (тёщи)
Да ци бачиу свайю дзѐвачку?
Кали-жъ и мнѣ было яйе бачыць?
Тольки-жъ я да канёмъ на дворъ,
А дзѐвочка дагадалася,
У высокъ цярёмъ захавалася
Дзвярамы да ня стукнула,
Чабата̀мы да ня рипнула.

(с. Семешково, Стародубскаго у. с. с. 35-л. женщ.).
(См. Шейнъ т. I. ч. 1, стр. 252 № 276, т. I. ч. 2 стр. 408 № 10).

---

[1]) красный—(чирвоный).
[2]) съ крючками.

На гарэ хвійлачки зацвитали
Усю гару высòкаю усцилали;
Прасилася дзѣвачка—
Пусци мяне, татухна,
На тую гару,
Я сабѣ за бѣла цмина
Вяночыкъ сауỳ,
Съ хрищàтаго барвиначка
Хрэщыкъ (крестикъ) наряджу,
Да-й-я свайму Аыдрэячку
У падàракъ пашлю.

(с. Бородинка, Мглинск. у. с. с. 78-лѣт. женщины).

Хадзила Вàрачка па-садòчку,
А за йой Ивàничка па слядòчку.
Ни ступай ты, Ивàничка,
Да на мой саянъ.
Я у Бога сирòтачка
А ты—сабѣ панъ.
Шукай сабѣ панянычки,
Якій ты и самъ.
Выѣздзиỳ я, Вàрачка,
Усѝ дарòги и царьскія гарады̀,
Ни знайшоỳ панянычки
Такія—якъ ты.

(с. Росуха Мглинскаго у. с. с. 40-лѣт. женщ.).
См. Шейнъ т. I, ч. II, стр. 322 № 10.

Варьянтъ той же пѣсни,—записанъ со словъ 78-лѣт. женщины въ с. Бородѝнкѣ, Мглинск. у.

Хадзила дзѣвачка па садòчку,
За йой Иваничка па слядочку.
Жди, пажди, Варачка,
Ужо-жъ ты мая!
Яна ему отказала
Ни праудa твая,
Богава—судàрева
Бацькова слуга,
Я у свѣци сирòтачка,
А ты сабѣ панъ,
Шукай сабѣ панянычки
Такія якъ самъ,
Выѣздзиу Украину
Увесь бѣлый свѣтъ,
Ни знайшоу такія,
Якъ ты макоу цвѣтъ.
Красная дзѣвачка
Сѣнячки мяла,
Якъ галỳбачка гулà
Вѣничкамъ махне,
Цижаленька уздыхне.
Зачуу, пачуу
Яйе татухна,
У слѣдъ ступàе,
У яйе пытая:
Чаго, дзѣвачка, плачышъ,
Ци жаль табѣ мянѣ старòга,
Ци падвòрьяйка майго?
Ни жаль жа мнѣ старасци тваѝе
Ни падворъяйка твайго,
Жаль жи мнѣ рỳсыя касы.
Да дзявоцкія красы
Дзѣвачки идуць, вяночки уюць,
Я свой—разьвиваю
Па крàсаццы, (по цвѣточку) па василёчку
Я свой раскидаю.
Дзѣвачки идуць—пѣсянки пѣюць,
Мянѣ ни прымаюць
Мнѣ праỳды ни скажуць.

(с. Горяны, Мглинскаго уѣзда, со словъ 20-лѣт. дѣвицы).

У гарòдзи ни дубъ, ни бярёза
Чырвоная рожа (роза).
Падъ рожаю дзѣука сядзѣла,
Зъ рожай гаманила (разговаривала),
Рожа, мая рожа,
Схарани мяне Бòжа!
Падъ сакалѝная крылца,
Падъ павѝная
Будзя мянѣ татухна шукаци,
Вяликаго пиряйма даваци,
Пиряйма ни бярыця
И мянѣ ни кажыця.

(с. Гаряны, Мглинскаго у., со сл. 20-лѣт. дѣвицы).

Да ѣдзь ты, мой татухна,
У гарадòчыкъ,
Купи ты мнѣ, татухна,
Салавейку.
Прыкуй яго, татухна,
Къ каравàцы
И онъ будзя рàнинька
Щабитаци

Будзя мяне, маладую,
Пабуджаци.
У мяне, мой татухна,
Ня свой бацька,
И онъ мяне ранинька
Ни пабудзя.
Иосць у мяне нявѣстачка
Маладая
Яна у мянѣ ранинька
Ни уставала.
Ня слухайця, сусѣдачки,
Свёкра майяго.
Да я мяту хату, сѣни
Съ свѣчкамы,
Да я бягу па вадзицу
Зъ зарянйцай.

(д. Бородинка, со сл. 78-лѣтн. женщ.).

Наканунѣ вѣнца.

а) Въ домѣ жениха.

Наканунѣ вѣнца вечеромъ въ домѣ жениха собираются приглашенные «сусѣди», свашки и дружкѝ — «каравай чапаци» (вѣшать) Въ сумерки зажигается передъ образомъ лампадка и восковая свѣча, накрывается бѣлой скатертью столъ и на немъ ставится верчъ и каравай. Это пшеничные хлѣбы, окрашенные красной краской и утыканные обвитыми цвѣтной бумагой—палочками, на верху которыхъ насажены тоже изъ тѣста разные пѣтушки, орлы и проч. Верчъ стоитъ уже убранный, готовый, а для каравая всѣ эти палки съ фантастическими птицами покупаются отдѣльно, и въ этотъ вечеръ эти принадлежности вѣшаютъ и прикрѣпляютъ на каравай, сопровождая все это выпивкой и пѣснями. Предъ началомъ всѣ присутствующіе молятся предъ образами, бьютъ земные поклоны и затѣмъ садятся за столъ. Дружкѝ, какъ главный церемонимейстеръ, привстаетъ и возглашаетъ:

Баслави ацецъ,—маци
Свайму дзицяци
Каравай чапаци.

«Нехай Богъ баславляя», получается отвѣтъ и свашки (молодыя замужнія женщины) начинаютъ пѣть:

Караваю мой муливаный (разрисованный)
Да хто-жъ цябѣ муливаў,
Ци баги цябѣ муливали,
Ци малыя баженяточки?
Муливали мянѣ зорячки
Да Расуськія дзѣвачки.

(Заучено много еще въ 60-хъ годахъ въ с. Росухѣ на свадьбахъ).

Матачка Данилку (имя жениха) радзила,
Мѣсяцамъ обгардзила,
Звяздою подпирязала,
Дарожку указала.
Ѣдзь, мой сыночекъ, ня стой,
У цябѣ коничакъ ня свой,
Ночачка цёмная,
Дарожка ня торная,
Дружина ня вѣрная.

(Заучено много въ 60-хъ годахъ въ с. Разсухѣ на свадьбахъ).

Што—й у садзи, да на вишаньни
Извиуся раёчыкъ
У залотый клубочыкъ,
Извиуся у садзи, да на вишаньни,
Хочa паляцѣци
Изъ бора у дубрау
Выбрау сабѣ сосну
Тонкую да високую,
Кудрявую, кучарявую.
Сабрауся Данилка
Съ свайою раднёю,
Зъ болшаю сястрою,
На коня хоча сѣсци
Да паѣхаци къ цьесцю
Абабраў сабѣ дзѣуку
Красную, да харошаю,
Харошаю, да пригожаю
Маладую да Адарачку (имя невѣсты Дарья).

(д. Лупеки, Мглинскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщины).

Ходзя мацi да па вулицы
Сусѣдачакъ прося—
Сусѣдачки майѐ,
Хадзиця вы ка мнѣ,
Къ майму дзицяци
Караваю чапаци,
У майго сыночка
Самъ Богъ каравай мѣся,
Прячистая свѣця,
Ангели да ваду нȯсяць,
Миколая прȯсюць—
Миколай чудотвȯрицъ,
Хадзи къ намъ на пȯмачъ.
Да нихто-жъ таго ни зная,
Што ў нашамъ караваи
Съ сями кароў масла
Да яйецъ паўтораста,
Да съ трёхъ крыницъ вадȧ,
Да съ сями лавакъ мука.

(с. Росухи, Мглинскаго уѣзда, 66-лѣтней женщины).

Накануне̂ вѣнца.

б) *Въ домъ невѣсты.*

Дзявйчки (дѣвички—дѣвичникъ).

Въ этотъ самый вечеръ, когда у жениха «чапаюць каравай»— у невѣсты «гуляюць дзявички». Предъ сумерками невѣста съ подневѣстницей (подружка) ходитъ со двора во дворъ и сколько бы въ избѣ ни было народу, каждому отвѣшиваетъ низкiе поклоны. Подросткамъ и молодежи кланяется въ поясъ, тихо и скромно приговаривая: прошу миласци ка мнѣ на дзявички. «И получивъ отвѣтъ: «нехай Гасподзь памагая», она повторяетъ еще два раза свой поклонъ въ видѣ благодарности за пожеланiя. Старшимъ себя—дѣлаетъ три земныхъ поклона. «Богу святому кланяйся дзицятка, «отвѣчаютъ ей ласково», дай жа Божа табѣ сцасця—й—долю и усяго, чаго ты сабѣ атъ Бога просишъ». Однако, несмотря на обилiе поклоновъ, которыхъ приходится въ этотъ день отмѣрять не менѣе полутораста, на дѣвйчки приходятъ только дѣвки, родичи и кое кто изъ завѣдомо приглашенныхъ родителями гостей.

На «дзявичкахъ» старшiе «залязаюць за столъ на бясѣду», ихъ «частуюць гарэлкой», подаютъ закуску. Дѣвокъ съ невѣстой отводятъ въ другую хату, а если нѣтъ таковой, то къ сосѣду. Туда имъ посылается закуски и немного водки. «Дзѣўки ня пьюць на багату гарэлки, яны саромяюцца и тольки пригубюць хоць йншай гарэлка прациуна, якъ старцу гриуна.

На дѣвичкахъ не полагается ни музыки, ни танцевъ. Подруги, какъ бы прощаясь, проводятъ послѣднiй вечеръ съ невѣстой и время отъ времени поютъ пѣсни «на жалостный голосъ» (минорный тонъ).

Куковала зязюличка у садочку,
Прыхилиўшы галовачку кы листочку;
За лисцяйкамъ галȯвачки ни видȧци
За пташками галасȯчка ни слыхаци;
Заплакала Адарачка у святлицы
Прыхилиушы галовочку кы скамъыцы,
Яна плакаушы гаварыла—
Якъ мнѣ у чужiя людзи ицщь?
Якъ мнѣ свекру наравиць?
Зайшоу, пришоу Данилачка.
Ня журися, дзяучоначка,
Йосць у мяне тры чалядачки:
На крюку тры нагȧячки,
Адна будзя рана пабуджаци,
А другая дзѣло работȧци,
А трэцця—свекру наравици.

(с. Човпия, Стародубскаго уѣзда, со словъ 50-лѣтн. женщины).

А чья-жъ йета рута-мята падъ гардю
Зарасла, забуяла либидою?
Да чаго ты, Мархвачка, такъ, сядзишъ,
Да чаго ты рутȧчки ня пȯлишъ?
Цяперь мнѣ, дзѣвачки, ни да руты,
Бяре мяне дзяцйнка у свайе руки
У чужую старанў на вѣки.

(с. Росухи, Мглинскаго уѣзда, со сл. 47-лѣтн. женщины).

Татухна мой родинькій,
Выйдзи за вароты,
Приляжъ на дарози,
Ци шумиць лѣсь-дуброва,
Ци стогня дарога,
Ци свищуць нагайки,
Ци ѣдзуць баярки,
Ци пяюць свашки пѣсни,
Да ци йосць прамижъ йихъ,
Мой разлушничакъ,
Разлучну майю касу,
Разабрау па валасу,
Пусцну на шауковамъ паясу.

(с. Бородинка, Стародубскаго уѣзда, со словъ 78-лѣтн. женщины).

Ци я цабѣ, мой бацюшка,
Ни вѣрнйца была,
Ци ня вѣрна служила.
Изъ цьерему да—й—ни выходзила,
Тольки-жъ была выйшла
Изъ цьерема да на ганачки (на крылечко)
Да—й глянула я на красачки,
Ажъ майе краски—йграюць,
А мойе живаточки вянуць.
Хоць играйця краски, ни играйця,
Мнѣ у бацьки ня жыци
И вяночкоу ня вици.
Адзинъ была звила
И таго ни знасйла,
Павѣсила, да—й у цьерями,
У цьерями да за дзверями
На залатомъ гваздочку
На шауковомъ шнурочку.

(Въ с. Семешковѣ, Стародубскаго уѣзда, со словъ 35-лѣтн. женщины).

Въ Росухѣ къ этой пѣснѣ прибавляютъ еще три строчки.

Куды татухна идзѐ
Галоукаю чырькайщца, (касаться)
Слёзкамы абливайщца.
(Варьянтъ у Шейна стр. 455, т. 1, ч. II).

Какими только ласковыми названіями ни обзываютъ собравшіяся здѣсь сверстницы въ пѣсняхъ свою заручённую подругу дѣтства: она у нихъ на прощаньи и «вишанька» и «сѣрая зязюличка» и «бѣлая бѣляначка» и «красная суравѣжачка».

Сѣрая мая зязюличка,
Бдрамъ ляцишъ,
Чаму ни кукуйшъ?
Красная мая дзяучоночка,
Вѐчаръ—сядзйшъ
Чаму пѣсянъ ни пѣешъ?
Сѣла ты, да навышай усихъ
Галовачку сыхилйла
Да нанйжы усихъ.

(Записано въ хут. Александровкѣ, Мглинскаго уѣзда, на дѣвичкахъ).

Бѣлая ты бѣляначка,
Красная суравѣжачка
Ци байсься ты марозу?
Я марозу ни баюся,
Атъ марозу схаранюся,
Гольляйкомъ абгараджуся,
Лысцяйкамъ напрянуся (накроюсь)
Красная да ты дзѣвачка,
Ци байсься ты свёкра?
А я свекра ни баюся
Я—яму пакарюся.

(Записано тамъ же на дѣвичкахъ).

Зяленая наша вишанька
Туды сюды нахилилася
Тирялъ тынъ, да на вулачку.
Ни сама-жъ я нахилилася,
Нахилили мяне буйные вѣтры
Да дробные дажджы.

(Тамъ же записано на дѣвичкахъ).

Кленъ—липа ци ня дзеряуцо,
Смародыня ци ни ягада,
Кулиначка ци ня дзѣвачка
Яйе каса ци ня косачка?

(Тамъ же записано на дѣвичкахъ).

А казала калина: цвисць ня буду,
Зяленаго лисцяйка ни пущу,
Краснай ягадки ни ураджу.
Якъ прышла пара —зацьвила,
Зялёныя ли̂сцяйки пусци̂ла
Ни праўдзивая Тацяначка
Казала: замужъ ни пайду,
Маладо̂га Миколки ни люблю.
Якъ прышла пара—замужъ пашла̀,
Маладо̂га дзяцинку спалюбила.

(д. Жуково, Мглинскаго уѣзда, 18-лѣтн. дѣвицы).

Татачка мой радуюсинькій,
Бачыла я сонъ дзиунюсинькій:
Што—й надъ нашымъ надъ дваро̂чкамъ
Наляцѣла стада галубо̂чкоў,
А мижъ галубочкоу адзинъ сакало̂чыкъ.
Дзѣвачка мая, я твой сонъ разгадаю:
Галубочки—йета байрачки,
Ясный сакалочыкъ—маладый дзяцинка.

(с. Новоселки, Стародубскаго уѣзда, 26-лѣтн. женщины).

Ишла Проничка, кругъ стала,
Сыпала руту—мяту зъ рукава.
Рута мая дробна, зилянàя,
Съ кимъ мнѣ цябе падбирацъ?
Праси, дзѣвачка, тàтухну,
Зимляныя рутачки сабирацъ.
Ня буду я, татухна прахапи,
Ня умѣу йонъ мянѣ кахаци,
Ни у свайомъ дварѣ дзиржаци.

(д. Водвинка, Мглинскаго уѣзда, со сл. 30-лѣтн. женщины, въ 1892 г.).
См. Шейнъ т. I, ч. II, 347, № 24.

Маладая да Мархвўтачка,
Пиряйдзи сѣни
Да падай татухнье вадзи̂цы,
Твая вадзи̂ца салдо̂ка,
Саладжеѣй мёду и винà,
Што—й заручённая падалà.

(с. Росуха, со словъ 17-ти лѣтн. дѣв. въ 1860 году).

Дзѣвачки, голубачки, попытайця у майо̂й доничкн,
Чаго яна такъ плача, да чаго жъ йой жаль,
Ци свойо̂й рўсай ко̂сачки ци дзявочныя кро̂сочки (красоты)?
Ни жаль жа мнѣ ни дзявочныя красы, ни рўсай касы̂,
Минулася бацькава раско̂ша-сама бачу,
Ни разъ, ни два па раско̂шы той заплачу.

(с. Хоробичи, Городнянскаго уѣзда, со словъ 27-ми лѣтней женщины, въ 1896 г.).

Если родителей невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то поютъ еще и слѣдующія пѣсни:

Сѣнички мойе ни мяцёныя,
Падружки майе зазваныя
Да ня частава̀ныя,
Устань, мая мамачка,
Пачастуй падружачакъ.

(с. Гарцево, Стародубскаго уѣзда, со словъ 27-ми лѣтн. женщины, въ 1897 г.).

Адаркина ма̀мачка пирядъ Богамъ стала,
Наухрестъ руки склала
Да си̂лнинька (сильно) Бога про̂ся:
Пусци Божа зъ неба да до̂му
Паглядзѣци да на свайю дзицяцю,
Ци харашо яна уряджана,
На по̂куци ци паса̀жана,
Уряджана якъ лябедачка
Паса̀жана якъ сиро̂тачка.
Устань, устань, мой татачка,
Дай мнѣ пара̀дачку (совѣтъ)
Якъ у свѣти жыци.
Радъ бы я устаци
Парадачку даци,
Сырая зямелька дзвери замяла,
Вакошки засыпала
Дубовыя дошки (доски)
Стиснули ножки,
Ни магу—й устаци
Я къ свайму дзицяци.

Утромъ передъ вѣнчаньемъ женихъ съ дружкомъ, боярами и своими гостями ѣдетъ поѣздомъ въ домъ невѣсты. При выѣздѣ изъ отцовскаго дома, во дворѣ поютъ слѣдующія пѣсни:

На неби зърочка свитае,
Иванька коника сѣдлае,
У яго мамухна пытае:—
На што коника сѣдлаишъ,
Куда ты, сыночекъ паѣдзишъ?
Паѣду, мамухна, паѣду
У тую дорогу часную
Па тую Лукирку красную.

(Въ д. Водвинкѣ, Мглинскаго уѣзд., отъ 40-лѣтн. женщины).

А у нядзѣлю рано
Попъ къ абѣдни звоня,
Иваничка па двару ходзье,
Съ татухнамъ гавдря:
Татухна мой да ты родненькій,
Парадзь и мнѣ ты парадачку
Ни малую, ни вяликую.
Ци къ абядни мнѣ йциць,
Ци баяръ сабираць?
Зъ Богамъ, сынку, зъ Богамъ
Памалиў бы ся Богу,
Зъ баярамы у дарогу.

(отъ той же).

Саколику да на колику,
Иваничка да на канику,
Саколику, да ня выляци,
Дзяциначка, да ня выѣздзи,
Пaмажи-жъ яму, Божа,
У пуций у дарози,
У вяликамъ абози.

(Заучено въ 1859 году на свадьбахъ мною).

Въ дорогѣ продолжаютъ пѣть:

Жаркая соньняйка (солнце),
Калясомъ надъ лясомъ,
Ня куй, дзяцинка,
Сталяного нажа,
Падкуй, Иванечка,
Варанѓго коня.
Сталяный ножычакъ
На сталѣ ляжыць,
Вараной коничакъ
У дарози бяжыць.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 40-лѣт. женщ.).

Паѣдзимъ борамъ барамы,
Боръ будзы шумѣць,
Падкоуки звинѣць,
Зацуюць людзи,
Дзивицца будуць.
Зачуя цьещухна
Гатавацца будзье.
Пачуя Ганначка,
Прибирацца будзье.
Иванъ ѣдзье—
Поле стогне!
Ѣдзье хлопчычакъ
На свой даръ.
А яго жъ то даръ
Дарагій товаръ,
Куплёный, зълюблёный.

(См. Шейнъ т. I, ч. II, с. 501, № 24, стр. 12.)

Подъѣзжая къ двору невѣсты, поютъ:

Ой ѣхали барамы,
Цёмными лясами,
Пили ваду съ криничаньки,
Стой-пастой, мой каничанька,
Ни мая дружиначка,
Ни мая вярненькая,
Пріѣхау Андрэйка къ вародтамъ,
Яго коничакъ падъ залотамъ.
Павйное пяро на коню лягло
Па яго галовачки,
На ряменнай збруячки,
Вышла цьещухна витаци—
Йонъ назадъ канёмъ ступаци:
Стой, пастой, мой каничанька!
Стой, пастой, мой варненькій,
Ни мая дружыначка,
Ни мая вярненькая.

Затѣмъ повторяется пѣсня сначала съ измѣненіемъ «вышелъ свёкарька витати», затѣмъ вышелъ брачнейка. Когда наконецъ дѣло доходитъ до невѣсты, то оканчивается такъ:

Вышла Адарка витàци.
Йонъ унерѝдъ канемъ ступаци:
Стой, пастой, мой канѝчанька!
Стой, пастой, мой варòненькій,
Во жъ мая дружыначка!
Вотъ мая вярнѐнькая,
Во мая радзиначка,
Во мая раднѐнькая.

Въ день свадьбы утромъ невѣста снова съ подневѣстницей обходитъ все село и кланяется троекратно каждому, промовляя: «Прашу миласци на вясельля». Затѣмъ вскорѣ въ село въѣзжаютъ женихъ съ дружками, свашками и своими гостями, которые всѣ вмѣстѣ называются поѣзжанами. Чѣмъ богаче свадьба, тѣмъ больше поѣздъ. Когда уже всѣ собрались въ хатѣ, туда вводятъ торжественно «молодую» при слѣдующей пѣснѣ:

Ступѝла Дунячка на парогъ
Сустрѣу яйе Гасподзь—Богъ,
Доля яйе щаслѝвая.
Добрая гадзѝначка,
Богъ яйе сустрикàе
Прячистая святая,
Доля яйе щасливая,
Добрая гадзѝначка
Су сёю радзѝначкай

Передъ тѣмъ какъ отправиться къ вѣнцу, дружкò ставитъ всѣхъ въ хатѣ въ рядъ: молодую съ молодымъ, затѣмъ разныхъ братенниковъ (двоюродныя братья), золовокъ, свояченицъ и проч., приказываетъ всѣмъ взяться за руки, самъ протягиваетъ руку невѣстѣ, заводитъ ихъ въ этомъ порядкѣ за столъ и садитъ такъ, чтобы невѣста попала въ конецъ стола. Тутъ повторяется остатокъ древняго обычая купли невѣстъ. Мязеный братъ продаетъ косу сестры повѣренному жениха—дружкỳ, который подноситъ брату чарку горѣлки на деревянной тарелочкѣ и нѣсколько копѣекъ денегъ. Братъ не беретъ, отказывается, говоритъ, что коса сестры «дараджѣй стоицъ»; его уговариваютъ и послѣ торговъ набавляютъ еще нѣсколько копѣекъ, но вся сумма ограничивается по большей части пятакомъ или гривенникомъ. Когда коса продана, невѣсту окружаютъ подружки. Подневѣстница расплетаетъ косу, прочія «жáласна паюць». Молодая, разставаясь съ своей «дзявицкай жысцю», тихо роняетъ слезу за слезой, опустивъ голову.

Ни братъ касу трèпля,
Ни братъ расплитая,
Чужа—чужаница,
Красная дзявица
Па валасу разбирая.
Па слезцы раняя,
Русаю косачку братъ прадау,
Идзѣ-жъ ты уплётки падзѣвау?
На сталѣ паклау,
Мѐншай сястрицы падавау.
На жъ табѣ, сястрица.
Сястрины уплётки.
Судзи, Божа, табѣ то,
Хоць ни сёлята,
Дыкъ на тóлѣта (въ этотъ годъ)
Абъ такой парэ якъ йета.
Йета табѣ, Просичка за тойе,
Што пляла косачки у тройе.
Плесць было косы,
У чатыре ряды,
Жыць было съ тàтухнай
Да чатыри гады.
Запляла ты кóсачки рядамы,
Пріѣхау Иванъ да зъ дружкамы (bis)
Расплёу кòсачки съ шнуркамы.

Въѣзжая въ церковь дружки просятъ у «радзѝцялёвъ» невѣсты подорожную и вручаютъ имъ фляшку съ горѣлкой и чарку. Обычай таковъ: всякій, кто встрѣтится съ весельнымъ поѣздомъ, имѣетъ право требовать «падарòжнай» т. е. по чарцы гарэлки». Отказа въ этомъ случаѣ не полагается. По пути къ церкви поютъ:

Ой попя, попя Гардзею,
Звичай дзѣтачакъ у надзелѣ.
Ой попя, попя,
Бацька нашъ,

Звинчай дзѣтачакъ
У добрый часъ.
А кали ня будзишъ вянчàци,
Будуць твайи кудзярьки трящàци,
Якъ лютый марòзъ на дварѣ,
Такъ твайе кудзярьки на галавѣ.
А мы ѣдзимъ къ папу,
Вязёмъ грòшій капу,
А кали зь яго мàла,
Штобъ яго разарвала.

Ѣдучи назадъ изъ церкви поютъ:

Съ падъ вянца Ганначку, съ падвянца
Зламила зъ бярёзы верхауца [1]),
Стой, мая бяреза, бизъ вирха,
Бизъ шырокàго лисцейка,
Живи, мая мамухна, бизъ мянѣ,
Бизъ майе русыя косачки
Бизъ дзявоцкія крòсочки.
Ой радъ рàдзинёкъ Хвёдарька
Што—й—у божамъ дамку пабываў,
На бѣламъ рушничку пастаяу,
Зъ правыя ручачки персцинь здѣў
Да на свайю Дунячку поглядзѣў.

(с. Росуха, заучено мною на свадьбахъ въ 1859 году).

Подъѣзжая ко двору поютъ:

Запали, матка, свѣчку,
Выйдзи на сустрѣчку,
Ци пазнаешъ, маци,
Ты свайго дзицяцю,
Да ужо-жъ твайо дзиця
Звѣнчана ѣдзя.

(с. Росуха, заучено на свадьбахъ въ 1859 году).

А мы были, у Бога
У Духа Святòго
Да мы бачыли (bis)
Два вянцы на сталцы,
Треццій на галоваццы,
На русай кòсачки,
На шауковай сцежачки.

(с. Яблонка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 60-лѣтн. женщины).

При появленіи на порогѣ молодой, ее встрѣчаютъ пѣніемъ:

Ой тучка, наша (тучка) Дунячка
Па небу ишла тучамы,
Изъ неба сыйшла дажджамы,
Па рацѣ плыла вўтачкай,
У сѣни выйшла пàваю,
За сталòмь сѣла паннаю.

(с. Лупеки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщ.).

По пріѣздѣ изъ церкви жениха,—невѣсту и поѣзжанъ садятъ за столъ. Затѣмъ мать вноситъ на «вечкѣ» [2]) подарки—рукодѣлія невѣсты: маленькие платочки изъ льнянаго холста, кусочки для рукавовъ, рушники.

При этомъ поютъ приличныя случаю пѣсни:

Што—й у вардцячкахъ рѣчачка,
Кала тыя рѣчачки—сцьежачка,
Ой тамъ Дунячка хадзѝла,
Тонкія падарачки бялила,
Годзы [3]) табѣ, дзѣвачка,
Падаркау бялици,
Ужо твайе падарки бялѐньки,
А ужо твайе баяры близѐнька,
Ужо твайе баяры у пòли,
А хоць у пòли, ни у поли,
Да нехай будуць здаровы,
Ще—й майе подарки ни гатовы.

(с. Манюки, Новозыбковскаго уѣзда, отъ 16-лѣтн. женщ.).

---

[1]) верхушка. [2]) крышка отъ дежки. [3]) Полно.

При появленіи матери съ подарками начинають пѣть:

Паузе, паузе да мурашачка
Нясе, нясе да падарачки,
Падарки бялёньки
Атъ слёзакъ макреньки,
А казали—Ганначка ни пряха,
А казали—Ганначка ни ткаха,
Яна-жъ рана уставала,
Яна тоненька пряла,
Часценька ўсе ткала,
Бѣленько бялила,
Усимъ свайимъ баярамъ дзяліла,
Жоднаму [1]) дзевярю па рушничку,
Жоднай залоўци па нямёццы [2]),
Была скрыня [3]) поўна,
Цяперь палавина,
Мацеръ атабрала,
Баяръ даравала.

(с. Лупеки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщ.).

Въ это время подносятъ гостямъ по старшинству, съ поклономъ, чарку горѣлки и подарокъ, о крестной матери непремѣнно чоботы или башмаки съ слѣдующими словами: «Штобъ ни пагнѣуны были да заудзяшни [4]) приняли.

Гулі, гули пчолы
Къ вулью припадаючи,
Плакала Марьячка,
Къ кублу [5]) прилягаючи,
Ой кубле, мой кубле
Да што—й у цябѣ бубня?
Зиму пряла, вясну ткала,
Лѣцячка бѣлила,
За адзинъ часъ раздзялила.

Кромѣ званныхъ гостей, дивицца вясельля идетъ все село, старый и малый, подъ окнами, во дворѣ, въ сѣняхъ, въ хатѣ, на полатяхъ и даже на пѣчи забираются посторонніе зрители (которымъ впрочемъ не полагается никакого угощенія).

Дружко и хозяева то и дѣло снуютъ по хатѣ съ угощеніемъ: въ правой рукѣ бутылка съ водкой, въ лѣвой прикрытая холстомъ деревянная тарелочка съ полной чарочкой, которую безпрестанно подносятъ къ гостямъ, «частуюць усихъ».

Поютъ, шумятъ, говорятъ,—кто во что гораздъ; настоящая ярмарка. Молодецъ подъ музыку танцуетъ гдѣ-нибудь на вольномъ воздухѣ подъ повѣтью [6]), не смотря на зимнее время, а подчасъ и морозы.

Затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ, сопровождающійся тоже большою выпивкою. Послѣ обѣда женихъ и преимущественно молодежъ запрягаютъ своихъ коней и переѣзжаютъ на заранѣе приготовленную для нихъ квартиру въ одномъ изъ сосѣднихъ дворовъ.

Туда забираютъ музыку, привезенную женихомъ водку, сало, колбасы и пр. Это и называатся: «свашки гуляюць».

Што—й цьеща зяця
На вячерю звала,
Да сахорный кусокъ
На блюда клала.
Приляцѣу сакôлъ
Разсыпау сахôръ
Крылцамы, перцамы [1])
Па столику разнасиу,
Якъ пріѣхау зяць,
Нечымъ частаваць,
Маладую Лукирку
Да—й треба атдаць.

(д. Лупеки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 34-лѣтн. женщ. въ 1894 году).

Когда свашки нагуляются, передъ концомъ пира начинаютъ напоминатъ молодому, что пора ѣхать во дворъ къ тестю за невѣстою, которая уже соскучилась «по свайомъ дзяцинки».

---

[1]) Каждому. [2]) Головное бѣлое покрывало. [3]) Сундукъ. [4]) Съ благодарностью. [5]) Дежка съ ушками и крышкой для бѣлья. [6]) Четыре столба и сверху крыша.

На руци [1]) мяци жоутый цвѣтъ,
Чаго цябѣ Андрэичка досюль нѣть,
Цябѣ Ховрачка даўно ждзець,
Изъ застольляйка вонъ няйдзець.
Писала бъ письмо—ня ўмѣю,
Паслала-бъ пасла—ня смѣю.
Сама бъ я пашла—баюся,
Шъ чыстаго поля вярнуся,
У чыстамъ поли старо̀жа,
Тая старо̀жа спаймая,
Па русай касѣ угадая,
Йета ко̀сачка распляцёная,
Йета дзѣвачка обвѣнча̀ная.—

У панядзѣлакъ рана
Да синя моря йграла
Соньняйка купалась,
Адарачка умывалась,
Бялила забыла,
На камени палажила,
Каму ѣхаць па бялила?
Дружко̀въ конь ня кованъ,
Яго вазокъ ни мулёванъ,
Каму ѣхаць па бялйла?
Данилкинъ конь да подко̀ванъ
Й вазокъ яго памулёванъ,
Яму ѣхаць па бялила,
Яму ѣхаць па бялилячка.

Между тѣмъ, въ домѣ невѣсты подъ вечеръ начинають дарить молодую. Всѣ сидятъ чинно за столомъ.

Поднимается дружко̀ и выкрикиваетъ по очереди имена родичей и гостей.: Йосць тутъ, йосьць Домна Иосулавна хресная мацп? Чимъ вы нашаго маладо̀га князя и маладую княгиню падарўице? Ци валомъ, ци канёмъ, ци битымъ чирвонцамъ?

Люди болѣе близкіе дарятъ живностію на новое хозяйство, какъ напр. овечку, телушку—другимъ годкомъ, поросеночка-годовичка.

Прочіе, въ особенности дѣвки, дарятъ кусочки льнянаго холста, рушники, а большинство на туже тарелку, на которой подносятъ горѣлку, кладетъ какую-нибудь мелкую монету и выпиваетъ подносимую чарочку.

А иной шутникъ закричитъ:

Дарю маладо̀го князя и маладую княгиню падаркамъ: тымъ канёмъ, што ни дагонишъ усимъ сяломъ, и при этомъ выпускаетъ изъ рукъ воробья.

Тутъ же «дзѣўки дражнюць» маладо̀го въ припѣвахъ:

У нашаго маладо̀го
Да усё ни людное,
Шубка сабача,
Шапка цилячча,
Чабицики парасяччы:

Шапка ряуне,
Шубка бряхне,
Чабицики писнуць,
Дружка̀ черци стиснуць.

(Заучено мною на свадьбахъ въ с. Росухѣ въ 1859 году).

Да куда ты, Дарьячка, глядзѣла,
Да каго ты сабѣ вы̀глядзѣла?
Йонъ гарбатъ, грыбатъ, ни пригожъ

Савиныя вочачки, чаплинъ носъ,
Куды цябѣ, дзивачка, чортъ панесъ.

(Заучено мною въ с. Росухѣ на свадьбахъ въ 1859 г.).

Дружко̀ сначала гуляетъ съ свашками, а затѣмъ приходитъ въ хату, гдѣ дарятъ молодую.

Дѣвки въ припѣвахъ «дражнюць дружка».

А казали сваты бага̀ты,
Ажъ яны убоги,
Йихъ кони бизно̀ги,

Сами пяшкомъ ишли,
Жаниха у мяшку пясли (bis)

(д. Яблонка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 60-лѣтн. женщины, въ 1890 г.)

---

[1]) На рутѣ.

Дружкѐ каравай дѣля,
За йимъ да жана хѐдзя,
Семяро дзѣтакъ за сабою вѐдзя,
Да ўси съ кашалямы,
Што—й у ротъ, што—й у кишеню,
Штобъ былѐ на вячѐрю.

(с. Пилипча, Городнянскаго уѣзда, со словъ 27-лѣтн. женщ., въ 1897 году).

Идзы, дружкѐ, у хату
Нага на пардѐзи,
Рука па палицы,
Шукая паляницы.
Галѐдзинъ, дзядзя, галѐдзинъ
Зъ галѐднаго краю!
Па цѣламу сухарю кусае,
Па цѣлай скйбцы глытàе.

(Отъ той же 60-л. женщ. въ д. Яблонкѣ).

Дзѣуки дружка били,
Хахолъ абарвали,
Хто идзе, тэй пытая,
Чій хахолъ лятая?

(с. Росуха, Мглин. у., со сл. 30-лѣтн. женщ.).

«Дражнюць» также поднявѣстницу и поджанишника:

Надинявѣсница псица,
Сядзиць якъ лисица,
И гарэлачки ня пъе,
И пѣсянъ ня пяе.

(Заучено мною въ 1854 г. на свадьбѣ въ Разсухѣ).

Поджанишничакъ маладый
Нагнаў кацятъ да вады,
Катораяя ня йдзе,
За хвостъ падвядзье,
Каторая пабяжыць,
Ионъ тую прыдзяржыць.

Остальное время молодая проводитъ среди своихъ «таваришакъ».

Ихъ всѣхъ сажаютъ за отдѣльный столъ или отводятъ въ другую хату. Молодой и дружкѐ эти часы остаются «у сватакъ на хватери.

У молодой поются прощальныя пѣсни предъ разлукою съ подругами:

Кацилися игрушки зъ вярхушки,
Пакидаюць Марьячку падружки—
Дружачка наша, Марьячка
Якъ нàмъ съ табою растряцца [1]),
Да якъ мѣсячку зъ зарёю,
Такъ намъ, Марьячка, съ тобою.

(Заучено мною въ с. Росухѣ въ 1858 году).

Щабитала чачачатка надъ кусцикамъ сидзючы—
Божа мой мѝластный, идзѣ жъ майо лѣта дзѣлася?
Идзѣ жъ майо цёплая?
Ни на кусцику расйцы,
Ни падъ кусцикамъ травицы,
Божа мой миласный,
Идзѣ жъ майо лѣта дзѣлася?
Идзѣ жъ майо цёплая?
Плакала Гарпиначка,
За столикамъ сидзючи,
Божа мой миласный,
Идзѣ-жъ мая краса дзѣлася,
Идзѣ-жъ мая дзявоцкая,
Ни на галавѣ вяночка,
Ни на ручаццы пирсцянёчка,
Идзѣ-жъ мая краса дзѣлася,
Идзѣ-жъ мая дзявоцкая?

(с. Лупеки, Стародубскаго уѣзда, отъ 38-лѣтн. жен., въ 1896 году).

---

[1]) Разстаться.

Вячеряй, Дарьячка, вячеряй
У свайго роднаго бацюшки.
У лютаго свекра сядзуць вечеряць,
А цябѣ маладу
Пашлюць па ваду,
Тамъ воды глыбокія, горы высокія.
Вадзицы принясешъ
Ко́жнаму паднясешъ,
И старо́му и мало́му,
И Иванцы маладо́му,
Збярешъ ложачки,
Сатрэшъ крошачки,
Во́зьмуць цябѣ слёзачки.

(с. Човпня, Стародубскаго у., отъ 50-лѣтн. женщины).

Уси ву́тачки зъ во́зяра плывуць,
Ой рана, рана плывуць.
Адна ву́тачка заставалася,
Ой рана, рана заставалася.
На каго я́на спадзивалася?
Ой рана, рана спадзивалася
На таго силязеньку, на каса́таго,
Ой рана, рана, на каса́таго,—
Силязеничка, ни пакинь мянѣ.
Уси дзѣвачки зъ застольляйка идуць,
Ой рана, рана зъ застольляйка идуць,
Адна дзѣвачка засталася,
Ой рана, рана, засталася.
На каго яна спадзивалася?
Ой рана рана спадзивалася
На таго дзяцинку, на малада́га—
Ой рана, рана на малада́га,—
Ты, дзяциначка, ни пакинь мянѣ,
Ой рана, рана ни пакинь мянѣ.

(д. Лупеки, Стародуб. у., отъ 38-лѣт. жен., въ 1895 г.).

Палягла я́ра пшаница па пяску,
Павиуся хмѣль по ляску.
Признайся, дзѣвачка, хто табѣ милъ будзя,
Хто у цябѣ милюсенькій?
Милъ жа мнѣ, дзѣвички,
Мой родный бацюшка.
Ни пра́уда, дзѣвачка,
Ни праўда, душачка,
Ни праудачку кажишъ
Ня вѣрная сло́уцо.
Милъ жа мнѣ, дзѣвачки,
Да мой родный брахнейка,
Ни прауда, дзѣвачка,
Ни прауда душачка
Ни прауду кажышъ.
Милъ жа мнѣ, дзѣвачки,
Маладый Андрэячка.
— Прауду, дзѣвачка,
Прауду, душачка,
Праудачку кажышъ,
Вѣрная сло́ва.

(с. Новоселки, Стародубскаго у., со сл. 20-лѣт. дѣвки, въ 1897 г.).

Якъ табѣ, мѣсячку,
И зъ зарёй разайцицца?
— А я пайду па забо́лаччу,
Съ туманамъ абнимуся,
До́жджыкамъ абальюся,
И за гарою разыйдуся.
Якъ табѣ, дзѣвачка,
Якъ табѣ, красная,
Съ падружкамы разайцицца?
А я пайду па застольляйку
Слёзкамы абольлюся,
Зъ дзѣвачкамы разыйдуся.

(с. Новоселки, отъ той же).

Но вотъ солнце уже закатилось, огни давно зажжены. Послѣдніе часы подъ батьковымъ кровомъ идутъ для молодой быстро. Прощальный вечеръ съ подругами близится къ концу.

Слышится издали топотъ коней, скрипъ саней или колесъ: ѣдутъ поѣзжане забирать молодую. Развеселыя, подпившія свашки поютъ пѣсни:

Атдайця намъ дзѣуку,
Атдайця й пасцельку,
Навало́чки у кружки,
Дзяру́ги [1]) у ряды.

---

[1]) покрывало, замѣняющее одѣяло.

А мы Марьяццы рады,
Атдайця намъ рӑдно,
Яна у мамачки ӑдна,
Штобъ ноги ни тарчали
Сабаки ни гирчали,
Людзи ни варчали,
Трясца маццы у пятки,
Што-й некому падмесць хатки.

(д. Яблонка, Мглин. уѣзда, отъ 65-лѣт. женщ., въ 1890 году).

Ня дзивицьесь, прыданки,
Што каротки падарки,
Ляны ни урадзили,
Падарки укарацйли.

(Заучено мною въ 1859 г. на свадьбахъ въ с. Росухѣ).

Заслышавши скрипъ воротъ и пѣсни, дѣвки за столомъ въ свою очередь поютъ:

Пріѣхала Лйтва,
Будзя у насъ битвӑ,
Будзимъ ваеваци,
Ховрачку ни атдаваци.

(д. Лупеки, Стародуб. у., со сл. 35-лѣт. жен., въ 1891 г.).

Если Литва, въ лицѣ свашекъ мирнаго характера, то она вѣжливенько приглашаетъ дѣвокъ удалиться:

Дзѣвачки панянки,
Уважъцця намъ лаўки.

Дѣвки отвѣчаютъ:

А вы, свашки гаспадӑ,
Пожалуйця вы сюдӑ.

Если жъ свашки съ задоромъ, то поютъ:

Дзѣвочки зъ застолья,
Якъ сўчки съ падполья.

На это дѣвки, не вставая изъ-за стола, отвѣчаютъ:

Торна сцьежка, торна
Атъ стала да припячку
Свашки утаптали
Памыйи хлибали [1]).

(д. Лупеки, Старод. у., отъ той же).

Между тѣмъ, по обѣ стороны молодой сидятъ ея родичи, и потому дружко покупаетъ мѣсто возлѣ нея для молодого. Съ него запрашиваютъ 100 рублей и вскорѣ переходятъ на копѣйки съ придачей чарочки на традиціонной тарелочкѣ. Тогда дѣвки встаютъ изъ-за стола, и дружкӑ въ награду за уступку молодой, раздаетъ имъ каждой по ленточкѣ, между тѣмъ, какъ они поютъ:

Ци я у цябѣ, мамачка, ня дзицятка,
Што ты мянѣ у йету ночь
Атсылаишъ прочъ,
Свѣчачки у руки ни дайешъ
И правадничка у слѣдъ ня шлешъ.
Вотъ табѣ свѣчачка—мѣсячка,
Вотъ табѣ правадникъ Хведарка.

(Отъ той же д. Лупеки).

[1]) Хлебали.

Дѣвки уходятъ изъ хаты, а свашки поютъ:

Ужо кони запрѐжаны,
Ужо вазы заверnуты.
Насцелька паслàна,
За мной маладой прислана.

(Отъ той же д. Лупеки).

Шаўковая нитачка къ сцѣни льне.
Просичка татухни чаломъ бье.
Добрà ночь, татачка, добрà ночъ.
Нашто атдаў дочку ни на ночь,
Ни на адну ночку—на увесь вѣкъ?
Ни адну цябѣ маладу,
А усихъ дзѣвачакъ, што у раду.

(Отъ той же д. Лупеки).

Выгрябай, матка, жаръ, жаръ,
Кали табѣ дачкѝ жаль, жаль.
Закидай матка дровы,
Аставайцесь здарòвы.

(Заучено на свадьбахъ мною въ 1858 году).

Маладую уже одѣваютъ въ путь, дружко «надпирязывая яйе поясамъ».
Родители берутъ образа, при пѣніи:

Ня стой, татачка, у парози,
Ужо твая госцейка у дорòзи.
Приступись къ столику близинька,
Пакланюсь я табѣ нізинька,
Косками зямельку усцялю,
Слёзкамы пожачки абалью.

Слѣдуетъ благословеніе и неминуемый плачъ. Молодые уходятъ съ образами въ рукахъ, за ними поѣзжане съ пѣснями.

Азирнися, маци,
Ци уся симья у хаци,
Вялйка щарбина,
Нема симъянина.

Въ это время на возъ кладутъ перину, подушки, садятъ на нихъ молодыхъ, даютъ имъ въ руки хлѣбъ-соль, образа, а на голову набрасываютъ бѣлую скатерть.

Поѣздъ двинется съ пѣснями, музыка и «подорожная» здѣсь же въ запасѣ, на случай кто встрѣтится и потребуетъ свадебнаго угощенія.

Но въ этомъ поѣздѣ такой обычай не всегда выполняется; встрѣчающійся прежде всего смотритъ, въ какомъ состояніи дружкѝ. «Кали дружки пьяны, луччей ни чапай (не трогай) ихъ, ни дадуць канальи гарэлки, усю самы парасписали у дарози, и аттаго што пьянаму законъ ня писанъ, а то яще якой у хмелю, чаго добраго вылащица, вѣдама, что у тварёзаго на вумѣ—у пьянаго на языцѣ.

Въ поѣздѣ поютъ:

Та-ра-рай, калески, та-ра-рай,
Павязли Тацянку съ пекла ў рай:
Тамъ живуць людзи чужыя.
Тамъ ядуць хлѣбы пушныя [1])

(Заучено на свадьбахъ въ 1866 году).

Въ этомъ припѣвѣ слышна насмѣшка: хорошъ молъ рай, гдѣ ѣдятъ хлѣбъ подобнаго качества.

Вообще при этомъ поѣздѣ всѣ припѣвы шуточные, такъ какъ поѣзжане «навеселѣ». Иногда поддразниваютъ молодую такимъ образомъ:

Стукнули, грюкнули на дварѣ,
Подзивись, мамухна, ци ни памянѣ.
Гатўй. мамухна, кўбло мнѣ.
Ѣдзь, мая дачушка, безъ кубла.
Чаму ты мычачки ня скубла.

(Заучено мною въ 1858 г. на свадьб. въ с. Росухѣ).

---

[1]) Съ примѣсью мякины, макухи и проч.

Пастойця, кони,
У чистамъ пɔ́ли,
Пастойця!
Забыла маци
Пярыну даци
Пастойця!
Ни такъ забыла,
Якъ ни зрабила,
Пастойця!

(Заучено мною на свадьбахъ въ 1859 году въ с. Росухѣ).

У пɔ́ли, у пɔ́ли лащинка,
Нема у Лукирки насцилки,
У поли, у поли калюжки,
Нема у дзѣвачки дзярюжки,
Йосць идзѣ павярнуцца,
Да нечымъ напрянуцца.

(д. Яблонка, Мглинскаго уѣзда, со сл. 60-лѣтн. стар. въ 1891 году).

Ни ляжаць было па печки,
Ни дрыгаць было нагамы,
А шавалиць мычку рукамы [1]),
Я была̀ адну надзѣла,
Рыбяты прышли хвалили
Да тую мычку спалили.

(Отъ той же, въ д. Яблонкѣ въ 1891 году).

А мы ѣдзимъ бо́рамъ,
Жоўтыми пясками,
Цемнымы лясками,
Мѣсяцъ дарожку асвяцѝ,
Брацецъ сястрицу правадзѝ—
Ѣдзь, мая сястрица, здарова,
Вялѝка твая даро́га,
Твая дарожка шырока
Атъ бацьки—матки далеко.

(Отъ той же, въ 1896 году).

Подъѣзжая ко двору свекра поютъ:

Атчыни, мамачка, бацькоу дворъ,
Прiѣхау къ табѣ сынъ на дворъ,
Да ни съ сянною капою,
Да зъ маладою жаною,
Съ твайой вѣрнай слугою.

(Заучено мною на свадьб. въ с. Росухѣ въ 1861 г.).

Выйдзи, мамухна, палядзи [2])
Да што мы табѣ привязли.
Привязли мы табѣ
Скрыню—пярину
Й маладую княгиню.
Вотъ табѣ, мамачка, служачка,
А мнѣ маладцу—дружачка.

(Заучено мною тамъ же въ 1861 году).

Свекоръ и свекруха съ хлѣбомъ выходятъ встрѣчать новобрачныхъ къ самому возу. Тѣ съ своей стороны также подаютъ имъ хлѣбъ и, слѣзши съ телѣги—«кўлемъ» въ ноги съ поклономъ—сынъ матери, невѣстка свекру.

Затѣмъ имъ подносятъ по рюмкѣ водки, которую пригубивши каждый выпиваетъ черезъ свое плечо и голову назадъ. Дѣлается это для того, чтобы все худое осталось позади.

Мать жениха ведетъ ихъ прямо въ клѣть (холодный амбаръ), не смотря ни на какiе морозы. Вотъ почему перины и разныя дерюги считаются самымъ важнымъ и необходимымъ приданымъ.

Бояре же входятъ въ хату, и начинается «гульня», музыка, пѣсни, танцы. У каждаго изъ взрослыхъ членовъ семьи въ рукахъ пляшка съ горѣлкой, и гостей не перестаютъ обносить круговой чаркой и поютъ пѣсни.

---

[1]) Прясть ленъ. [2]) погляди.

Выхваляляся калина
Свайимъ лугамъ шырокимъ:
Нихто мяне ня выламая
У кусцику зялёнамъ.
Абабраўся марозъ—
Ня выхваляйся калина,
Я цябѣ выламаю,
Изъ луга широкаго,
Изъ кусцика зялёнаго.

Выхвалялась Марынка—
Нихто мяне не высватая
У бацюшки у багатаго.
Абабраўся Иваничка—
Ни хвалися Марынка,
Я цябѣ высватаю
У бацюшки, у багатаго,
Изъ рода вяликаго.

Если молодая до замужества не потеряла своей невинности, то свашки торжественно садятъ ее на хлѣбную дежку, заплетаютъ косы, надѣваютъ новойникъ, повязываютъ голову платкомъ и вводятъ въ хату съ припѣвомъ.

А спасиба, свацьцяйка, за дачкў.
Што вадзйу дачку у хвартучкў
За шаўковымы шнуркамы.
За залатымы замкамы.

Этотъ безцеремонный варварскій обычай существуетъ и понынѣ. Кромѣ того свашки неминуемо срамятъ молодую, не сохранившую своего дѣвства, разными припѣвами; напримѣръ:

Падъ ёлкай спала,
Ня дзѣукай устала,
Зъ гары скацилася,
На сукъ прабилася.
Ня жджы, свекарька, калины
Гатуй кабана на ксцины [1]).
Ня цвила калина абъ Пятрѣ,
Зацвила калина абъ Раждвѣ [2]),
Падъ той калиняй
Варачка сядзѣла,
Ножкамы калинку задзѣла,
Ручкамы ягадки щипала;
У галоуки клала бѣлый цвѣтъ,
А у ножки клала чырвоный.
А на яйе калинка кàпнула,
На Варачку ўся радзинка глянула,
А учора была, якъ рожа цвила,
А сяньни [4]) стала якъ рыба зьвяла,
Якаво табѣ, Варачка, цяперя,
Што чужая радзина абсѣла,
Зъ лѣваго боку баяры,
Съ праваго боку Андрэйка.

(См. Шейнъ т. I, ч. II, ст. 29, № 33, съ 10 строчки).

Припѣвовъ на эту тему масса, но всѣ они настолько не цензурны, что трезвый не рѣшается даже ихъ повторить и отзывается о нихъ такъ:

А свашки вярзуць што папало.

Затѣмъ къ полуночи или предъ разсвѣтомъ (смотря по разстоянію пути) пріѣзжаютъ «придани» т. е. присланные гости изъ дома невѣсты.
Они привозятъ съ собою «скрыню», т. е. сундукъ съ приданымъ.
Въ дорогѣ придани поютъ:

Свѣця мѣсяцъ надъ зарёю
Раннымъ рано, ранюсинька,
Брацецъ ѣдзя за сястрою
Ранымъ рана, ранюсинька,
Пастой, сястра,
Ключи зьвязла
Ранымъ рано, ранюсинька.
А я у цябѣ, брахнийка [3])
Ня клюшница,
Йосць у цябѣ
Жана у дварѣ
Вярнѣй мянѣ.

Передъ воротами поютъ:

Мы свата ни знали,
Намъ людзи сказали,
У воротахъ ялина [4]),
Сяредъ двара чырвона калина,

[1]) крестьбины, крестины. [2]) Рожество. [3]) братецъ. [4]) ёлка.

Падъ той, падъ калиначкай,
Маладая княгиня,
Пусци свацьцяйка у хатў
Хоць за печкаю пасядзѣць
Да на нашу Варечку
Паглядзѣць.

Выйдзи, Дарьячка, къ намъ у дворъ
Сабрауся сюды увесь твой родъ,
Вынаси калиначку,
Висяли радзиначку.
Вынаси чырванѣйшую
Висяли раднѣйшую.
Чыя жъ йета да баярыня,
Па двару хадзила?
Андрэйкава Даръячка
Па двару хадзила,
Сукнамы чырвонымы
Увесь дворъ урядзила.
Выйдзи, выйдзи, Даръячка
Княгиня!..

Тогда уже роль свашекъ оканчивается, всѣ гости молодого расходятся по домамъ и начинаютъ «гуляць придани». Гульня и выпивка продолжаются всю ночь до разсвѣта.

Если плохое угощеніе, то придани поютъ:

У нашаго свата
Вярбовая хата,
Усе зь вярбы, зъ бярёзы,
Прыдани цвярёзы.

Если много водки и мало закуски, поютъ:

Сватъ добрый—свацця скупа̀я,
Гарэлки багато, закуски нима̀ешъ [1])
или:
У на̀шаго свата
Усяго багата,
Кура̀цины, гуся̀цины
Жареныя парася̀цины.

(с. Гарцево, Стародубскаго уѣзда, со сл. 23-лѣтн. женщ.).

На ряцѣ вў̀тка кря̀ча
Марынкина мацu плача,
Кахала, лялѣйила
Да нѐкаго пабуджаци (будить)
Нѐкаго пасыла̀ци.
На ряцѣ вутка сакоча,
Андрэйкина маци хахо̀ча,
Ни кахала, ни куко̀била
Йосць каго̀ пасылаци,
Йосць каго пабуджаци.

(д. Лупеки, Стародуб. у., отъ 35-лѣтн. женщ. въ 1899 г.).

Марьячка у бацюшки
Нѣжная была̀,
Ня ѣла хлѣба, а усё пираги
Ня пила вады̀, а усё мяды.
У лютаго свекра
Зь лёдамъ вады̀ напъецца,
Пушнога хлѣба наѣсцца,
Да на вѣничку высписца.

(д. Яблонка, Мглинскаго уѣзда, отъ 58-лѣтн. женщ., въ 1897 г.).

Передъ выѣздомъ домой прыдани поютъ:

Прыда̀нячки да дамо̀у ѣдуць,
Тацяночку тутъ пакидаюць,
Грышачцы да прика̀зуюць:
Ня би яйе да дубцомъ,
Пакара̀й до̀брымъ слаўцомъ
Да ня би яйе дубинаю,
Штобъ была гаспадыняю.

(Отъ той же въ д. Яблонкѣ въ 1899 г.).

На другой день молодая развѣшиваетъ свои рушники на иконы, подноситъ свекрови, кланяясь въ ноги, подарокъ и мететъ хату, какъ бы въ знакъ того, что она уже съ этого дня становится соучастницей и помощницей въ хозяйствѣ.

«Весельля» продолжается и на другой день. Какъ же иначе! Пивши сутки «треба пахмѣлицца, а то на живацѣ ня здарава».

Поэтому, чтобы была зацѣпка для выпивки, придумали еще нѣсколько обрядовъ; такъ гоняютъ молодыхъ къ водѣ, дѣлятъ коровай. Они сами сознаютъ, что всѣ эти «бабскія прихамети [1]) выдуманы для приклики [2]), чтобъ гарэлку пиць». Но тѣмъ не менѣе утромъ сзываютъ опять всѣхъ бояръ, т.-е. свободныхъ званныхъ гостей.

Вотъ къ колодцу двинется цѣлая процессія съ пѣніемъ: впереди молодыя съ ведрами на плечахъ, за ними дружко съ высокимъ шестомъ, обмотаннымъ краснымъ поясомъ (вмѣсто флага) поютъ:

Што—й у виннамъ [3]) у калодязю
Лукирачка да ваду брала,
У свой край заглядала:
Ци ня идзе да мой татухна.

Ци ни вязе мнѣ падарачка
Салодкаго да напряничка?
Ни рада жъ я да падарачку,
А рада жъ я сваайму татачку.

(Заучено мною въ 1861 г., на свадьбахъ въ с. Росухѣ).

Въ колодцѣ дружко набираетъ ведра воды, молодые накланяются передъ нимъ, а онъ выливаетъ воду черезъ ихъ головы.

Кромѣ того: къ количеству выпитой на свадьбѣ водки прибавляется еще угощеніе на банкетахъ: на слѣдующій день идутъ съ «верчамъ къ хрёстнаму бацьцы и маццы», на 3-й день зазываетъ къ себѣ дружко и затѣмъ по очереди всѣ свашки. Здѣсь уже свести итоги выпитому трудно. Наконецъ уже и сами начинаютъ сознавать, что пора кончить. Это видно изъ припѣва:

А да дому сваццэ да дому,
Да паѣли кони салому,

Саломки жменька—капѣйка,
Лусяный снапокъ—пятачокъ.

(Заучено въ 1861 г. мною на свадьбахъ въ с. Росухѣ).

Послѣдніе годы эти обряды и банкеты начинаютъ сокращаться, и крестьянинъ съ сожалѣніемъ говоритъ: минаицца ужо прежнее, цяперь у иншихъ и да вады ни ганяюць маладыхъ и уся гульня «абыдзень» [4]) канчаицца, а усе аттаго што вышли йета винапольля и гарэлка уздаражала».

Кецины.

(Крестины).

Въ наше еще недавнее время, когда въ деревенской глуши о медицинскомъ пособіи и помину не было, среди крестьянъ большимъ почетомъ пользовалась «бабуля», т.-е. повивальная бабка.

Это не та баба шепотуха отъ Св. Духа, которая «съ тыхъ поръ варажыць стала, якъ хлѣба ни стала», нѣтъ это человѣкъ всѣми уважаемый, единственный, на все село, живущій «съ дастаткамъ у свайомъ дабрѣ», своимъ хозяйствомъ и готовый помогать болящимъ безкорыстно, чѣмъ можетъ.

Разбудите ее ночью, въ проливной дождь, вьюгу, мятель—отказать въ этомъ случаѣ она считаетъ для себя тяжкимъ грѣхомъ.

Платы ей за это «ни якай ня треба» потому что брать грошы за помачъ чаловѣку—грѣхъ». Просятъ ее и не для однихъ спеціально родовъ, но «завьё уcякій, каму приключицца якая лиха».

Нельзя утверждать, чтобы подобныя бабки были безусловно чужды суевѣрію и нѣкоторыхъ предразсудковъ, но тѣмъ не менѣе онѣ служили да и теперь еще служатъ безпомощному крестьянину большимъ утѣшеніемъ и приносятъ въ иныхъ случаяхъ пользу уже потому, что это нѣкотораго рода массажистки, исполняющія свою

---

[1]) предразсудки. [2]) предлоги. [3]) винный—возлѣ винокурни. [4]) въ одинъ день. Срв. «обыденка»—церковь, построенная въ одинъ день.

обязанность съ глубокою вѣрою въ успѣхъ. Начинаетъ она свое врачеванiе большею частью «наща [1]) серца», положивши прежде всего тря земныхъ поклона. «Богъ съ пòмаччу и бабка зъ рукамы» говорятъ онѣ сами про себя, растирая въ банѣ горячимъ вѣникомъ больную спину, напр., снизу вверхъ, приговаривая: «во якъ штобъ худая кроу расходзилась и падымалась зъ долу у гòру».

Правда, она въ это время хотя и шепчетъ что-то про себя, но это ничего больше, какъ молитвы: Помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю, Отче нашъ, Царю небесный и т. п.

Посмотрите на ея добродушное лицо, когда она, послѣ сеанса, съ веселой улыбкой, какъ гипнотизируя, заключаетъ, «ну скачи здорово, зъ гуся водà, съ Таньки худабà, да ни кряктаць [2]) у мянѣ болшъ, а то часамъ и поддамъ, я баба сярдитая». Какъ ни возмутителенъ обычный способъ вылизыванья языкомъ соринки изъ глаза» но обстановка и нужда въ неотложной помощи нѣсколько смягчаютъ вину невѣжественнаго оператора.

Заведутся ли жаркой порой у скотины черви,—есть у бабки въ лѣсу травка, изъ которой она выжимаетъ сокъ, мажетъ больное мѣсто, и скотина выздоравливаетъ.

Относительно вспомоществованiя при неправильныхъ родахъ можно судить по разсказамъ самой повитухи. «Охъ! настраждалася Кулина Артюшиха за первымъ хлопчикомъ, йонъ у яйе ручкай ишоў, ну кажнинный разъ ужо и направляешъ ручачку, къ адной старонцы, пакуль дзиця на мѣсци станя. Крѣпка трудзилась бѣдниинькая, а усё-жъ слава Богу къ вечару Господь аслабаниу, Царица нябесная...

Отношенiе между бабкою и ея пацiентами самыя прiязненныя, дружескiя на всю жизнь. «Перябабиушы сабѣ унука або унучку»—бабка не покидаетъ родильницу и время отъ времени приноситъ ей на «поправку» какiя нибудь вкусныя кушанья.

Въ день крестинъ приноситъ 3—4 лепешки хлѣба, булку и горшокъ каши.

Когда кумовья привезли уже отъ креста ребенка, и званые гости собрались въ хату, «парадиха» подноситъ бабкѣ подарокъ и, кланяясь въ ноги, говоритъ:

«Прасцицця мянѣ, бабусичка, ня гнѣвайцясь на мянѣ, спасиба вамъ за вашу працу, што ни пагребавали [3]) мною. «Бабка въ это время набираетъ въ ротъ водки и брызгаетъ на нее, «штобъ суроцы ня брали» (т. е. отъ дурного глаза и языка).

Изъ пѣсенъ, которыя поютъ на «кщинахъ, видно, что бабка пользуется бòльшимъ почетомъ и вниманiемъ, чѣмъ кумовья.

То—й ня стукъ стучыць,
То—й—ня грюкъ грючыць
По сѣнячкамъ, да па новинькимъ,
То Кирилка идзець да бабусячки.
А бабусичка дагадалася
Паскарѣсиньку убиралася
У адномъ чòбаци,
Да—й бизъ пояса,
У рукахъ нясець да пялёначки.
Идучи, яна Богу молицца:
Апрастай, Божа, да двухъ душачакъ
Первую—нараждзёную,
А другую—хрящёную,
А Кирилячка да бабусю прося—
Дамъ табѣ мая Иванауна.
Чвертояку проса,
Дзяржы маго хрисцинячку
За бѣлыя ручачки.
Ни задавай йой, бабусичка,
Вяликiя мўчачки,
Дамъ табѣ я чвертачку грэчки,
Падзяржы Хрисциначку
Падъ бѣлыя плечки.

(д. Водвинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 65-лѣтн. женщины, въ 1897 году).

Слѣдующую пѣсню можно считать за милую шутку, что для такой дорогой гости принасенъ одинъ воробей на угощенiе.

Якъ пайдў я на гумѐнца [4])
Улаулю я вирябейку;
Я згатую [5]) яго
Дли бабусички свайой.
Раскладу я вирябейку,
На двѣнадцать страу [6]).

[1]) но тощахъ. [2]) кряхтели. [3]) пренебрегли. [4]) гумно или сарай, гдѣ складываютъ не молотую рожь. [5]) приготовлю. [6]) строва—кушанье, блюдо.

Ѣжъ, мая бабуся, ни заласуйся
И у дворъ ни запасуйся
И у рукȧу ни кладзи
И дзицямъ ни няси.

(Въ 1897 г. отъ той же).

Литȧу вирябей,
Да па макȧукамъ,
Увесь макъ пазыбау [1])
Увесь чырвȯный пазыбау,
Пасадзиў Гринячка
Бабусичку на куцѣ,
Увесь парядачакъ дȧу,
Пи, мая Иванаўна,
Вино зилянȯя
Сягȯлѣта у мянѣ,
А на лѣта у цябѣ.

(Въ 1897 г. отъ той же).

Запряжыця, запряжыця
Да дврнанцаць валȯу,
Атвязиця, атвязиця
Да бабусичку дамȯу.
Пѣшки прышла, да ня пѣшки пайду.
Валы няйдуць—упинȧюцца,
Нехай же наша бабуся нагуляйицца.
Запряжыця, запряжыця
Каня варанȯга
Атвязиця, атвязиця
Кўма маладȯга.
Конь ня-йдзе, конь иржѐ,—упинайицца,
Нехай нашъ кумочьекъ нагуляйицца.
Запряжыця, запряжыця
Кабылу гнядую,
Атвязиця, атвязиця
Куму маладую,
Кабыла ня-йдзець, усе брикайицца
Нехай наша кумачка нагуляйицца.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, отъ 60-лѣтн. женщины, въ 1899 году).
(См. Шейнъ бѣл. пѣс. т. I, ч. 1, стр. 27, № 18).

Ѣхау кумъ сы кумȯю
Сы куминаго двара,
Залатая карета
Сиребрȧная дуга.
А ты кумъ ни ляжы,
Падвяжы кумѣ гужы [1]).

(Въ 1859 г. заучено со словъ 18-лѣтн. дѣвочки)!

Ни пасмѣю у бабусячки папытаци.
Ци тутъ будзя начаваци,
Ци да дому паѣдзя?
Кали будзишъ начаваци,
Вялю пасцылячку слаци,
Вялю бѣленькаю,
Вялю тȧненькаю.

(д. Водвинка, Мглинскаго уѣзда, отъ 65-лѣтн. женщ., въ 1897 г.).

Ой дымна, дымна у сȧдзи,
Ой дымна, дымна у зялёнамъ,
У нашаго Иванички
Да трȯя варȯтъ на дворѣ:
У первыя варȯцячки
Да сакȯлъ вылятȧу.
Ой дымна, дымна у сȧдзи,
Ой дымна, дымна у зялёнамъ.
У другія вароцячки
Иваничка выѣжджȧу.
Ой дымна, дымна...
А у трецьція варȯцячки
Да чалядачка бяжыць.
Ой дымна, дымна ..
Вярнись, вярнись, дзяцйначка,
Ты назадъ.
Ой дымна, дымна...
Твайя жана табѣ сына радзила.
Ой дымна, дымна...
— Я дли сына у дворъ ни вярнуся
Сынъ у мянѣ—хазяинъ у дварѣ.
Ой дымна, дымна..
Вярнись, вярнись,
Дзяцинначка, ты назадъ
Ой дымна, дымна...
Твайя жана табѣ дачкў радзила.
Ой дымна, дымна...
Я дли дачкѝ у дворъ вярнуся
Дачкȧ у мянѣ—госцейка у дварѣ.
Ой дымна, дымна у сȧдзи,
Ой дымна, дымна у зялёнамъ.

(д. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 78-лѣтн. стар., въ 1897 году).

[1]) sic, н ц вм. д с.

Што—й у нашего Мишачки
Да рублёная [1]) клѣць
Пазавѣшана каурамы
Да да самыя зямли,
Што—й у той-жа да клѣцячки
Цясовая караватачка
Пазавѣшана каурàмы
Да да самыя зямли.
Што—й на той жа караватаццы
Пухавая да пасцьелечка
Пазавѣшана каурàмы,
Да да самыя зямли.
Што—й на той жа пасцьеляццы
Тамь ляжиць парадзильница
Пазавѣшана каурàмы
Да да самыя зѐмли.
Што—й дли [2]) тыя парадзильницы
Да сядзѣла да бабусинька
Пазавѣшана каурàмы
Да да самыя зямли.
Ни пуская йена Мишачку
Да свайой Пятрòуны.
Якъ выйдзя йой три нядзѣли,
Сама сядзя падъ кудзелю [3]),
А кали йой шесць нядзѣль выдзя,
Тады йяна и сама прыдзя.

(Отъ той же, въ 1897 году).

Што—й у нашаго Иванички
Винаградъ зяленый на дварѣ,
У нашаго у Микалàевича
Да вино на сталѣ,
Зилянòя на сталѣ,
Сабрау йонъ пиръ бясѣду
Да ня людзямъ, сабѣ,
Пасадзиу бабусичку на куцѣ,
Старѐнькую на куцѣ—
Гуляй, гуляй, бабусинька,
Ты сягодня у менѣ,—
Будзимъ пиць,
Будзимъ гуляць у мянѣ,
А на лѣта бабусичка у цябѣ.

На мàслянцы.

Въ концѣ Рождественскаго мясоѣда на всеядной недѣлѣ, кто не вышелъ замужъ, того «дражнюць» пѣсней:

Кала тыну хмѣль павивайицца,
Иванъ свайой дачкòй набивайицца—
Вазьми, Ярохъ, майю дачкỳ Марыначку,
Дамъ табѣ вѣна
Дзвѣ капы сѣна,
Люльку—й—чубỳкъ
И пàцера сабакъ,
Рѣшата бòбу зъ дачкòю
И Богъ съ табою.

(с. Росуха, Мглинскаго у. со словъ 30 лѣтн. дѣвицы, записано въ 1896 г.).
См. Шейнъ бѣл. пѣс. т. I, ч. 1, стр. 549, № 688.

Брязнули ложки у века [4])
Пашли наши дзѣуки у лѣта,
Маслинка, бѣла вутка [5]),
Казала вясна: «буду да ня хỳтка,
Маслинка, пализỳха,
Працягнися [6]), маслинка,
Хаць да Духа.

(Отъ той же въ 1896 г.).

На маслянку подпившія бабы ходятъ привязывать колодки тѣмъ, кто не успѣлъ въ этотъ мясоѣдъ выйти замужъ или жениться. Виновный долженъ откупаться или горѣлкой или деньгами.

---

[1]) Во многихъ пѣсняхъ упоминается рубленая хата, рубленая клѣть. Можетъ быть пѣсни эти относятся къ тѣмъ временамъ, когда большею частью жили въ шалашахъ и плотничное искусство только начиналось. [2]) Возлѣ. [3]) Сидетъ прясть. [4]) Крышка отъ дежки. [5]) Утка. [6]) Продлися, протянися.

Здѣсь масляницу проводятъ болѣе скромно, чѣмъ въ сѣверной Россіи: зимой крестьянскія клячи по случаю плохихъ кормовъ бываютъ подъ часъ такъ занужены, что катанье никому и на умъ не йдетъ.

Одни только зятья съ жонками обязательно на этой недѣлѣ ѣдутъ въ гости «икъ сцю» (т. е. тестю).

На видъ отношенія между маткой и дочкой кажутся равнодушными, но на дѣлѣ онѣ питаютъ другъ къ другу самыя нѣжныя чувства. Особенно если дочь выдана замужъ, тогда ея привязанность къ родителямъ удвоивается: она положительно мечтаетъ о свиданіи съ родителями и ждетъ не дождется «маслянки».

Вотъ потянулись «съ панядзѣлка» по просёлкамъ саночки одноконныя съ привязанной сзади спинкой, въ видѣ рѣшоточки. Это ѣдутъ съ своими мужьями «наши дачўшачки у свой родный дворъ, до свайгȯ рȯднаго татухны.

Дауно я, дауно у татухны была
И сцьежачки и дарожачки
Мўрамъ зарасли
Калиною чырвȯною,
А я-жъ тыя дарожачки пратапчў,
Чырвону калину паламаю,
Я й у свайго татўсячки набываю.

(д. Жигалки, Стародуб. уѣзд., отъ 17 лѣтн. дѣвушки въ 1898 г.).

Дачка̀ матку праспла—
Матачка майя, я нѣга твайя
Ни—ддавай ты мянѣ
Далёка атъ сябѣ,
Аддай мянѣ у свайомъ сялѣ,
Близка дли сябѣ.
Тирязъ тры двары шырокія,
Тирязъ тры сады зиляныя.
Будуць мянѣ биць—ты пачўйишъ,
Ты, майя мамачка,
Мянѣ парятўйишъ,
Аддала ты мянѣ
Далёка атъ сябѣ
Тирязъ тры лясы—усё цёмныя,
Тирязъ тры гары—усё крутыя,
Тирязъ тры ряки—усё глыбокія.
Будуць мянѣ биць—ни пачуйишъ
И ты, майя мамачка, ни парятуйишъ,
А я къ табѣ, мамачка, ни прыду,
Тирязъ лѣсъ буду йцыць, заблужуся,
Па ряцѣ буду плысць—затаплюся,
На гару буду йцыць—ни узыду,
Я къ табѣ, майя матусичка, ни прыду.
Дзицятка майо! тирязъ лѣсъ будзишь ицыць,
Правадничка вазьми,
Ты, майя дачушачка, ка мнѣ прыдзи,
На гарў будзишъ ицыць—
Цопочыкъ вазьми,
Ты, майя дачушачка, ка мнѣ прыдзи.

(Отъ той же, въ 1898 г.).

Хотя маслянка и названа «пализухой, но на самомъ дѣлѣ въ эти дни у крестьянъ большое сухоѣденіе: бабы жалуются, что нечѣмъ «стравы заправляць», саломъ—грѣхъ, молока и масла не имѣется, потому что захудалыя коровёнки еще не отелились. Одно только и берегутъ они къ маслянкѣ— это собранный лѣтомъ сухой соленый творогъ, который, разбалтывая,—кладутъ въ борщъ, въ жидкую кашу, въ бульбу и во всѣ прочія кушанья. У кого нѣтъ этого творога, тѣ заправляютъ алѣемъ, т. е. конопляным маслом. Но у большинства нѣтъ уже къ масляной ни того, ни другого, а потому варятъ «нищимницу», которая на взглядъ нашего крестьянина вовсе не недостатокъ. Онъ ѣстъ ее приговаривая, «и за то спасибо Богу, абы хлѣбъ быу, а якъ хлѣбушка нема, во идзѣ горя».

Изъ боязни остаться къ веснѣ безъ хлѣба, они съ осени продаютъ, какъ излишнюю роскошь, продукты, могущіе служить приправой къ кушанью, и взамѣнъ ихъ покупаютъ себѣ желаннаго хлѣбца. Безъ него только ему жизнь страшна.

Выбьетъ ли конопляное масло,—на домашній расходъ оставляетъ весьма ничтожное количество; соберетъ ли баба грибовъ, фунтика три масла коровьяго,—«якая жъ зъ яго наѣдка; скарѣй треба прадаць, да хлѣбушка купиць, йонъ зъ восяни дзяшеушы». Зиму и осень нашъ полѣсюкъ питается еще сравнительно сносно, но весной и лѣтомъ очень скудно, оттого и выходитъ: «якая ѣда, такая и работа».

Посмотришь на него, идетъ онъ, какъ «пень черезъ колоду». Наймется ли на

подёнщину—«паглядая якъ волъ изъ падъ дуги», да и «у свайомъ дварѣ робя спаквали [1]), дзѣла ни вдукъ, у лѣсъ ня уцяке»; а между тѣмъ «туды никъ, сюды никъ и дзень ни виликъ».

Мартъ.

«Якъ нѐбудзь скараталп зимў—вясна на дварѣ, стала па трохи и соньняйка пригрявацъ».

Вотъ и великій постъ. Еженедѣльно народъ валитъ въ церковь, чтобы на первыхъ недѣляхъ поста «атгавицца, пакуль ни распусцила».

Въ перемежку съ оттепелью, въ Мартѣ мѣсяцѣ бываютъ еще морозы, которые такъ сильно скрѣпляютъ снѣгъ, что по поверхности высокихъ сугробовъ можно не только ходить безъ лыжъ, но и ѣздить на лошадяхъ. Это называется «серёнъ». По серёну спѣшатъ перевозить изъ лѣсу бревна и проч. матеріалъ, на прямикъ, безъ всякихъ дорогъ. Во время серёновъ течетъ кленовикъ, т. е. сладкій сокъ изъ кленовыхъ деревьевъ, а немного позднѣе «берёзовикъ». Въ это время селяне подъ березами и кленами разставляютъ чистенькія корытца, а березы и клены просверливаютъ, вставляютъ туда пучекъ соломы, по которой и сбѣгаетъ сокъ въ корытцо капля за каплей. Затѣмъ, когда корытцы наполняются, березовикъ носятъ ведрами въ погреба, выливаютъ въ припасенную заранѣе бочку,—заправляютъ, и чрезъ нѣсколько времени получается квасъ—великое подспорье весной, когда уже капуста и прочее варево съѣдено.

1 Марта—Евдокія; празднуютъ, не прядутъ.

9-го Марта.—«Сóраки» т. е. сорокъ мучениковъ. Прилетаютъ жаворонки съ теплыхъ странъ. Крестьяне пекутъ сорокъ галушекъ изъ разнаго тѣста, сами ѣдятъ и скоту даютъ: «такъ гадіцца [2]), говорятъ они; 17-го празднуютъ Алексѣя человѣка Божія—«Щука ледъ разбивая».

25-го Марта «благавѣщаньня, балшый и радасный празникъ, пцица гнязда ня уйѐ».

Весь постъ грѣхъ пѣть. Только 25-го Марта священникъ разрѣшаетъ водить хороводы и пѣть.

Въ селахъ и на поляхъ еще кое-гдѣ бѣлѣется снѣгъ, а въ Росухѣ на Ласой Горѣ, въ березничку уже сухо. Тамъ между поблекшей прошлогодней травкой, кое гдѣ выглядываютъ молодые зеленые листочки и тутъ же подъ кустомъ орѣшника, начинаетъ пробиваться подснѣжникъ.

Рада молодежь, что почувствовала подъ ногами пригрѣтую солнцемъ земельку вмѣсто «абрыдлаго снѣгу».

Баслави, Божа,
Пѣсни зачынаци,
Вясну—красну гукàци.
Вясна красна,
Што ты намъ вынясла
Вынясла карабéнь яйецъ
Дробнымъ дзѣтачкамъ на забаву
И рыбятачкамъ на пацѣху.

(с. Гарцово, Стародубскаго уѣзда, со словъ 26 лѣт. женщины въ 1895 г.).

Само собою разумѣется, что выбравшись изъ душной хаты на зеленѣющую горку, молодежи хочется рѣзвиться и двигаться, а потому всѣ весеннія пѣсни сопровождаются хороводами, танцами и играми.

— «Ну-ця, тàйячки [3]), у луку гуляць», кричитъ которая нибудь изъ нихъ. И помѣстивъ въ кругъ двухъ, трехъ подростковъ, начинаютъ водить хороводъ и пѣть.

Лукà майя, лукà майя,
Лука зилявая,
Траука шаўкавая,
Што й на той жа на луцѣ

---

[1]) Не торопясь. [2]) Слѣдуетъ. [3]) Отъ слова т а т а я.

Казакъ коней пася̀,
Па кладаццы, па вярбдвай
Дзѣука ваду̀ нясѐ.
Лука, майя лука,
Лука зиляная,
Кла̀дачка вярбава̀я.
Гнись, ни уламись,
Дзѣука, дзявица,
Дай Паню вады напицца.
Лука майя, лука,
Лука зиляная.
Ня буду пайпць,
У мянѣ маци не радная
Будзье мянѣ бицъ
Ко̀лкаю шупшы̀наю [2]),
Стрыкучаю да крапиваю,
Вялпць поуны ведры брацъ,
Ни вялицъ атливацъ
Лука майя, лука,
Лука зилянд̀я.

(Со словъ 26 лѣт. женщ. въ с. Веркивки въ 1895 г.).

Послѣ каждаго припѣва «Лука майя, лука», нѣкоторыя здоровыя дѣвки берутъ на руки стоящихъ въ кругу подростковъ, и поднимаютъ ихъ выше головы: «штобъ довигъ лёнъ радзиу».

«Весняныя пѣсни» здѣшней мѣстности, какъ и всѣ прочія, очень живучи: изъ года въ годъ поетъ молодежь на Благовѣщеніе все одно и тоже и, какъ видно, поютъ это не одно столѣтіе, потому что въ одной ихъ хороводныхъ пѣсенъ упоминается языческій богъ Лада, переименованный въ Ляда.

При этой пѣснѣ играющія раздѣляются на двѣ партіи и каждая поетъ отдѣльно, взявшись за руки, стоя другъ противъ друга;

1-я партія: А мы ляда прятали, прятали,
Зялёная наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
2-я партія: А мы проса сѣяли, сѣяли
Зялёная наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
1-я партія: Мы ко̀ній успусцимъ, успусцимъ,
Зяленая наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
2-я партія: А мы ко̀ній забярдмъ, забярдмъ,
Зяленая наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
1-я партія: А мы ко̀ній выкупимъ, выкупимъ
Зяленая наша йелочка, жоутый цвѣтъ.
2-я партія: А што дасьцы выкупу, выкупу,
Зяленая наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
1-я партія: А сто рублей выкупу, выкупу
Зяленая наша йелочка...
2-я партія: Мы сто рублей ня во̀зьмимъ, ня во̀зьмимъ
Зяленая наша йелачка...
1-я партія: Мы дзѣвачку прыдадзимъ, прыдадзимъ
Зяленая наша йелачка...
2-я партія: Мы паняначку прададзимъ, прададзимъ,
Зяленая наша йелачка, жоутый цвѣтъ.

Въ это время 1-я партія старается пробѣжать между рукъ 2-й партіи и не быть пойманной, пойманныя остаются, какъ выкупъ и т. д.

(с. Росухи, Мглин. уѣзда со словъ 17 лѣт. дѣв. въ 1898 г.).

Одинъ изъ парней ходитъ въ срединѣ хоровода, всѣ поютъ:

Йета поля жоутая—на што мнѣ,
Я паѣду да милыя да свайе,
Йета поля зеляная—йета майо.

---

[1]) Шиповникъ.

Затѣмъ парень беретъ за руку дѣвку, которую «аблюбуя» выводитъ въ средину хоровода съ пѣсней:

Майя милѐнька, харашѐнька,
Бѣла, красна и румяна,
Яйе личанька муливана,
Я буду зъ милою
Медъ—вино пиць
И поля дзялиць.

Такъ продолжается, пока каждый не подберетъ себѣ пары по симпатіи.

(с. Росуха, въ 1898 г. отъ той-же).

А у пиряпёлочки да старенькій мужъ,
Ты-жъ майя, ты жъ майя пиряпелачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялічкая,
Што—й у пиряпёлки да галоука балиць.
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпёлачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялічкая.
Што—й у пиряпелки да дзѣтки маленьки,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпёлачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялічкая,
А у пиряпёлочки да ручки баляць
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпелачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялічкая,
А у пиряпёлачки да грудка балиць,
Ты жъ майя, ты-жъ майя пиряпёлачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивяличкая,
А у пиряпелачки да хлѣбца нема.
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпёлачка,
Ты-жъ майя, тыжъ майя нивяличкая,
А у пиряпёлачки, да падошауки баляць,
Ты жъ майя, ты-жъ майя пиряпёлачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивяличкая.

(с. Гарцово, Стародубскаго уѣзд. со словъ 25 лѣт. женщины въ 1897 г.).

Я па горачки хаджу,
Я калиначку ламлю,
Ой люли, люлешачки,
Я калиначку ламлю,
Калиначки наламлю,
Да—й вяночыкъ саую,
Свайму миламу пашлю.
Ой люли, люлёшачки,
Свайму миламу пашлю.
Угадай, мой милинькій,
Кольки у вянку вѣтачакъ,
Стольки у мянѣ думачакъ.
Ой люли, люлешачки,
Стольки у мянѣ думачакъ.
Ни журыся, майя мила,
Цябѣ ни забуду.
Ой люли, люлешачки,
Цябѣ ни забуду.
Бѣлы сняжки разойдуцца,
Быстры рѣчки разальюцца,
Ой люли, люлешачки,
Быстры рѣчки разальюцца,
Самъ къ табѣ прибуду,
Па вяликаму распуту
Ой люли, люлёшачки,
Па великаму распуту.

(с. Гирцево, Стародубскаго уѣзда, со словъ 26 лѣт. женщины въ 1898 г.).

Подростки большею частью тутъ же на бугрѣ «играюць у вошта нѐбудзь», какъ напр., «у хрѣна». Это дѣлается такъ: всѣ садятся на землю другъ другу «въ пастанья» [1]) или «на улоньня» [2]), образуя такимъ образомъ длинный рядъ; одинъ изъ играющихъ ходитъ вдоль и кладетъ каждому на голову руку, припѣвая:

Ой, хрѣнъ мой, хрѣнъ,
Охъ и хто цябѣ расциу
И хто цябѣ паливау?

Хрѣнъ поетъ хоромъ:

Садзиу мянѣ Селиванъ,
Паливау мянѣ Иванъ,
Селиванава жана
При гардзи была,
Присаджавала, пиряважавала.

---

[1]) Пригалъ. [2]) На колѣни.

1-й играющій: Ты расци, расци мой хрѣнъ
Жъ жардзйну у дòужки [3])
Съ калоду у тоушки [4])
2-й играющій: Стуки—грюкй...
Хрѣнъ: Хто тамъ.
1-й играющій: Самъ панъ дварянинъ.
Хрѣнъ: За чымъ?
2-й играющій: Пани лижала,
Хрѣну бажала
Хрѣнъ: Ирви, да корня ни прырви.

И панъ тянетъ за руки перваго сидящаго, затѣмъ второго и т. д.

(д. Бородинки, Мглинскаго уѣзда со словъ 16 лѣт. хлопца въ 1896 г.).

Игра «у гусей».

Всѣ бѣгаютъ между кустами, затѣмъ одинъ изъ играющихъ сзываетъ:

Гуси лебядзи дамòу.
Зачымъ?
Воукъ за гарòй,
За якой?
За камяндй.

Всѣ садятся подъ одинъ кустъ, мать тоже садится въ сторонѣ и засыпаетъ. Волкъ подкрадывается и крадетъ одного. Проснувшись, мать плачетъ:

Дзѣтки майе,
Галубъятки майе,
На штожъ я васъ кармила,
На, штожъ я васъ пайила,
Вòукъ пришòу,
Дзиця украу,
А я малада ня чула,
На припячку заснула.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 14 лѣт. хлопца, въ 1895 г.).

М. Косичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Примѣч. Обращаемъ вниманіе читателей на этотъ прекрасный трудъ, какъ наилучшую и наиболѣе полную монографію о Бѣлорусахъ, Черниговской губ. *Ред.*
[3]) Въ длину. [4]) Въ толщину.

ОТДѢЛЪ II.

Литвины-Бѣлорусы Черниговской губерніи, ихъ бытъ и пѣсни.

(Окончаніе).

На Вялйкадня (На Пасху).

Наконецъ разговѣлись наши постящіеся по неволѣ, по суровому Аѳонскому уставу. Зато къ этому дню уже у каждаго припасено или кусочикъ солонины или «сцягенци капчонай баранины», а иногда и парасеночекъ. Кромѣ того, въ каждой избѣ на столѣ видѣнъ бѣлый хлѣбъ. Странно и необычайно!

Это рѣдкое событіе бываетъ только разъ въ годъ. Въ паску (т. е. куличъ) хозяйка уже непремѣнно положитъ чего нибудь скоромнаго, въ родѣ яицъ, или молока, на томъ основаніи, что и въ церкви «читаюца пасха святая, пасха усечастнàя пасха ни парожняя».

На первый день, какъ и повсюду, никакихъ общественныхъ увеселеній не полагается. Вотъ въ полдень всѣ высыпали на улицу, къ солнышку: малые бѣгаютъ, старые сидятъ за воротами на колодочкахъ и «гамонюць [1]). Молодые тоже гдѣ-нибудь на бугрѣ сидятъ или ходятъ партіями въ «проходку» по лѣсу.

Только на 2-ой день послѣ обѣда начинается оживленіе и слышатся пѣсни:

Давàйця, дзѣуки,
На калòдацны сѐдзимъ
Пѣсянки зацягнимъ.
Вы, старыя дзядѝ;
Вярѝця свайе кійи,
Идзиця вы у пòля
Зилянòга жыта глядзѣци

Да рàдзцье [2]) вы рàды
Усе харòшыя,
Якъ сынòу жанѝци.
Радзьцье вы вясельля, [3])
Жòднагò скрысѐньня, [4])
Штобъ людзи глядзѣли
Жодныя нядзѣли.

(въ с. Гарцывѣ, Стародуб. уѣзд. со сл. 27 л. женщ. въ 1899 году).

Вотъ гдѣ-нибудь подъ дубомъ парни устраиваютъ общеизвѣстную забаву «арэли» [5]). Тутъ же невдалекѣ собираются дѣвки, вмѣсто музыки одинъ изъ хлопцевъ имѣетъ только бубенъ.

«Давайця сялязьня вадзиць», кричитъ большинство. Вотъ становятся въ хороводъ и начинаютъ протяжно:

Силязенька касатый,
Маладзецъ кудрыватый,
Скажы, силязенька,
Якъ старыя бàбы скачуцъ?

Тотчасъ текстъ изъ протяжнаго переходитъ въ плясовой. Въ срединѣ хоровода танцуютъ, подражая старымъ бабамъ. Бубенъ дѣйствуетъ исправно, хоръ поетъ:

---

[1]) разговариваютъ.
[2]) совѣтуйтесь [3]) свадьбы [4]) воскресенье [5]) качели.

Вотъ такъ
Таукуць макъ,
Вотъ и йетакъ,
Вотъ и такъ
Гарбàмы киваюць,
Дзяд̀у падманяюць,
Лёнъ пры дарози
Вѣцяръ павеàе!

Хоръ.

Силязенька касатый,
Маладзецъ кудриватый,
Скажы, силязѐнька,
Якъ старыя дзяды скачуць.
Вотъ такъ,
Вотъ и йетакъ,
Вотъ такъ
Няпрыгòжа,
Вотъ такъ
Нихарòша,
Лёнъ пры дарòзи
Вѣцяръ павиваè.

Хоръ.

Скажы, силязѐнька,
Силязѐнька касàтый,
Якъ рыбяты скачуць.
Вотъ такъ,
Вотъ и йетакъ;
Вотъ такъ
Харашѐнька,
Вотъ такъ
Пригажѐнька.
Бравàмы маргàюць,
Кудрàмы махаюць,
Дзяучàтъ падманяюць.
Ленъ пры дарòзи
Вѣцяръ павѣвае.

(Записано въ с. Гарцовѣ, Стародубскаго уѣзда со словъ 26 лѣт. женщ. въ 1899 году).

Хаджу я, гуляю
Па усёмъ карагòду,
Хаджу, выглядàю
Харошаю цьещу.
Заинька сѣрянькій,
Будзь ты мнѣ цьеща,
А я табѣ зяць буду,
Твайю дачку узяць хòчу.

Когда хоръ называетъ тёщу, тогда гуляющій въ кругу беретъ себѣ по выбору дѣвку и водитъ ее за руку; такимъ же маneромъ выбираютъ по симпатіи деверя, золовку и невѣстку.

Хаджу я, гулàю
Па усёмъ карагòду,
Хаджу, выбирàю
Харошàго шурына,
Будзь ты мнѣ шуринъ,
А я табѣ свайякъ буду,
Твайю сястру узяць хòчу,
Заинька сѣринькій!...
Хаджу, я гуляю
Па усёмъ карагòду,
Сабѣ выглядàю
Харòшу нявѣсту,
Будзь ты мнѣ жана,
А я табѣ мужъ буду,
Замужъ цябе узяць хочу,
Заинька сѣрянькій и т. д.

(с. Лойцычы со сл. 27 л. 1898 г.)

Хороводная:

Што-й у нашамъ у сялѣ
Стайяць вòзера вады,
Ой лёнъ, мой лёнъ,
Ленъ зилянный,
Стайяць вòзера вады.
Зь биряжкàмы на раунѣ.
Маладзецъ каня пайиу
Каня вàранога (bis)
Выкругъ кòваннаго,
Ой ленъ, мой лёнъ и т. д.
Конь вады ня пъе,
Капытàмы бъе (bis),
Мòлойца гòря бярè,
Ой лёнъ, мой лёнъ....
Нечымъ пàшаньки рабиць,
Чыста пòля баранйць,
А я пахаря найму,
А я яму заплачу.
Ой ленъ, мой ленъ...
Якъ пасѣю я лянòкъ,
У чыстамъ пòли кужалёкъ,
Ты радзй, радзй, мой лёнъ,

Тонокъ, довигъ и высокъ
Изъ кореня карянистъ,
Изъ галдуки симянистъ.
Якъ праслышу пра свой лёнъ,
Увесь патоптанъ, паваленъ
Тры дарожки пралежало,
Тры дзѣвачки прабяжала
Ой ленъ, мой лёнъ....
Адна Саша,
Друга Маша,
Трецьця душачка Кацюша.

(д. Далматово, Стародубскаго уѣзда, со словъ 30 лѣт. женщины въ 1896 году).

Многія хороводныя пѣсни, которыя поютъ въ селахъ, какъ мнѣ кажется позаимствованы изъ ближайшихъ русскихъ раскольничьихъ слободъ, именно изъ Елёнки, Воронька (Стародубскаго уѣзда), Клинцовъ (Суражскаго у.)

Охъ ты, мацъ майя,
Балиць галава,
Ой-ли, вой люли,
Балиць галава,
Гуляць хочыцца,
Да ня можыцца,
Я й аткрадуся,
Й нагуляюся.
Ой ли, вой—люли,
Пры цямной начы,
Пры ярой свячы,
Ой ли, вой люли,
Ой люлёшачки,
Што-й съ падъ лѣсаньку,
Лѣсу цёмнаго,
Изъ падъ садзику,
Съ падъ зялёнаго,
Ой-ли, вой-люли
Ой люлёшачки,
Выкацилася сонца
Жаркая, расприкрасная,
Што-й за соньняйкамъ
Вясёлъ мѣсячка,
Ой ли—, вой люли,
Ой люлешачки,
Што-й за мѣсячкамъ
Дробны звѣздачки.
Тамъ ишли, прайшли
Да тры молайцы.
Парни бравые, кучерявые,
Ой ли, вой люли,
Ой люлёшачки,
Яны йшли—прайшли,
Станавилися,
За адну дзѣвачку
Пасварылися.
Выхадзила къ йимъ
Красна дзявица,
Выхадзила къ йимъ,
Гаварыла йимъ:
Што вы глупыя,
Ниразумные,
Вы ня бийцися, ни бранийцися,
Аднаму каму я дастануся.
Дасталася дзѣука красная
Парню браваму, кучарявому.
Йонъ узяў яйе
За праву ручаньку,
Йонъ павёў яйе
У карагодъ гуляць,
Усимъ таварышамъ,
Выхваляйицца—
Хараша, браццы,
Душа Кациньха,
Майя милая,
Чарнабрывая,
Глаза карыя,
Развяселыя.

(со сл. 30 лѣт. женщ. въ х. Верканька Стародубскаго у. въ 1899 году).

У майго у бацюшки
У варотахъ гуляньняйка,
Заря майя вячѐрняя,
Гульня майо вясёлая!
Мой бацюшка у варотахъ
Дамоу мяне клича.
Заря майя вячерняя,
Гуляньня майо вяселая,
Я бацюшки ня слухала,
Гуляньняйка ня кидала.
Заря майя вячѐрняя,
Гульня майя вясёлая.
У майго у свекарьки
У варотахъ гуляньняйка,
Мой свёкарька у варотахъ
Дамоу мяне клича.
Я свёкра паслухала,
Гуляньняйка пакинула.
Заря майя вячерняя.
Гуляньня майо никчѣмная.

(Въ 1899 году отъ той же).

Што-й па морю,
Морю синяму,
Па синяму, па хвалыньскаму
Плыве стада либядзиная
И зъ малыми либядзятамы,
Па пѐреду лябедушка бѣлая.
Аткуль узяуся
Сызикрылый арёлъ,
Разбйу стада либядзиная
Да-й зъ малыми либидзятами,
Пусциу руду да й па синяму морю,
Бѣлый пушокъ на крутый биряжокъ,
А крылушки па далинацци,
Пила ваду бѣла рыбица,
Брала ваду красна дзѣвица,
Аткуль узяуся разудалый маладзецъ—
Богъ на помачъ красна дзѣвица душа.

(д. Выстриковъ, Стародубскаго уѣзда, со словъ 25-лѣтн. женщины, въ 1896 году).

Куды ѣду, куды йду,
Къ душѣ Кацыньки зайду,
Ой калина, ой малина,
Здрастуй, Кацинька душа,
Дома маминька твайя?
Ой калина, ой малина,
Нѣту бацюшки, нѣту матушки,
Нѣту дома никаго,
Узъѣжджай ка мнѣ на дворъ,
Станови свайго коня
Снрядзй майго двара,
Проци чо̀рнаго стауба̀.
Благадарю, красавица,
За пріятство за тва́йо,
Ну скажы ка, душа Каця,
Идзѣ мнѣ плѣць павѣсиць?
Павѣсь, павѣсь, дружокъ мой,
У майихъ сѣнячкахъ навы́хъ [1])
Да-й на нѐвинькай сцянѣ,
На сяребряномъ гваздзѣ.
Благадарю, красавица,
За пріятства за твайо,
Да скажы ка, душа Каця,
Идзѣ мнѣ шляпу палажыць?
Паложъ, паложъ, дружокъ мой,
У майой комнацци наво̀й,
На столикѣ цясовомъ.
Благадарю, красавица,
За пріятства за твайо.
Ну скажы ка, душа Каця,
Идзѣ мнѣ спаць, пачиваць?
Лажысь, лажысь, дружокъ мой,
У майой спаленьки наво̀й ;
На пяринѣ пухаво̀й.
Благадарю, красавица,
За пріятства за твайо.
Кацинъ бацюшка пріѣхау,
Кацю спрашивая—
Ты скажы-ка, душа Каця,
Што за лошадзь на дварѣ.
Прасци, бацюшка радзимый,
Рана на базаръ хадзила,
Варану лошадзь купила,
Рѐуна тысячу дала,
Равсярдиуся, разбраниуся,
У нѐву спалинку пашоу,
Добра молайца нашоу,
Раскажы ка, душа Каця,
Што й за моладецъ ляжыць?
Прасци, бацюшка радзимый,
Рана на вутринъ пашла̀,
Сирацинячку знайшла.
На спитаньня [2]) узяла.

(с. Гарцово, Стародубскаго уѣзда, со словъ 24-лѣтн. женщ. въ 1898 году).

Ой выходьця, дзѣвачки,
На шырокую вулицу,
Люли—люлёшачки,
На шырокую вулицу.
Выносьця, дзѣвачки,
Салауя̀ на ручачкахъ.
Люли—люлешачки,
Салавейка защабеча,
Дзѣуки пѣсни запяюць.
Разгадай-ка, салавейка,
Ты нашу загадачку,
Якъ за старымъ жыци?
Люли—люлёшачки
А за стариынькимъ быци
Горьку рѣдзячку грызьци,
Што-й за ра̀унымъ быци
Мёдъ—гарэлачку пици,
Чырявички насици.
Люли люлёшачки.
Маладый бяжыць, якъ заячка, [3])
Я за йимъ якъ павачка,
Маладому прыгадаю, [4])
Гаршо̀къ кашы замяшаю,
Люли—люлёшачки.
А стараму прыгадаю,
У дуброву атвяду,

[1]) нѐвыхъ. [2]) Воспитаніе. [3]) Заяцъ. [4]) Придумаю.

Къ сыру дубу привяжу,
Камарыкамъ прыкажу—
Ѣжьця вы-камарыки—мошки,
Ни стауця [1]) ни трошки, [2])
Люли, люлешачки.

(д. Лупеки, Стародубскаго уѣзда отъ 16-лѣтн. дѣвки въ 1899 году).

Старѐнькій дзѣдзька
Па гора̀ду хо̀дзя,
Канапѐльки сѣя,
Маладая малодка
У варо̀тахъ стаяла,
Галубо̀у зманя̀ла—
Шуги, шуги, галубы̀,
На дзѣдавы кано̀пли,
Канапель кливаци,
Дзѣду журбу [3]) задавацн,
Штобъ мнѣ малад̀ой
Канапель ни браци,
Бѣлыхъ рукъ ни драци.

Ранней весной, вскорѣ послѣ пасхи всегда въ большомъ ходу слѣдующая пѣсня:

А чаго ты, канапелька,
Ни зялёна стайишъ.
Да якъ жа мнѣ канапельки
Зилянд̀ой стайци,
Люли люлёшачки...
Съ корня канапельку
Вадзица падмыла
Па сѐредзи канапельку
Буря зламила.
Люли, люлешачки,
Зверху канапельку,
Вирябейки ссьили,
Люли люлешачки,
Чаго ты, Лукерачка,
Ни вясёла гуляйишъ?
Якъ жа мнѣ, дзѣвачки,
Вяселай гуляць,
Люли люлешачки,
Пабищауся татухна
За князя атдаць,
Люли люлешачки,
Ро̀дная матухна
У чарничаньки [4])
Люли люлешачки,
У чарничаньки.
Скрипнули варо̀ты,
Раств̀орчастыя,
Я жъ думала—
Бацька идзець
Да-й князя вядзѐць,
Ажъ матухна
Чарничаньку вядзье,
Хо̀ча мая мацъ
Мнѣ косы пастрычъ,
У чарницы атдаць.

Игры и пѣсни продолжаются только первыхъ три дня, а на 4-й день каждый занимается своими работами «да яркуснаго скрысеньня (артусное воскресенье). Затѣмъ на Ѳоминой во вторникъ Ра̀дуница. Названіе радувицы объясняется тѣмъ, что это есть самый радостный праздникъ умершихъ: йета йихъ велйка дня.

Съ утра на Ра̀дуницу всѣ мужчины на работѣ, даже пашутъ въ полѣ. Бабы заняты стряпней, но какъ только ударилъ колоколъ къ обѣднѣ,—съ каждаго двора несутъ въ церковь 5 сковородницъ на панихиду, поминальничку и рюмку меду. По окончаніи обѣдни считается за грѣхъ работать. Всѣ отъ мала до велика идутъ на кладбище. Каждый застилаетъ на своей могилкѣ скатерть, кладетъ кусочекъ «пасвяца̀най» [5]) пасхи, красныя яйца, говядину и творогъ. Въ городахъ этотъ день или «дѣды», какъ ихъ тамъ называютъ, похожъ на шумную, пыльную ярмарку съ вмѣшательствомъ полиціи. Въ деревняхъ же и селахъ все это происходитъ спокойно, безъ суеты, и даже первое время безмолвно. Только кое-гдѣ надъ свѣжей насыпью вырываются наружу чувства недавно осиротѣвшихъ.

«Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! майо дзпцятачка!» припадая къ могилкѣ съ краснымъ яичкомъ въ рукахъ, обливается слезами неутѣшная мать.

Вотъ окинула она взглядомъ возрождающуюся весеннюю природу: все начинаетъ цвѣсти и зеленѣть подъ теплымъ солнышкомъ... Матери становится еще тяжелѣе, и отъ избытка чувствъ она продолжаетъ свою мысль громко.

---

[1]) Не оставьте. [2]) Немножко. [3]) Заботу. [4]) Въ монахини. [5]) Освященной.

«А укругъ жа цябе, майго дзициточки, да усё такъ прыгожинька, цяперь и бяразочка ужо у лисцяйку, и ты жъ и ни устанишь, сирацинка майя бѣдная! А цяперь жи и мотачка на свѣтъ божый выходзя и цыплёначакъ зъ яйечка выклюйецца и листочыкъ и травиначка вылазя на цеплая сонькяйка, адзинъ жа ты горькій мой сынóчыкъ зъ зямельки ня выйдзишъ» и т. д.

Затѣмъ пріѣзжаетъ священникъ съ причтомъ служить панихиду, а послѣ его ухода всѣ явства сносятся въ одно мѣсто. Христіанскіе обряды кончились, начинается по старой древней памяти языческая тризна: ѣдятъ, запиваютъ и, пивши, приговариваютъ: пакойничакъ Аутухъ Сидаровичъ, нахай яму тамъ легинька згадаицца, люби у гарелачку,—заупакой жа яго душачки, царства яму нябесная».

Поѣвши и наполучавшись порядочно, уходятъ съ кладбища на веселѣ, и по дорогѣ гдѣ-нибудь на пригоркѣ, какъ престарѣлыя бабы веселухи (конечно изъ тѣхъ у которыхъ нѣтъ свѣжихъ могилокъ), такъ и дзѣуки, вмѣстѣ принимаются за хороводъ. «А ну-ця, тайчки, на доугій лёнъ, штобъ лёнъ радзиу».

Пасѣяли дзѣуки лёнъ,
Дзѣуки лёнъ,
Стой пряма,
Дзяржысь брава,
Гавары, што сѣяли,
Пасѣнуши, палоли,
Палоли, палоли.
Стой пряма,
Дзяржысь брава,
Гавары, што палоли,
Бѣлы ручки калоли,
Калоли, калоли.
Стой пряма,
Дзяржысь брава,
Гавары, што калоли.
Аткуль узяуся парянёкъ,
Звизау лянóкъ у вянокъ,
Стой пряма,
Дзяржысь брава.
Гавары—звизау увянокъ.

(с. Невзорово, со сл. 20 лѣт. дѣвки, въ 1899 году.)

А иная болѣе охмѣлѣвшая и въ присядки пустится, припѣвая:

У вяликамъ у горадзи,
На прикраснай вуляцы,
Тамъ и Ганна гуляла,
Тамъ Иванауна гуляла
И арэшки[1]) цатала
Съ сямъю картамы йграла,
Казыряла, падказыривала.
Якъ пришоу къ йой татухна—
Польна Ганна, гуляць,
У арэшки цатаць,
Сямъю картамы играць
Казыряць, падказыриваць.
Ни увóймишъ мяне, татухна,
Ни увоймишъ мяне, родненькій,
Тутъ и мёдъ салодкій,
Парнишачка маладый,
Падъ йимъ коникъ вараный,
Сядло кóванная,
Атмулёванная,
Самавары залатыя,
Пивавары маладые.
Якъ пришля къ йой матухна,
Якъ пришла къ йой рóдная—
Польна Ганна гуляць,
У арэшки цатаць.

Затѣмъ приходятъ братецъ, сестрица и проч. родня, а отвѣтъ Ганы одинъ и тотъ же.

(с. Анушино, Стародубскаго у. со словъ 20 лѣт. женщины въ 1889 году).

И такъ, вотъ каково бываетъ поминовеніе усопшихъ. Евреи иногда, иронизируя спрашиваютъ мужиковъ: «слухай, коли у васъ буде тое свято, што вутрамъ пашуть, у в абѣда плачуць и у вечару скачуць?»

Радуницей оканчиваются и остальные святки.

Женщины продолжаютъ сновать и ткать кросны, бѣлить полóтна, мужчины огораживаютъ плетнями и пряслами огороды, но съ посѣвами не торопятся, не смотря на то, что тепло, и снѣгу давно нѣтъ.

---

[1]) Игра въ четъ и нечетъ.

Овесъ начинаютъ сѣять въ концѣ апрѣля, а картошку еще позднѣе, и всякій увѣряетъ, «што у нашыхъ мястахъ пѝкуль зямля харашо ни нагрѣицца, дотуль сѣмя ня пусця растка и картошка тольки заклякня у халоднай зямлѣ, а узойдзя и раньняя и позняя у в'адно уремъя». Гряды рѣшаются садить лишь въ Маѣ. Но иногда утренники вымораживаютъ «грядавину и 10-го Мая, такъ что приходится вновь отсѣвать огурцы, фасоль и пр.

Изъ весеннихъ праздниковъ за апрѣль мѣсяцъ чтятъ Юрія 23 числа. Каждый хозяинъ встаетъ до свѣта и пасётъ скотъ на росѣ, потому что роса на Юрья считается цѣлебной для всякой скотины. Такъ какъ Георгій побѣдоносецъ изображается на иконѣ всадникомъ, то его считаютъ покровителемъ лошадей, и тотчасъ по окончаніи обѣдни всѣ съ хоругвями и иконами, съ священникомъ во главѣ, двигаются за село служить молебенъ надъ табуномъ лошадей. Бываетъ также въ этотъ день водосвятіе и молебенъ въ полѣ надъ зелеными всходами ржи.

Въ простотѣ сердечной всѣ молятся очень усердно, «штобъ и жыцячко урадзило и скацинка здарова была.

Внимательно стараются они повторять шопотомъ каждое слово, произнесенное священникомъ, а по окончаніи службы нерѣдко можно услышать такого рода разсказы.

«Я жъ, тайячка ты майя, два разы знаймавалась у в'ыкону, й капыцячки й гриўку святога коника пацалавала, усё да чыстȁ пацалавала».

Май.

8-го празднуютъ Іоанна Богослова, 9-го Миколы вяснянаго. Съ этого дня шабашъ гонять коней на ночлегъ: сѣнокосы запускаются на траву.

11-го обновленіе Царьграда (послѣ землетрясенія). Воспоминаніе этого событія наши крестьяне переименовали «въ градободзье» и почитаютъ «Царяграда» за главнаго начальника или царя всѣхъ градовъ и градобитья, въ особенности пахать нельзя на градабодзье.

21-го празднуютъ царя Константина и Елены.

Въ Маѣ засѣваютъ ячмени, горохъ, просо. Въ послѣднихъ числахъ идетъ возка навозу и посѣвъ конопли почти до 5-го іюня

Кромѣ того весной происходитъ въ Полѣсьѣ довольно важная въ экономическомъ отношеніи работа: это кража лыкъ.

За лыко, особенно въ весеннюю безхлѣбицу, имѣетъ онъ существенные предметы необходимости, какъ напр. соль, деготь, хлѣбъ и т. п. Такъ же дубовая кора, лоза для дубленія овчины, все это довольно охотно покупается на базарахъ ближайшихъ городковъ.

Кромѣ того, теперь же каждый дѣлаетъ запасы лыкъ для обуви на круглый годъ, хотя своего собственнагo лѣса и не имѣетъ.

Ежедневно цѣлый мѣсяцъ и болѣе съ каждаго двора по двѣ, по три души, забираются въ глушь панскихъ лѣсовъ, гдѣ нѣтъ лѣсничаго, и вечеромъ уже несутъ по тихоньку лыки въ село, однимъ словомъ—въ свою норку тащатъ корку, да и въ самомъ дѣлѣ:

Неужто лыкъ тебѣ не взять въ запасъ,
Когда такая благодать въ лѣсахъ у насъ.

Похищать лыки очень удобно: они ростутъ въ страшной гущѣ. Полѣсцы на этотъ промыселъ забираются «у такую нимярѣчу, что вужъ ня прапаузе. Чўимъ штось шамая, глядзь—ажъ воучанятки, жо тузъ и гняздо ваучиная».

Но къ этому явленію наши привыкли: не очень-то пугаются и, перейдя на другое мѣсто, продолжаютъ работу, напѣвая не громко конечно:

А и дзѣ-жъ тȁя липиначка,
Што лыки дзерўцца?

А й дзѣ-жъ тȁя дзяучѝначка,
Што людзи смяюцца,

А ужо-жъ тая липиначка
Дауно абадрата [1]),
А ужо-жъ тая дзяучыначка
Дауно замужъ узята.

(с. Разсухи, Мглинск. у. со словъ 40 лѣт. женщины въ 1899 году).

Дзяучонка красна
Па гаю хадзила,
У гаѣ заблудзила,
Хлапчышачка малôдзинькій,
Выведзь мяне з'гâю.
Дзяучонка красная,
Дарôги ни знаю,
Скажы, красная дзѣука,
Што за вывадъ бýдзье?
— Атласць табѣ татухна
Каня варанôга.
—Дзѣвачка красная,
У майго у татухны,
Коній багата.

(Лупеки, Стародуб. уѣзд. со сл. 35 лѣт. женщ. въ 1898 г.).

Што-й купечаськая дочъ—
Па гôрыньки хадзила,
Пару сыноу радзила,
Охъ, охъ, охо охо-хо-хо (припѣвъ),
Пару сынôу радзила.
Сама бабушкой была,
Сама йименья дала,
Иванюшу й Васильля
У пяленачки спавила,
На цихій Дунай атвясла,
Охъ ты, цихій Дунай,
Ускалыши майихъ дзяцей,
А ты, траушка камышъ,
Майихъ дзѣтакъ прыкалышъ,
Охъ ты, ницая лаза,
Ни павыкаль йимъ глаза,
Охъ вы, дикія пяски,
Ни задайця йимъ таски,
Охъ ты, рыба бялуга,
Ускарми майихъ сынôу
Да шаснадцаци гадоу.
Ни хадзила малада,
Лѣтъ шаснаццаць на ваду,
На симнацатамъ гаду,
Выйшла дзѣука па ваду,
Стала дзѣука ваду браць,
Стау караблнкъ прыплывáць,
Што-й на томъ жа карабли
Двое мôлайцоу сидзяць.

Эта пѣсня позаимствована въ 1861 году у дворовыхъ крестьянъ въ с. Росухѣ. Съ теченіемъ времени къ ней присоединился слѣдующій конецъ, записанный мною въ 1899 году въ с. Горянахъ, Мглинскаго уѣзда отъ 19 лѣт. дѣвки.

Адзинъ сядзиць на насу,
Чеша русаю касу,
Другій сядзиць на кармѣ,
Пряма смотря на яйе.
Распытуя у яйе,
Ци пойдзишъ ты за мяне?
За (а) днаго сама пайду,
За другôга дочъ атдамъ,
Пріѣхаушы съ падъ винца
Стау моладзецъ гаварицъ—
Скажы ка ты, дзѣвачка,
Зь'якôга ты роду?
Я зь Кіява папôуна,
Па бацюшки Пятроуна,
—Скажы ты, маладзѣцъ.
Якога ты роду?
Изъ Кіява паповичъ
Па бацюшки Пятровичъ.
Охъ, якій то свѣтъ настау,
Што братъ сястры ня упазнау,
За сябѣ замужъ узяу.
Гасподзь мянѣ сабярёгъ,
Што съ сястрою спаць ня легъ,
Бадай папы прапали,
Брата сь сястрой звинчали.
Идзи, сястра, у намастырь,
Малиць Бога за увесь міръ,
А я пайду у цемный лѣсъ,
Няхай мяне звѣрь изъѣсць.
Идзи, брацецъ, гарою,
А я пайду далинаю,
Скинимся травинаю,
Ты цвѣтикамъ синенькимъ,
А я цвѣтикамъ жоуцинькимъ,
Парасцёмъ мы падъ кустомъ,
Накрыйимся хварастôмъ,
Будуць людзи траву йрвацъ
Брата съ сястрой паминацъ:
Йета тая травица
Што братъ и сястрица,
Будуць людзи касиць
И за насъ Бога прасиць.

---

[1]) ободрана.

Выше означенная пѣсня въ с. Росухѣ и окружающихъ ее селахъ поется только со слѣдующихъ строкъ:

Охъ якій-та свѣтъ настау,

а въ селахъ: Горянахъ и Кожемякахъ первая и вторая половина поется за одну пѣсню «Иванъ да Марья».

Охотнѣй всего поютъ пѣсни на общественныхъ работахъ; но такъ какъ весной всякій имѣетъ свое занятіе «кала двара» въ одиночку, то въ будніе дни не слышно совмѣстнаго пѣнія, развѣ какая, - нибудзь дзѣука сабираушы щавель на лугу или стлавши полотны кала двара», запоетъ про милаго или про соловейку:

На вадзѣ вутка купалася,
На биряжочку сушылася,
Я малада журылася,
Ци было лѣта, ци ни былю.
Я на вулицы ни гуляла,
Мяне мамухна ни пущала,
У камoрaнцы закутала,
Залатымъ замкомъ замыкала.
У камораццы кватырячка,
Шыю, пашыю шырыначку,
Гляну, паглян у кватырячку,
Ходзя, мой милый, па рыначку,
Тамъ мой милый танокъ водзя
З'майой прежняй падружачкай.
Каго у танку нема,
Да каго у караходзи?
Майго милаго у танку нема,
Майой падружачки у карагодзи.

(с. Росуха, Мглин. у. со словъ 35 лѣт. женщины въ 1899 г.).

Салавей мой малинькій,
Ни лятай рана на зарѣ,
Ни замакавай дарожачки
Ко мнѣ маладзѣ.
Зарасла майя дарожка
Частымъ ельничкамъ,
Бярезничкамъ маладымъ.
Охъ ты, татачка гаспадзинъ,
Састрой гореньку у саду
Зъ вакошкамы, на сяло,
Штобъ жыць было висяло,
Штобъ милинькій ни прайшоу,
Падарачка ни пранёсъ,
Падарачка дарагóга,
Зъ руки перстня залатóга.

(с. Новоселки, Стародубскаго у. со сл. 45 женщ. въ 1891 г.).

Павѣй, павѣй, бўйенъ вицяръ,
Зь зялёнага гаю.
Прибудь, миленькій дружочыкъ,
Зъ далекаго краю.
Радъ бы, дзѣвачка, прыбыць,
Вочинь край далекій,
Глыбокія рѣчки,
Да мелкія ключы.
С'скучылась дяучоначка,
Малодчыка ждучы,
Сярдзитъ бацька,
Мачыха лихая
Ни пускаюць на вулицу,
Што я маладая,
Пусци мянѣ, маци,
На тэй лужокъ прясци,
Ци ня принясе буйонъ вѣцьеръ
Атъ милага вѣсци.

(с. Росуха, Мглин. у со сл. 45 лѣт. женщины въ 1891 году).

А вотъ вышла на лужайку и молодка молодая. Еще въ прошломъ году пѣла она о желанномъ дружкѣ, а теперь у нея уже другое горе, другая мечта: не ладная жизнь въ чужой семьѣ и стремленіе къ прежнему родимому гнѣзду.

Охъ, якъ бы мнѣ маладзюсенькай
Да цяцвѣряччы крылья
Да пирянёляччы перъя.
Я... я... я... я, малада,
Паляцѣла бъ я, маладзюсинька,
Падъ бацькавы сѣни.
Охъ я... я... я. . я, малада,
Мой татачка новы сѣни строя,

Святлицу будўя,
Охъ я... я... я... я, малада,
Святлицу будуя,
Мяне спамнная,
Охъ я... я... я... я, малада.
Нема майой душачки
Нема майой гарюшачки.
Охъ я... я... я... я, малада,
А я, малада, слязой абальлюся,
У ножки укланюся.
Охъ я... я... я... я, малада..

(с. Анушино, Страродуб. у. со сл. 30 лѣт. женщ. 1889 году).

Ня силну мяне бацька,
Ня силила мянѣ-й-матка,
Сама дура здуравала
Лидащыцу злюбавала,
Ни глядзѣла маладá,
Ни на станъ, ни на рожу,
Цагалилась малада
На вяликаю худòбу [1]).
Вяликая худòба,
Живату-серцу-зазноба,
Чаго ты, мой бацычка,
Скрозь Дунай ни хадзиу,
Горькай майой долячки
У рэчачки ни утапиу.

(с. Невзорова, Стародуб. уѣзд. со сл. 50 лѣт. женщ. въ 1895 году).

Выду я на гòрачку,
На тую крутўю,
Зирнў, гляну на рѣчачку
На тую быстрўю.
Ци ня убàчу
Ци ня убàчу
Чаго на ряцѣ?
Тольки бачу
Тольки й вѝджу
Саловейку на кусьцѣ.
Пòльна, польна, салавейка,
У кўсьци щабитàци,
Хочуць ужò ахотнички
Рўжжа зариджàци,
Хочуць цябе, салавейку,
Сь сьвѣту жжыць,
Сь сьвѣту жжы́ць,
У кўсьци застрялѝць.

(с. Михайловецъ Стар. уѣзд. 1900 г. отъ 18 л. дѣв.).

Далѝна далѝначка,
Раздòльле шырòкае.
На той, на далѝнацци
Нячòго ня рòдзье:
Ни грибкѝ ни ягадки,
Ни чòрна смарòдыня.
Тольки заурадзѝлася
Игруша зялёная,
Што й падъ той игрушаю
Заря занималась,
Съ падъ тыя зòрячки
Сонца вы́кацилось.
Играй, играй, соньняйка,
Играй играй жаркое,
Играй не по лѣтнему.
Лю́бя парень дзьѣвицу
На па прѐжнаму...

(Отъ той же).

Какъ въ одиночку, такъ и хоромъ поютъ всегда дѣвки громко, во все горло, чтобы было слышно и въ селѣ и за селомъ.

Въ концѣ каждаго стиха вмѣсто паузы тянутъ голосомъ у-у-у-у! Этимъ отличаются мотивы весеннихъ пѣсенъ и лѣтнихъ.

Хмарна тучка, дробинъ дожджыкъ,
Крапи, крапи, дробинъ дожджыкъ,
На майо бѣла лицо,
Я умыюсь, набялюся,
Пайду у мамухны спрашуся,
Радзимая мая маци,
Пусци вечаръ пагуляци.
Гуляй, дочка, да пары,
Ни прагуливай зары́,
Идзѣ ходзишъ, идзѣ гуляйишъ,
Начаваць у дварѣ.
Я па садзику хадзила,
Па зяленаму гуляла,
Тамъ я цвѣцики ирвала,
Дли дружка прымѣты клала,
Штобъ мой милый дагадауся,
Па прымѣтамъ мяне шукау,
Ни знайшоу милый примѣты,
Знайшоу Машачку у саду.

(с. Новоселки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 45-лѣтн. женщ, въ 1899 году).

[1]) добрò.

Итакъ далѣе, всѣ «дзявоцкія» вясняныя пѣсни на одну тему: любовь и милый.

На калини салавей напѣвая,
На малини дробныя пташки пяюць,
Добру молайцу вазнобу задаюць,
Добрый молодьзецъ и ночку ни спау,
На дрыбчастыя гусельки играу,
Красну дзѣвицу душу забауляу.
Ни журыся, красна дзѣвица душа,
Вотъ тады ты наплачысся,
Якъ са мной ни пабачысся.

(с. Анушино, Стародуб. уѣзда, со сл. 45-лѣтн. женщины въ 1892 году).

Стаптàна трава зиляная,
Хто жъ тую траву стаптау?
Стаптау траву дзяциначка,
Стаптау траву малодзьенькій.
Й онъ да дзѣвачки хадзиу,
Пиряпелачакъ лавиу,
Ни улавиу пиряпелачки,
Ни улавиу карасцьельки,
А улавиу дзяучонячку
Да-й за правую ручачку,
За залатый персцянёчыкъ
За шауковый паясочыкъ.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со сл. 20-лѣтн. дѣвки въ 1894 году).

Свяцйу, свяцйу ясенъ мѣсячка
Да-й прымерькаць стау,
Любйу парень дзѣуку
Да-й пакидаць стау:
Ни ты ка мнѣ,
Ни я къ табѣ,
Ня будзимъ хадзици.
Ни ты мяне,
Ни я цябе
Ня буду любици.

(с. Задубенье, Мглинскаго уѣзда, со словъ 20-лѣтн. женщины въ 1899 готу).

Ябланя мая вялёная,
Дакуль табѣ у садзи стаяць, у вялёнамъ?
Стаю лѣта, стаю лѣта,
Стаю-й другòя,
На трецьця пущу
Кареньня глыбокàя
И голь̀яйка да дòланьку
И лисцяйка шырокòя.
Ты, красная Тацяначка,
Дакуль табѣ
У бацюшки жыци, у рòднаго?
Жыву лѣта, живу лѣта,
Жыву-й другòя,
На трѣцьця дажду
Свата дарогòга
И поязда, и поязда багатòга,
Пляту касу да пояса,
Пляту уплёты шауковые
Дзяцинаццы маладòму.

(д. Лупеки, Стародуб. уѣзда, со словъ 35-лѣтн. женщины въ 1899 году).

Цякла рэчка ни вяличка
Зь вишнёваго саду,
А я тую быстру рэчку
Схочу—пиряскочу.
Атдай мяне ацецъ-мацi
За кагò я хòчу,
Идзѣ хата и камната
И дзивярёу багàта.
Дзивярёчки маладые,
Яны ни жанàты,
Любюць жартаваци:
Адзинъ киуне, другій маргнè,
Трецьцій засмяйѐцца.
Мой милинькій—рявйвинькій
Иетаго ня любя,
Зъ падъ правыя, зъ падъ ручачки,
Нагайку гатуя,
Нагаячка ни прастая,
Яна драцянàя,
У три ряды звита,
Будзишъ, мая миленькая,
Што вѐчара бйта.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 35-лѣтн. женщ. въ 1896 году).

Охъ ты, дзѣука, дзѣука красная,
Твайя доличка бищасная, [1])
Яще дзѣука у пялёначкахъ
Яйе гдрячка у галдвачкахъ.
Ночка цёмнинькая, ни вяселинькая,
У мянѣ мамачка ня роднинькая
Ни савѣтливая:
Пасылала мянѣ маладу
Позна ночны па ваду,
Ни да рѣчки, ни да возяра,
Да глыбдкаго калдздизя.
Яна па ваду идзѐ,
Гарючыя слёзы ильлѐ, [2])
Пасылала яйе маци
У высокъ цьёримъ пасцѣлячки слаци—
Таму госцяйку низнакдмаму
Салдацику заслуждному...
Ужо й соньняйка узыходзила,
Дзѣука сь цьёрема ни выходзила,
Ужо й на дварѣ свѣтъ бялюсинькій,
Краснай дзѣуки съ цьерема нема.
Ужо на дварэ позніи абѣданьки,
Дзѣука съ цьерема идзьѐ
Яйе каса растрёплина, ни заплёцьена.
Яйе глазачки призаплаканы,
Рубашачка папарваная,
Сярёжачки паприламаныя...

(с. Грыденки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 20-лѣтн. дѣвки въ 1899 году).

Якъ пайду я гарой—гарой,
Майе валы на прыгдръяйку,
Уси людзи ддбры жывуць,
А я млада на бяздольняйку,
Нехай жывуць, кали пажылося,
А я буду гаряваць,
Кали горя прышлося.

(д. Лужки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщины въ 1897 году).

Охъ ты Ваня, разудалый маладзьецъ,
Куда ѣдишь, атъйижджайишъ далякѐ,
Каму мяне приручайишъ маладу?
Сь кимъ я буду вясну красную гулящь?
Сь кимъ я буду йету зиму зимавацъ?
Гуляй, гуляй цвѣцикъ рбзачка адна,
Йесць у мянѣ ще-й на лучшы за цябе,
И вачамы и брдуками пачарнѣй,
Ще-й личанькамъ румянѣй.

(с. Матоки, Новозыбковскаго уѣзда, со словъ 17-лѣтн. дѣвки. записано въ 1898 г.).

Троица.

Св. Духъ и Троица два праздника подъ рядъ. Наканунѣ за нѣсколько часовъ до захода солнца, селяне перестають работать. Мужчины идутъ въ лѣсъ сѣчь «Май», бабы и дѣвки жать яворъ на лугахъ, собирать травы и цвѣты въ лѣсу. Къ вечеру вездѣ у воротъ и въ дворахъ появляется цѣлый лѣсъ вбитыхъ въ землю клёновъ, березокъ, дубковъ и пр. Въ хатахъ вся божница тоже убрана зелеными вѣтками и преимущественно цвѣтами пахучей какалуши [3]). Утромъ въ день праздника, прежде чѣмъ заблаговѣстили къ обѣднѣ, изъ 4—5 приходскихъ деревень—всѣ двинулись въ село къ церкви.

Но это не означаетъ, что вся масса народа попадетъ во храмъ, пѣтъ тамъ въ господскіе праздники ужъ очень тѣсно и душно, такъ что часть молодежи и бабы съ грудными младенцами больше просиживаютъ на крыльцѣ и на цвинторѣ [4]). Старики же и пожилые стоятъ безвыходно въ храмѣ и молятся усердно. Станьте рядомъ, прислушайтесь: онъ знаетъ наизусть всю обѣдню и прекрасно суфлеруетъ священнику и клиросу каждую фразу.

Какъ только пообѣдали, дѣвки гурьбой идутъ въ березникъ завивать вѣнки, захвативъ съ собою яицъ, сала на яичницу, по дорогѣ громко поютъ, «штобъ усимъ было чутна, и которая не успѣла выйти изъ хаты—нехай даганяя».

---

[1]) Несчастная. [2]) Льетъ. [3]) Черемуха. [4]) Кладбище—cmenarz (Польск.).

Вы дзѣуки — дзѣвачки,
Пойдзимъ у лужочки,
Мы зауйёмъ вяночки
Да-й на уси святочки,
Да-й на уси святые,
Да-й на Духовыя.

Хлопцы выходятъ на гулянье отдѣльно, своей компаніей, но они «духамъ чуюць, идзѣ дзѣуки» и непремѣнно очутятся въ томъ березнику, гдѣ вѣнки завиваютъ, они берутъ съ собою горѣлку и бубенъ.

А бабы на духовые святки идутъ туда же кумиться, т. е. жарыць у лясу яйешню, пиць и закусываць.

Подъ бубенъ исполняютъ извѣстный танецъ казачокъ. Дѣвки танцуютъ очень скромно, глаза внизъ, руки спущены, но танцы замужнихъ женщинъ, особенно «падъ чарачкай», довольно оживлены, онѣ пляшутъ и въ то же время припѣваютъ, сопровождая пѣсни различными тѣлодвиженіями: то руки въ боки, то хлопаютъ въ ладоши, приподнимая руки по разнымъ направленіямъ и т. п. Впрочемъ, такихъ веселухъ мало: одна, двѣ на все село, такъ что зрителей всегда больше, чѣмъ дѣйствующихъ лицъ.

Я й за старымъ нажывуся,
Напляшуся, найграйся.
Нагуляйюся.
Охъ ты, старецъ мой,
Лихамарецъ мой!
Ни вялиць мнѣ бялицца
И румяницца.
Стайиць старицъ падъ вакномъ,
Богу молицца,
А мнѣ, маладой,
Гуляць хочицца.
Захацѣлась маладзѣ
Да папѣць, пагуляць
Папразнаваци,
Пабясѣдаваци.

(д. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 48-лѣтн. женщины записано въ 1898 г.).

Кумилися, любилися
И съ кумою пасварилися;
Тры дни, два дни яднались,
Гарэлкаю пахмилялися.
Кумусичка, любусичка,
Ня би майихъ вуцинятъ,
Майе вуцинятки
Табѣ шкоды да ни нарабили:
Паядаўшы грэчки,
Паляцѣли да рэчки,
Паядаушы пшаничаньки,
Паляцѣли да крыничаньки.

(д. Бородинка, Мглинскаго у. со сл. 78 лѣтн. стар. въ 1898 году).

Ходятъ также завивать вѣнки въ жито (рожь), особенно въ Стародубскомъ уѣздѣ, гдѣ села расположены въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ лѣса. Въ вѣнокъ изъ васильковъ вплетаютъ ленту и перстень и затѣмъ кладутъ его въ жито на ниву.

Поютъ слѣдующую пѣсню, о которой сама пѣвица выразилась такъ: «Якъ идуць у жыта да пяюць йету святую пѣсню гурьбой, дыкъ во якъ харашо, такій голасъ жаласный, да харошый».

Што-й на гарѣ на Раманавай
Стайиць церьква муливаная,
Алилуй памилуй.
Што-й у той церкви
Прястолъ стайиць,
На прястоли мацъ Марыя,
Алилуй, памилуй.
Маць Марыя сына радзила—
А радзиўшы, папоў, дзякоў сабирала,
Алилуй, памилуй.
Сабраўшы, йена раду радзила,
Якдя йимъё налажыць.
Налажыли йимъё Святый Илья,
Маць Марыя няўзлюбила,
И свѣчачки патушыла
И церькаўку зачынила,
Алилуй памилуй.
Сабрались къ йой папы, дзяки, архирэйи,
Налажыли йимъё святый Иванъ Хрясціанъ,
Мать Марыя нязлюбила,
И церькаўку зачынила
И свѣчачки патушыла,
Алилуй, помилуй
Сабралися икъ йой
Да дванаццаць папоў

Да двананцаць архирэяў,
Налажыли йимъё
Святый Хрыстосъ.
Алилуй, памилуй.
Маць Марыя спалюбила
И свѣчачки запалила
И церькауку атчынила,
На каленячки стала,
Алилуй, памилуй.
Йена Бога малила,
У свайомъ серцы
Радасць 'мѣла,
Што-й яйе сына
Хрыстомъ празвали,
Алилуй, памилуй.

(с. Гриденки, Стародубскаго у. со сл. 18 лѣт. дѣвки въ 1899 году).

Гряная.

8-ая недѣля послѣ пасхи, вслѣдъ за духовыми святками, называется гряная.

Это «русальная недѣля». Народное воображенiе полѣсскихъ обитателей рисуетъ русалокъ нагими женщинами, которыя живутъ въ лѣсахъ, на деревьяхъ проводя время въ забавахъ, качаясь и завивая вѣнки на вѣткахъ. Это души некрещенныхъ младенцевъ.

На грянôй нядзѣли
Русалки сядзѣли,
Ой рана, рана
Русалки сядзѣли (bis)
Халадокъ капали,
Ой рана рана
Халадокъ капали
Да-й дзѣвакъ гукали, [1])
Дзѣвачки—кра̂сачки, [2])
Дайця намъ сарочку,
Ой рана, рана,
Дайци намъ сарочку,
Са̂дзимъ у халадôчку,
Да-й зауйôмъ вяночки.
Ой рана, рана,
Да зауйомъ вяночки
Мы на ўси святыя
Да-й на духавыя,
Ой рана, рана
Да-й на духавыя.
Вабачки цётки
Дайця мнѣ нямётки, [3])
Ой рана, рана
Дайця намъ нямётки.

(д. Водвинка, Мглин. у. со сл. 40 л. женщ. въ 1897 году).

Еще эта пѣсня поется съ слѣдующими измѣненiями.

На гряной нядзѣли
Русалки сядзѣли,
Ой рана, рана...
Халодокъ капали
Да й ня вы̂капали,
Ой рана, рана,
Тольки выкапали
Баравую вѣтку.
Барава̂я вѣтка
Ни кра̂сна, ни я̂сна,
Ой рана, рана,
Што-й крашы таго
Адарка у бацьки.
Ой рана, рана
Па двару хадзила
Бацькау дворъ кра̂сила,
Ой рана, рана
На ганки уступи̂ла,
Ганки ясвяцила,
Ой рана, рана,
Ганки асвяцила.

(с. Разсухи, Мглин. у. со сл. 40 лѣт. женщ. въ 1899 году).

А ужо пѣўни папѣли,
А я дамоў ни-йшла,
Ужо-й другiя пяюць,
Я й ня думаю ицыць.
Ужа заря узыйшла,
Я дамоу прышла
И свякруха разбурчалася,
А мой милый и 'зъ нагайкай идвѐ,
Якъ ударыу мяне разъ,
Пакацились слезы, въ глазъ,
Якъ ударыу у дрўги,
Падламилися ноги.

---

[1]) звали [2]) краска-цвѣтокъ [3]) покрывало.

На гряной недѣлѣ нельзя ничего вить, крутить, гнуть, городить, кросны сновать. Изъ молодыхъ рѣдко кто теперь объяснитъ, почему чтятъ эту недѣлю Только кто нибудь изъ стариковъ объяснитъ, что «у старину прайдицъ ня можна быдо па лясу за русалками. Качаюдца бывала да вянки уюць ...ну на гряной и всѐредной йета ужо йихъ празникъ, во яны и ня любюць, штобъ работали и падшучавають часта».

Если соберется нѣсколько человѣкъ, стоитъ только предложить вопросъ, почему на гряной у васъ не работаютъ, то каждый изъ присутствующихъ засыпетъ васъ разсказами, что случается въ хозяйствѣ, если кто вздумаетъ работать въ это время.

«О! йета нядзѣля ўредная, упрацйуння, я разъ дзѣлау рагачъ для сахи. Якъ акациўся тыго гôду ягнёнакъ, какъ разъ якъ вы бачыця сахў, качаидца бурдюкомъ на спинѣ, а ножки у гôру, наурôдни сахи, да ци ни ягнёнакъ жа! жырный, поўный такій! Дўмау, дўмау, што тутъ дзѣлаць?... аджа мусиу прырѣзаць, ня ѣсць жа ничого, дай-годзи»..

«Нѣ, баронь Божа што нѐбудзь дзѣлаць, усе на скацыни акажыцца, ни з'роду ня минецца, а цяперъ жа, звиняйцы, такая вяссняя уремъя, чито усякая скацинка у занятци [1]), кароўка ужо цылна, авѐчачка тожъ»...

«Да во-й са мной у томъ гадў прыключылась аказія, начинаетъ разсказъ кто-нибудь изъ присутствующихъ: сагнуу я вязокъ къ санямъ, да яще тады и падумау: пусцякъ йета усё, болшъ ничого, якъ бабскія прихамаци. Што жъ бы вы думали! Тожъ авечка акацила ягнёнка, пара пяреднихъ ногъ ни даць, ни узяць—вязокъ: ножки сагнуты, ни магець хадзиць ни калеўца [2]). Жалка мнѣ стала ягнёнка ;нѐчага дзѣлаць, зняў съ саней тэй вязокъ, што здѣлау и папасѣкъ на шматки. Глянуу у вечары на ягнёнка, ажъ йонъ ужо и пабрыкуя и ножки спрямились». «Нѣ, вы мянѣ паслухайцы, спѣшитъ добавить третій разскащикъ: «вотъ-то насѣкъ я абручôу, да тамъ жа у лѣси кругомъ пня и загнуу ихъ. Прыходжу йета у дворъ... Што какôя цьёлка ходзье кругомъ шулы, якъ дурная, якъ разъ якъ я хадзиу кругомъ пня, гнўушы абручы. Думау, думау, што рабиць? Узяў, да й пасѣкъ абручы и цьёлка атъишлась атъ шулы и стала сѣна ѣсць».

Затѣмъ слѣдуютъ безконечные разсказы о томъ, что случалось у сосѣдей, какъ у Платона цыплята крутились, потому что онъ лыки вертѣлъ. Какъ «покôйный бацька на всѐряднай заверты гнўу», отчего сестра Аудоцця радзилась съ сагнўтай нагой; какъ Адарка Жураўцова сновала крôсны, и потому быкъ ходилъ, опустивши голову, отъ одного угла къ другому и т. д. и т. д.

Всѣ съ удовольствіемъ слушаютъ подобные разсказы и безусловно вѣрятъ имъ. «А я во што вамъ, браццы, скажу, добавляетъ одинъ изъ подгородныхъ жителей г. Стародуба, «Гряняя такова, кали хто йетаю ни примѣчая, работая сабѣ па цихиньку, ничôта яму въ тагô ни бывая; а ни дай Богъ падумаишъ абъ грянôй за работай, ци хто скажя кинь, ня раби на йетай нядзѣли, ну тады ужо яно ня пройдзя дарамъ».

Іюнь.

Слѣдующее воскресенье за Троицей на 9-й недѣли отъ Пасхи-праздникъ «Всѣхъ Святыхъ и заговѣны на Петровскій постъ.

Наша окраина отличается обиліемъ праздниковъ, не установленныхъ церковью. Наши крестьяне не работаютъ въ такіе дни, когда въ городахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ и даже въ монастыряхъ не полагается никакого празднества. Назовемъ для примѣра нѣкоторые изъ нихъ: положеніе ризъ (т. е. перенесеніе хитона Христа Спасителя) нерукотвореннаго образа, Одигитрія, Тихвинской Божьей Матери, Св. Пантелеймона, Кузьмы и Демьяна и проч. По этому поводу существуетъ слѣдующій разсказъ: каждый разъ, какъ мужики являлись къ нѣмцу-управляющему съ докладомъ, что завтра праздникъ, нельзя работать, нѣмецъ сердился, но покорялся обычаю.

---

[1]) въ ожиданіи приплода; [2]) крошка.

Наконецъ приказчикъ объявляетъ, что завтра праздникъ всѣхъ Святыхъ.

Обрадовался нѣмецъ: вотъ это очень хорошо, въ одинъ день всѣхъ отпраздновать и конецъ.

Но не въ продолжительномъ времени ему опять донесено было о предстоящемъ праздникѣ Ивана Купалы.

— Гдѣ-жъ былъ этотъ, когда недавно всѣхъ святыхъ праздновали, кричалъ онъ, потерявши всякое терпѣніе, ахъ, вы лѣнтяи! Оттого вамъ и ѣсть нечего, что вы все праздники себѣ дѣлаете.

Еще кромѣ церковныхъ праздниковъ крестьяне сами себѣ установили пятницы, въ которыя нельзя бабамъ прясть, а мужчинамъ пахать. Никто не раскажетъ вамъ, почему это, но всякій отвѣтитъ: у «пятьницу ни пашуць, ни намы йета заведвена, ни паны и кончицца».

Пятницу называютъ святою въ присказкѣ:

Кйну, разгулялися сляпыя,
Проци пяценки святыя.

Бабы, большія любительницы «кляцьбы», если ее подозрѣваютъ напр. въ воровствѣ пряжи, клянется такъ:

«Святая пяцьенка, калй я яйе бачыла, павылàзь мнѣ вочы, штобъ я свайго дзицьёнка ни разу болій ни пабачыла, штобъ мяне и самую такъ скруцила, акава тая пряжа, а хто яйе увяу, нехай таго за пячонки возьмя, штобъ йонъ и да вечара ниидадыхау, хто яйе украу, нехай надъ тымъ вараньнё крахàя».

Причину, почему въ пятницу не пашутъ и не прядутъ, между тѣмъ какъ прочими работами занимаются, мѣстные священники объясняютъ такъ: если татары заставляли и русскихъ князей кланяться своему Богу, то могли же они повелѣть, чтобы и народъ чтилъ и праздновалъ ихъ пятницу. Приказанія этого народъ, конечно, не слушалъ и, только завидя въ пятницу татарина, бросалъ свою работу. А такъ какъ громоздкую соху съ лошадью и гребень съ стойномъ [1]) трудно было тотчасъ спрятать, то и рѣшили по пятницамъ не пахать и не прясть.

Когда-же народъ узналъ, что въ святцахъ есть святая Параскева, нареченной Пятницы, тогда онъ день пятничный и Святую Параскеву соединилъ въ одно понятіе, а бабье воображеніе сдѣлало ее покровительницей пряжи. Они и теперь разсказываютъ что, «у якомся намастырѣ йикона святой пяцьенки бывая уся у пылу [2]), якъ бабы мычуць мычки и прядуць по пятницамъ».

12-го іюня Св. Онуфрія. Съ этого дня начинается посѣвъ гречки, которая, если уйдетъ отъ морозовъ—утренниковъ, то родитъ лучше, чѣмъ рожь.

24-го Ивана Купалы (т. е. рождество Іоанна Крестителя). Наканунѣ Купалы каждый домохозяинъ везетъ или несетъ выкопанную съ корнемъ осинку и кладетъ на ворота. Въ эту ночь ходятъ вѣдьмы, которыя боятся лишь осиноваго кола. По той же причинѣ хозяйка дома кладетъ съ вечера крапиву жигучку на окно кватырки [3]), «штобъ вѣдьма пастрикала морду, якъ будзя лѣзть».

Вѣрятъ также въ расцвѣтаніе папоротника въ эту ночь, и кому удастся сорвать этотъ цвѣтокъ, того всѣ желанія сбудутся. Собираютъ знахарьскія [4]) травы, особенно кто водится съ нечистымъ. Есть напр. такая трава «любжа»; корень ея представляетъ двѣ руки съ растопыренными пальцами. Но бываетъ такъ, что эти пальцы «сощепнуты», вродѣ того, какъ иногда складываютъ на молитвѣ. Это и есть приворотное зелье. Если дать кому этого корня, то съѣвшій его полюбитъ васъ смертельно. Одна старуха расказывала и конечно, какъ это всегда бываетъ, увѣряла, что сама была очевидцемъ, якъ адна женщина хацѣла дацъ привордтъ пàну, да передъ тымъ дли пробы дала карэчнёкъ у хлѣби зъѣсць нищай павадырки. Што жъ бы вы думали? Дзяўчонка кинула свайихъ старцоу, прышла къ йой жиць, да-й кажа: цьётачка, я жъ

---

[1]) стойно—доска съ дыркой, куда вставляется гребень.

[2]) пыль. [3]) форточка. [4]) лѣчебныя.

якъ ни пабачу цябе, дыкъ гатова усё на сябѣ парвацъ, тошна мнѣ, нудна мнѣ, пакуль къ табѣ ни прыду». Эти самые корни въ видѣ растопыренныхъ пальцевъ есть отворотное зелье. По этому поводу слѣдуетъ такой расказъ: «а во жъ мужыку Адашки Зубаревой хто-сь дау атвардтъ, дыкъ йонъ яйе ни вочы ни успуская, биў, праганяу зъ двара, адни яйе матка поѣхала ажны у Суражъ. Ой! Тамъ знахарь хорошій, йонъ такъ йой сказау: я худога ничога ня знаю, ну, помачъ чалавѣку дамъ. Дау йонъ йой вады на тры зари, а на чацьвёртую зарю кажа: йдзи у клѣць, тамъ надъ луткай у щелцы скручано валосься, вотъ ты тоя валосься вынь, да заразъ и спали». Што жъ бы вы думали, посля йетаго стали такъ дружна жыць, якъ галубятки.

«Йосць, йосць худые людзи (и ни мало) продолжаетъ баба свой расказъ, што насыпаюць усякую усячыну. Аужа-жъ у Калодзезькахъ насланы были черви куды ни гляня хазяинъ —у муцѣ черви, у сали черви, дзежку баба станя мѣсиць—и тамъ черви. Дыкъ тэй хазяинъ да бацюшки хадзиу. Бацюшки атчитавау, малебинъ правиу. Да тыки йонъ зъ Варцова и знахаря прывозиу, дыкъ ужо ни знаю, атчагд получчила, ци атъ бацюшки, ци атъ знахаря».

Въ многихъ сёлахъ священники неоднократными запрещеніями вывели обычай раскладывать огонь подъ Ивана Купала, но въ иныхъ деревняхъ и по сіе время молодежъ собирается съ вечера, раскладываютъ костёръ гдѣ-нибудь на лугу близъ села, скачутъ, перепрыгиваютъ черезъ огонь, при пѣніи пѣсенъ купальныхъ:

Ой рана на Йвана
Проци Йвана ночка мала,
Ой рана на Йвана,
Идзѣ купала начавала,
Ой рана на Йвана
Начавала у чыстамъ поли,
Ой рана на Йвана!
У чыстамъ поли, у густомъ жыци,
Ой рана на Йвана
Што купала вячёряла,
Ой рана на Йвана
Вячеряла вареники,
Ой рана на Йвана
Чымъ купала запивала?
Ой рана на Йвана
Запивала гарэлачкай.
Ой рана на Йвана.

Трава «любжа» еще называется Иванова голова, растетъ она на лугахъ близъ рѣчки или болота. Вотъ къ ней и припѣвъ:

Иванава галава
У балоцы была,
Семъ дзёнъ скакала,
Семъ дзёнъ вымякала,
Семъ дзёнъ высыхала.

Если этотъ припѣвъ относится къ головѣ Іоанна Крестителя, то можно предположить, что онъ сложился при введеніи христіанства, такъ какъ въ немъ видно озлобленіе язычника къ евангельскимъ событіямъ.

Ой рана на Йвана
Пашли дзѣуки у ягадки,
Ой рана на Йвана
Да тамъ яны заблудзились,
Ой рана на Йвана
Прыблудзились яны къ рѣццы,
Ой рана на Йвана
И къ рѣчаццы Дунаю,
Ой рана на Йвана
Прышлось дзѣукамъ Дунай плысць,
Ой рана на Йвана
Уси дзѣвачки пирарплыли,
Ой рана на Йвана
Сиротачки затонули,
Ой рана на Йвана
Прышли вѣсци да мачыхи,
Ой рана на Йвана
Ни жаль жа мнѣ сиротачки,
А жаль жа мнѣ сорочачки,
Ой рана на Йвана
Сорочачка пасканная,
Ой рана на Йвана
Паясочыкъ—матузочыкъ.
Ой рана на Йвана
Пашли дзѣуки у ягадки,
Ой рана на Йвана
Да у чорную смародыню,
Ой рана на Йвана

Да тамъ яны заблудзились,
Прыблудзили къ рѣчаццы,
Ой рана на Йвана
Уси дзѣвачки пиряплыли,
Ой рана на Йвана
Адна дзѣвачка затанула,
Ой рана на Йвана
Прышли вѣсци да ро̂дныя маци,
Ой рана на Йвана
Ни жаль жа мнѣ сарочачки,
Ой рана на Йвана
Сарочачка альляная,
Ой рана на Йвана
Саяночыкъ мушкаваный,
Ой рана на Йвана
А платочыкъ шауковый,
Ой рана на Йвана
А жаль жа мнѣ дачушачки.
Ой рана на Йвана.

(со словъ 48 лѣтн. женщ. въ д. Барадйнко, Мглинск. у. въ 1898 году).

Ой рана на Йвана,
Соньняйка йграла
Дзѣвачка ваду брала,
Ой рана на Йвана
У ваду упала,
А за йою козачанька,
Ой рана на Йвана
Хоча яйе рятаваци,
Ой рана на Йвана
Лу̂ччы буду, дзяучоначка—
Увадзѣ патапа̂ци,
Чым сь табою, казачынька,
Дружы̂наю ста̂ци
Ой рана на Йвана.

(отъ той же въ 1898 году).

Кромѣ священниковъ, въ настоящее время въ нѣкоторыхъ селахъ сельскiе старосты, какъ блюстители порядка и общественнаго спокойствiя, стали запрещать раскладывать огонь на купалу. Но молодежь не можетъ отрѣшиться отъ стараго, любимаго обычая и, не смотря ни на что, все таки сборища устраиваются. Но вмѣсто костра отправляются гурьбой на огороды «красць цыбулю» (лукъ). И прежде всего выкапываютъ весь лукъ у батюшки, какъ бы въ отмѣстку за запрещенiе забавы. Недавно (въ 1897 г.) разбиралось у земскаго начальника дѣло по жалобѣ жителей д. Бородинки за кражу луку подъ Ивана Купала.

Что въ селахъ непремѣнно есть нѣсколько бабъ, которыя по временамъ «скидаюцца вѣдьмой» и ходятъ по ночамъ отнимать молоко у коровъ, въ томъ по деревнямъ и по сiе время рѣдко кто сомнѣвается. Кто изъ бабъ этимъ занимается, узнать по виду трудно; но если набрать золы съ костра на Ивана Купала и стать съ ней на «ро̂станькахъ [1]), сейчасъ сюда сбѣгутся всѣ сельскiя вѣдьмы и будутъ просить отдать имъ золу. Вообще мѣсто скрещиванiя переселочныхъ дорогъ считается мѣстомъ нехорошимъ, оттого и принято ставить тамъ распятiе и крестъ для устраненiя сборища вѣдьмъ. Молоко отнимаетъ вѣдьма не у однихъ коровъ: такъ, побывавши въ гостяхъ у подозрѣваемой въ вѣдьмовствѣ, сосѣдки говорятъ: «яна мянѣ мытавала [2]) малакомъ частаваць, да я гребую ѣсць, . затымъ, што тамъ ужо у яйе каровы и соба̂чча и коша̂чча и кабы̂льля, усякая малако, тоя, што яна ходзя па начамъ да атыма̂я».

Вообще коровы считаются очень «уро̂шливы», стоитъ ее похвалить, позавидовать количеству молока или только посмотрѣть завистливымъ окомъ, т. е. сглазить, то она тотъ же вечеръ не дастъ молока «ни ро̂сачки».

Поэтому, всякая старается пронести доёнку съ молокомъ такъ, чтобы туда «Вожа храни» кто ни заглянулъ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ каждая увѣряетъ сосѣдку, что ея корова «трясца дае̂». Попроситъ ли ребенокъ при комъ нибудь чужомъ молока, хотя бы молоко было въ изобилiи, но хорошая хозяйка при постороннемъ лицѣ даетъ большею частью отвѣтъ въ родѣ слѣдующаго: «пагуляйжа сынокъ, молока?—подоимъ быка», и затѣмъ говоритъ въ сторону: «мая корова хваробу» таго малака дайе̂, только што даёнку памочышъ и кашы нечымъ забялиць!»

---

[1]) на перекрестныхъ дорогахъ.
[2]) пробовала.

Или, напримѣръ, такого рода разговоръ: «Приходитъ кума Домна къ кумѣ Ганнѣ. сидятъ во дворѣ на «сѣняшиомъ» парози [1]) гамѳнюць, и видя передъ собою рыжаго теленка Домна кажа: да якая жъ, кума, твайя цьёлачка пригожынькая, поуининькая, якъ гурочыкъ, а у майю, дыкъ хто яго вѣдая, баки чагѳсь пауцягала».

«Ганна: нѣ, кумачка, йета жъ твой бычокъ сюды зайшѳу».

«Во нячыстая сила, а мнѣ жъ то прычудзилась! Якій йонъ тамъ жырный, хтобъ и праўду падумау, у яго жъ вонъ магды тарчаць, такій ниудалый чагось урадзйуся.

Если хозяйка слышитъ, что хвалятъ ея скотину, или даже ребенка, то сейчасъ же сама про себя шепчетъ: «соль табѣ у вочы, галауня у зубы» и старается три раза плюнуть.

Петрѳвка.

Іюньскій постъ передъ Петромъ и Павломъ (29-го Іюня) называется «Пятрѳука». Этотъ постъ совмѣстно съ спасовскимъ постомъ передъ Успеньемъ, въ народѣ характеризуется такъ: Пятрѳука—галадѳука,—Спасаука—ласаука.

По истинѣ голодовка—это вѣрно.

Еще съ великаго поста бабы жалуются што нѝ съ чымъ къ пеццы приступицца: усё бульба, да бульба, да и тая нищимная, но дальше—еще хуже. Вскорѣ послѣ пасхи и бульбу прыкончили, а што засталась—то пасѣяли. Доѣли и варево, значитъ—въ погребѣ ни бураковъ, ни капусты, и потому и борщу не съ чего варить. «А ну, зирьнемъу клець, ци ни ма тамъ чаго?—у дзѣжку съ крупамы шкрабъ [2]) увалиуся, а у бочку съ аржаной мукой и дауно». Значитъ, за провизіей ни въ погребъ, ни въ амбаръ не ходи. Взамѣнъ всего Богъ весной посылаетъ щавель на лугахъ, его то и варятъ въ соленой водѣ и «затаукающь крошкой сала, а у кагѳ сала нема—зибляляюць малакомъ, это и есть борщъ, то-есть пребезвкусная похлебка. Но и безъ этой запиуки—сухой хлѣбъ жевать было бы неприглядно—а тутъ «сербанешъ цёплаго и на жывацѣ якась удабнѣй стандвицца».

Когда же наступаетъ Петровка, то провіантъ еще сокращается, и остается одинъ щавель, который «хоць и атварытъ и будзье йонъ цёпленёкъ»; но заправить ни саломъ, ни молокомъ нельзя, затымъ, што грѣхъ, тольки жыды, да паны ѣдзяць у постъ скарѳмная. И вотъ для этого у нихъ съ Марта мѣсяца въ погребѣ заготовленъ березовый квасъ. Къ этому времени вырастаетъ на грядахъ лабода, которую тоже отвариваютъ, разбавляютъ березовымъ квасомъ, и тогда получается холодецъ, благо на дворѣ въ Іюнѣ довольно жарко, а потому уже «халодная якась пріятнѣй на живацѣ». И вотъ изо дня въ день всю петровку хлѣбъ и холодецъ, холодецъ и хлѣбъ и т. д. Единственной доступной приправой къ такой лабодѣ съ квасомъ могъ бы служить лукъ зеленый, но въ нашей землѣ съ глинистой подпочвой корнеплодныя растенія плохо родятъ, и потому изъ нашихъ бабъ только кое кто садитъ лукъ, и то въ такомъ маломъ количествѣ, что его, какъ любимое лакомство, сейчасъ же дѣти и свои и чужіе повытаскиваютъ и поѣдятъ.

Ну, какъ тутъ при такой скудости не залѣзть въ чужой лѣсъ и надрать хоть лыкъ на покупку съѣстного для подкрѣпленія. Вотъ, дождавшись базарнаго дня и «павёзъ йонъ пѳу воза лазы и дзесяць копъ лыкъ. То-то гостинцевъ въ дворъ навезъ! «Акрамя аржанай муки яще цѣлый пукъ зялёныя цыбули. Во натаукли бабы перъяу [3]), трохи пасалили, да и ѣли уси съ хлѣбамъ, такъ смашна, што ажны за вушамы трящыць. Яще привезъ тры хунты пшана, то ужо дли дзицёнка, а яще жъ дисятакъ таранакъ купиу». И вотъ по этому варится борщъ изъ той же лабоды и

---

[1]) На порогѣ въ сѣняхъ.

[2]) Когда въ пустую дежку опуститъ руку или посуду, то она поскребетъ дно, «шкрабня».

[3]) Зеленые стволы лука.

квасу и на ведерный горшокъ расталкивается одна полутора копеечная рыбка. «Ядзяць и спасибкаюць, во слава Богу хоць трохи жывотъ папарыць, а то усё йетый халадзецъ, да халадзецъ, ужо кйшки папримывау; бизъ гарячаго, па йетамъ щаумо и ногъ ня пацягнишъ, абрыдъ ужо йетый халадзецъ». Бабы въ Петровку заготовляютъ сухой соленый сыръ къ маслянкѣ, складываютъ его въ дежку и сверху, во избѣжаніе плѣсени, заливаютъ масломъ въ палецъ толщиною. Которая же изъ нихъ соберетъ трохи маслячка, то опять таки «ни дли свайой души», а скорѣй его свѣженькимъ« прадасць ци панамъ, ци жидамъ, да й хлѣбца купя».

Оттого-то въ Петровку мало и пѣсенъ слышится, развѣ какой нибудь подростокъ съ юной радости затянетъ пѣсенку, рвавши щавель, да скоро и затихнетъ.

На просьбу спѣть онъ отвѣчаетъ:

У Пятроуку усе ни прыгожыя пѣсни, кароткія, ни складныя.

Однако же какія?

Да ну—йихъ! Тамъ йетыя дзѣуки пяюць:

Кацилися вазы зъ гары,
Разсыпались перени,
Минулися дзявицкія
Пятроуськія пѣсни.

Ѣхали вазы зъ гары,
Разсыпались иглы,
Минулися дзявоцкія
Пятроуськія йгры.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда).

Во йету пяюць:
Я жыта пасѣяла,
Майо жыта родзя,
Я казака спалюбила
Йонъ да мяне ходзя.
Я ни стала жыта сѣяць,
Ни стала радзици,
Пиристала казака любици,
Ни стау йонъ хадзици.
Я табѣ ни зяць,
А ты мнѣ ня цьёща,
Вышли дачку на вулицу,
Уцьешъ майо серца.
Вышла дачка на вулицу,
Стала надъ вярбою,
Нихто яйе ни чапая,
Пашла яна у двору.
Катилися вазы зъ гары,
Паламались сьпицы.
Пашли нашы рыбятачки
На украйину жыци.
Пойшла жъ бы я даганяти,
Да боюся мати.
Била мине мая маци
У новаи камнаци.
Ня би, маци,
Ня би, маци,
Цяперь ни навучышъ,
Спалюбила лидачаго,
Цяперь ни разлучышъ.

(Отъ 18-ти лѣтн. дѣвки, въ с. Михайловкѣ, Стародуб. уѣзда).

Хаджу, хаджу кала стану,
Вады ни дастану,
Сватай мянѣ, разсукинъ сынъ,
Ня уводзь у худу славу.
Хаджу, хаджу кала гаю,
Гаёчыкъ ня гнецца
Пройдуць лѣта маладые,
Славачка минецца,
А я худой славы
Па вѣкъ ни баюся,
Ну, якъ выйду за вороты,
Атъ вѣтру валюся.

(д. Жигалки, Стародубскаго уѣзда).

29-го Іюня Петра и Павла. Разговѣны. Говядины за неимѣніемъ таковой не полагается, развѣ у кого курочка ильлецца (т. е. несетъ жировыя яица), тогда зарѣжутъ ее; разговляются же больше «карсунымъ», т. е. молочнымъ.

Въ этотъ день съ каждаго двора несутъ пастуху кувшинъ молока и навадзень хлѣба, въ то время, когда онъ возлѣ своей хаты начнетъ трубить въ трубу изъ бересты.

Іюль.

1-го числа Козьмы и Демьяна. Это простонародный измышленный праздникъ, такъ называемый Кузьма-сѣкачъ, который не щадя посѣчетъ все градомъ, если въ этотъ день работать.

Лѣтомъ, когда все земледѣльческое богатство сдано подъ открытое небо, въ охрану Божію, крестьянинъ съ надеждой и боязнью взираетъ на собирающіяся облака: поднимется ли вѣтеръ, зайдетъ ли солнышко въ хмару, уже у него болитъ сердце: «ци ня градавая туча, нехай Богъ крыя».

И дѣйствительно, какъ не бояться такой кары, которая въ одинъ часъ можетъ безъ всякой жалости уничтожить всю лѣтнюю работу и все годовое продовольствіе. Оттого, въ лѣтніе мѣсяцы, особенно въ Іюлѣ мѣсяцѣ, въ самую рабочую пору, народъ старается чтить каждый праздникъ, боясь прогнѣвать какого нибудь святого. Въ Іюлѣ у нихъ насчитывается одиннадцать праздничныхъ дней, плюсъ четыре воскресныя и еще тезоименитство Государыни (22), что составитъ 16 праздниковъ, итого изъ 31 дн.=16 надо прогулять въ самую горячую, страдную пору.

2-го празднуютъ «риз-палаженьня» положеніе ризы пресвятыя Богородицы.

8-го «Казаньскія»—Казанской Божіей Матери.

10-го то же «риз-палаженьня» Положеніе ризы Господа Іисуса Христа.

11-го Вольги, т. е. Св. Ольги.

15-го Владимяра—т. е. Св. Князя Владиміра.

20-го Ильли пророка. Этотъ день особенно чтятъ, боясь прогнѣвить пророка, который ѣздитъ по небу и производитъ громъ, градъ и проч.

22-го Тезоименитство нынѣ вдовствующей Государыни.

24-го Глѣба—Бориса, т. е. Бориса и Глѣба. Празднуютъ этихъ святыхъ только по случайному созвучію словъ Глѣбъ—хлѣбъ и возвели его въ покровители хлѣба и въ этотъ день особенно боятся града и грозы.

28-го Ягитрія, т. е. Одигитрія иконы Божіей Матери.

30-го Ивана-воина. Если желаютъ наказать и отмстить злѣйшему врагу и обидчику, то нанимаютъ священника отслужить молебенъ Ивану-воину, который послѣ молебствія пошлетъ обидчику страшное наказаніе.

На сѣнокосахъ.

Съ уборкой сѣнокосовъ у насъ не торопятся. Начинаютъ косить не раньше 10-го Іюля. Ждутъ, чтобъ трава пастарѣла, оттого, что такое сѣно, говорятъ они, спорнѣй, чѣмъ съ молодой травы и «скацына здаравѣй на живацѣ».

Падкашона, падвалёна
Травушка зялёна,
Стала траука пасыхаци,
Туманъ палягаци,
Дробинъ дожджыкъ завурыуся,
Парынь зъ дзѣвицай злюбиуся,
Йонъ и волячки ряшыуся [1]).

Охъ и што каму за дзѣла,
Што дзѣвачка съ парнямъ сѣла,
Яна сѣла, пасядзѣла,
Пѣсянки запѣла,
Пра лѣсъ пра дуброву,
Пра зялёную мурову,
Траука зяленая—дзѣука маладая.

(въ с. Росухѣ въ 1897 г., отъ 65-лѣтн. женщины).

---

[1]) Отрѣшился.

Што-й у лѣси, да й на сѣнакоси
Парнишачка да траву кося,
Ѣжъ, мой коникъ, траву зиляную,
Привязешъ мнѣ у дворъ
Жану маладую,
Харошую да прыгожую,
Вумную да разумную
Маладую да Адарачку.

(Отъ той же въ 1897 году).

Идзѣ зь милымъ пастаяла
Тамъ траука павала.
Што—й—за мостамъ
Трава кустамъ.
Прышоу милый
Травы касиць
Да—й стау гавариць:
Бадай сѣна—агнёмъ сѣла
Каса зламилася,
Да штобъ мая Тацянчка
Да—й—ни журылася.
Зъ бацькамъ, зъ маткай пасварюся,
Гриха набяруся,
Зъ милымъ дружкомъ
Сустрѣнуся, ни нагаварюся.

(д. Водвинки, Мглинскаго уѣзда, въ 1896 г. отъ 60-лѣтн. женщины).

На живѣ.

Жать жито и косить сѣно начинаютъ у насъ между 10-мъ и 15-мъ Іюля.

Передъ жнивомъ въ полѣсьѣ рѣдко у кого есть свой хлѣбъ. И купить его негдѣ. кромѣ, какъ у «жида», который беретъ на каждомъ пудѣ по гривеннику лишняго.

А между тѣмъ, купленный хлѣбъ «крѣпко не споренъ», зато его ѣдятъ уже якъ проскурку [1]), миркуюць [2]), чтобы хватило до новины, и ждутъ, не дождутся «пакуль жита паспѣя»...

Иная, проголодавшись, не прочь бы нажать и зеленоватаго, но ей этого не позволятъ, потому что, по народному повѣрью, стоитъ хоть разъ «рязануць сярпомъ, нажаць хоць жменьку ни у уремья,—жита станя сохнуць и высыпацца».

Наконецъ давно желанный день насталъ, чуть разсвѣтало, всѣ потянулись съ серпами. Оставаться во время жнива дома по какой бы то ни было причинѣ и скучно и досадно. Каждая считаетъ за удовольствіе поскорѣй стать въ ряды «жанцоу». Не мёдъ ждетъ ее тамъ, но она любитъ свою страдную пору и ее тянетъ на ниву...

Тяжко съ ранней поры до поздняго вечера проработать серпомъ, согнувши спину, подъ палящимъ знойнымъ солнцемъ, но она никогда не промѣняетъ полевого труда на домашній, потому что въ чистомъ полѣ, на просторѣ, ускользаютъ временно и горькія думы и мелкія хлопоты о насущномъ. Остается, какъ кристалъ одинъ чистый трудъ безъ заботы.

Не даромъ въ одной жнивной пѣсни поется.

«Я тутъ заначую
И журбы нипачую».

Ой дамбу, дамбу [3]),
На дварѣ ни рана
Расица прыпала.
Дамбу ни пайду,
Я тутъ заначую
И журбы ни пачую.
Якъ ляжу я спаць
Падъ липавымъ кустамъ
Падъ шырокимъ листамъ,
Рукаў пасцялю,
Другимъ напранусья,
Я й никого ни баюся,
Тольки я баюся,
Што—й Господа Бога,
Да свайго нилюбога.
Гасподзь—Богъ высока,
А не любъ далёка.
Гасподзь—Богъ у свѣци,
А не любъ у клѣци.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщины въ 1897 г.).

---

[1]) Просфору. [2]) Расчисляютъ. [3]) Домой.

Долог и однообразен жаркій день на жнивѣ. Ни звука кругомъ... Безъ конца, колеблясь, шумятъ желтые колосья и убаюкиваютъ жницу тихимъ шелестомъ. Оттого подъ часъ нападаетъ на нее такого рода напасть, дремлется ей, бѣдной... она и сама не рада, но наклонитъ ея голованьку ко сну, какъ клонитъ спѣлый колосокъ къ замлицѣ, а заснешъ—на сусѣдняй палосцы будуць смѣяцца. Въ этомъ случаѣ одно лѣкарство—пѣть, и вотъ является пѣсня, по неволѣ тянетъ она ее заунывнымъ напѣвомъ, какъ тянутся страдные дни, которымъ «нима ни канца, ни беряга».

Въ этихъ пѣсняхъ содержаніе берется изъ обыденной жизни, гдѣ большею частью злобой дня является всегдашній непримиримый врагъ: свекровь и вся мужняя родня.

Была у мяне свякруха лиха,
Паслала мяне маладу
У поля адну,
Я малада—адна баюся,
Ни такъ баюся,
Якъ жаць лянюся.
Я жыта ни жала,
А усе лижала.
Прашнулась—ужо ни рана,
Стала жаць,
Стала пилнаваць [1])
Нажала дзьвѣ капы и чатыри (снопа).
Пашла у дворъ—пахвалилася,
Ой мацъ, мая мацъ,
Я умарылася,
Якъ глянула у хату
Схамянулася [2])
На поли дзвиця прызабылася,
Растакая ты, прайетакая,
Идзи, сука, б . . . дь,
Дзицятки шукаць.
Иду я поля, и другоя,
Усходжу я на трецьце,
Стаяць палачки,
Висиць люличка,
Кала тыя люлячки
Да тры нянички сѣрыя:
Адзинъ кажа: я забавляу,
Другій кажа: я калыхау,
Трецьцій кажа я спавиваy,
Хто забавляу, тэй ручку зламау—
Хто калыхау—тэй ножку атарвау,
А хто спавивау, той саусимъ украу.

(с. Росуха, со словъ 30-лѣтн. женщины въ 1898 году).

Ажанила удоука [3])
Старшаго сыночка,
Узяла нявѣстачку
Ни у нарау сабѣ,
Ни на бѣла лицо,
Ни на чорны бровы.
Паѣхау сынъ у дарожачку,—
Маладая жана—у сьцьепъ лену брацъ,
А ня родная матушка
Стала яйе клясць.
О сьцьепъ, ты мой сьцьепъ
Стань далйнаю,
Маладая нявѣстка,
Стань—былинаю.
Пріѣжджая сынъ зъ дороги
Да—й—пытая сваю матухну:
Ой, мацъ мая, матухна,
Да йдзѣ-жъ мая жонушка?
Твая жана у сьцяпу лёнъ бярѐ,
Охъ я тамъ у сьцяпу быу,
И жаны ни видау,
Тольки—й—видау я
Тонкую былиначку,
Ой сынокъ мой, сынокъ,
Бяры ты сякѐру [4]),
Да ѣдзи у далину,
Да—й—сьсяки былину.
Першъ [5]) цюкнуу—нахилилася,
У други цюкнуу—павалилася.
У трецьци цюкнуу—абъявилася.
Ай, мужъ ты, мой мужъ,
Я твая жана.
Йета твая мацн
Такъ нарабила,
У сьцьяпу былинаю
Да—й нарадзила,
Нашихъ дробныхъ дзѣтачакъ,
Да—й пасирацила.

(д. Шапочка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 25-лѣтн. женщ. въ 1896 г.).
(Ст. Шейнъ блр. пѣсни, т. I, ч. 1, стр. 399, № 486, 484, 489).

---

[1]) Усердно работать. [2]) Опомнилась.
[3]) Вдовы. [4]) Топоръ. [5]) Сперва.

Голубъ сызынькій—дружокъ миленькій
Завезъ мяне маладу на чужую старану,
Идзѣ роду нема, вялика семья,
Вялика семъя вячерацъ стала,
А мяне маладу—паслали па ваду,
Къ вадзѣ ишла—силна плакала,
Ваду чэрпаушы, умывалася,
Своимъ шытымъ рукавомъ утиралася
А у сѣни выйшла—прислухалася,
Што вялика семъя гаворя:
Вялика семъя мужа навдзя,
Чаму ты жаны ня бьешъ, ни дзярешъ?
За што яйе бицъ?—што умѣя рабицъ?
И усимъ наравицъ?
Пашла жана у клѣцъ,
Мужъ за йою у слѣдъ,
Зьдзѣу [1]) съ крюка плецъ.
Стау жану сѣчъ.
Узяу цапокъ,
Стау жану бицъ,
Ни папау па жанѣ,
Да па новай сцянѣ,
Новая сцяна увагнулася,
Маладая жана уляknулася [2]),
Силна крѣпка яна занядужала [3]),
А къ нядзѣли у начы
Богу душачку атдала.

(Отъ той же въ 1896 году).

Якъ паѣхау мой мужякъ
Гарду—пахаци,
Напахау-жа йонъ гарду
На гряду квасоли,
Да—й—прыѣхау да доманьку.
Стау жонку прасици—
Идзи, жонка, идзи, любка,
Квасоли садзици.
Пасадзила я квасолю
И пайшла да дому,
Заглянула у шыночыкъ
Сядзицъ мужъ съ кумою,
Няужо-жъ [4]) табѣ, кума мая,
У дварѣ нима дзѣла,
Што-ты зъ майимъ чалавѣкамъ
У шинку засѣла?
А я свайо, кума, дзѣла
Яще учора парабила,
А я твайго чаловѣка
Дауно спалюбила.
Идзи, жонка, идзи, любка,
Вячерю варыци,
Стау яйе мужычокъ
Да сильна прасици,
Наварыла барщу—кашы
Усё поуныя чашы,
Атвярнулась у куточыкъ,
Паплакала трошки,
Нагнулася къ полу—
Уцёрлась палою.

(с. Задубенье, Мглинскаго уѣзда, со словъ 22-лѣтн. женщины въ 1899 г.).

Якъ пайду я лугамъ,
Мой миленькій паша плугамъ,
Панясу яму я ѣсци,
Ци ня скажа йонъ мнѣ сѣсьци,
Панясу яму я пиць,
Ци ня будзя гаманицъ [5]).
Йонъ наѣуся и напиуся,
Сѣу на плугъ да—й—зажурыуся,
Атчаго ты, милъ, заплакау,
Ци ты лѣта свайи утрацину,
Ци вылѣзли табѣ вочи,
Ци ты сватау манѣ ноччы?
Было свѣтла запалици,
У сусѣдзій распрасици.

(д. Новые Ивойтенки, со словъ 22-лѣтн. женщины въ 1899 года Мглинскаго уѣзда).

Извиуся хмѣль
Зь берёзаю зилянóю,
Нажыуся Лявонъ
Жъ жаной маладою.
Нанасиуся сарочакъ бялёнькихъ,
Штаноу альлянёнькихъ.
Богъ яму дау
Жану маладую
Сямъю висялую:
У поля идуцъ,
Якъ пчелки гудуцъ,
Да усё баравыя.
Сы поля идуцъ—
Пѣсянки пяюцъ,
Да усё жниуныя.

(отъ той же въ 1899 году).

---

[1]) Снялъ. [2]) Испугалася. [3]) Заболѣла. [4]) Неужели. [5]) Говорить.

Што—й вы мушки, комарыки майе,
Ни отъ кусаньня галавà мая балѝць
Атъ галȯуки бѣла личанька [1]) гарыць
Што—й—гарыць, яно гарыць,
Свайму горю—наравиць.
Охъ и хто-жъ майму горю памȯжа
Охъ и хто-жъ майго дружка угавȯря?
И хто-жъ яго съ пȯударȯги вȯрня? [2])
Ахъ! вярнись ты, мой миленькій дружȯкъ,
Пȯйдзимъ мы у зялёнинькій садокъ,
Тамъ мы сядзимъ падъ ракитовымъ кустомъ,
Пагавȯрымъ пра жѣцьцё, быцьцё свайо,
Пра вяликую любȯу, якова любоу на свѣци цижалà,
Разлучила насъ ни мѣсяцъ, ни заря,
Разлучила чужа далня старана
Да Маскоуськая слабада.

(Со словъ 45-лѣтн. женщины въ д. Жуково, Мглинскаго уѣзда въ 1897 году).

У Кіяви малчыкъ радзйуся,
У Пяцянбурси [3]) йонъ хряцйуся,
У дзярȯунюшку жыць папȯу.
Найшли на Ванячку забȯты,
Дзирявеньскія работы,
Йонъ и ночку мала спȯу,
Па Пйцяру гариваў,
Якъ паслала Йвана маци
Яравого жыта жàци.
Узыходзя Йванъ на нйуку,
Бярȯцца за каласйнку,
Вàжка Ваня уздыхау,
Ни снапочка ни нажȯу.
Найшла на Йвана скўка,
Парѣзау йонъ бѣлые рўки,
Палилася нѣжна крȯу,
Яго сударушка прыбяжала,
Платкȯмъ рўку завизала,
Штобъ крȯу ни цяклà [4]),
Пайду къ матушцы далажуся,
Ка сударушки спрашуся,
Ты пазволь мнѣ, мая мацъ,
Къ сударушки пàгуляцъ.

(д. Шапочка, отъ 22-лѣтн. женщины въ 1898 году, Мглинскаго уѣзда).

Бѣлая барёза пры шляху стаяла,
Што—й тую барёзу—хто йдзе, тэй рубàя,
Мяне маладу свёкаръ бьецъ, ругàя,
Охъ Божа, мой Божа, милъ мяне ня любя.
Са мной ня гаворя,
Вȯчаръ кудры чȯша,
У пȯуначъ гуляцъ хȯдзя,
А къ свѣту прыходзя.
Йонъ лажыцца спацьки
У край—карвàтки [5]),
Къ сцянѣ вачàмы,
А ка мнѣ плечàмы,
Да—й цяжка уздыхàя,
Охъ Божа-жъ мой, Божа,
Хто мянѣ разўя,
Хоцъ разъ пацалўя.
Миленькій дружочыкъ,
Хадзи, я раззую,
Хоцъ семъ пацалўю.
Атступися, ня любàя,
Йосцъ у мянѣ другая.

(Отъ той же въ 1899 году).

Въ д. Лупекахъ предъидущую пѣсню поютъ такъ:

Што мнѣ горя гаревàньняйка,
Цижалȯнькая уздыханьняйка,
Цижалѣй таго ня будзя,
Да што мужъ жаны ня любя.
Йонъ ня любя, ни жалѣя,
Сы вȯчара кудры чэша,
Сы паўночы гуляцъ ходзя,
Къ бѣлу свѣту прыхȯдзя,
Ой што стукъ пастукъ у варȯты,
Ой да брязь па брязь калечка,
Жанѣ шельми ни славечка.
Атчиняй, жана, варȯты,
Идзьѐ миленькій зъ рабȯты,
Што—й дми [6]), жана, лучину,
Станоу жана вячэрю,
Сьцяли мàккую пасцȯлю.
Сюды, миленькій, разўю,
Я й разую, я й раздзѣну,
Зеленъ кафтанъ разьвѣшу.
Атступися, ня любая,
Йосцъ у мяне другàя.
Хоцъ у цябѣ тры чатырà,
Я надъ йимы надъ усимы,
Я надъ йими и старшàя и бȯлшая,
Я съ тобой на одномъ рушничку стаяла,
Вѣрна Богу прысягала.

(со сл. 40-лѣтн. женщины въ 1899 г. въ д. Лупекахъ, Стародубскаго уѣзда).

---

[1]) Лицо. [2]) Воротитъ. [3]) Петербургъ. [4]) Отъ сл. течь, текла. [5]) Кроватъ. [6]) Дуй.

Падъ гарою авёсъ,
А на гарэ жита.
Падъ бѣлаю бярёзаю
Казàченька убитый.
Йонъ убитъ, убитъ,
Укинутъ у жы̀та,
Чырвòнаю китàйкаю [1])
Личанька накрыта.
Прышла дзяучына
Щъ чòрными вачàмы
Падняла китайку
Да й пацалавала,
Прышла другая,
То ни такая.
Прышла трецця
Зъ рубленыя хаты,
Падняла китаячку
Да й стала пытàци:
Ци ты пьянъ упѝуся,
Ци съ каня звалѝуся,
Ци зъ другой спазнауся,
Атъ мянѣ тцурауся.

(д. Шапочка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 25-лѣтн. женщины въ 1897 году).

Литàла сѣрая пиряпёлка
Да па жòтаму полю,
Шукала сѣрая пиряпёлка
Свайго гнядзѐчка,
Идзѣ лижала яйе яйѐчка,
Идзѣ дзѣтки сядзѐли,
И у палётъ паляцьѐли.
Хадзила бѣдная сирацѝнка
Па багатаму полю,
Шукала бѣдная сирацѝнка
Свайго роднаго бацьки,
А знайшла студзеную вадзицу
У рубляномъ калодцу.
Ускалыхнися вадà
У рублёнамъ калодцу,
Атгукнися, мой бацюшка,
На чужой старòнцы.
Ни скалыхнулася вадà
У рỳбляномъ калòдцы,
Ни атгукнỳуся бацюшка
На чужой старòнцы.

(с. Човпня, Стародубскаго уѣзда, со словъ 59-лѣтн. женщины вь 1899 году).
(См. Шейнъ, блр. пѣсни. Стр. 256. № 285, 284. Стр. 424, № 520).

Ой ты, силязѐнька крылушки быстреньки,
Галоука сызѐнька,
Праляци поля шырокае, жыта ядрёная,
Прыняси бацькаву нѣгу
Къ ня лю̀баму свёкру,
Што—й у свекра мяне
Якъ анучкаю [2]) труць—
Свёкрава лютасць
И у дзвери ня лѣзя,
А бацькава нѣга,
Якъ жаркая соньняйка.

(Отъ той же въ 1899 году).

У поли пшаница
Каласочки клича,
Коласамъ махая,
Гòласамъ гукая—
Хоць мянѣ сажниця,
Хоць у стволъ пусциця,
Ни магу стаяци,
Кòласу дзиржаци,
Красная дзяучына
Па двару хадзѝла,
Зъ бацькамъ гаманѝла—
Хоць мянѣ атдайця,
Хоць зяця прымайця,
Ни могу хадзици,
Русыхъ косъ насици.

(д. Жигалки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 18-лѣтн. дѣвушки въ 1895 году).
(См. Шейнъ, бѣлор. пѣс. Т. I, ч. 1, стр. 193, 194. № 196 и 197).

Съ весны дѣвки поютъ пѣсни про милыхъ дружковъ. и бабы, конечно, дѣвицкихъ пѣсенъ не поютъ; но на жнивѣ и тѣ и другія поютъ однѣ и тѣ же пѣсни. И любимая пѣсня о нелюбомъ свёкрѣ.

Ни шалòхня да буёнъ вицярòчыкъ
Па багàтому полю,
Ни какòхня [3]) нярòдная мàци
Па чужòму дзицяци,
Ня пытàя, ци вялика дарòжка,
Ци баляць ручки ножки,

---

[1]) Марля. [2]) Тряпкою. [3]) Не вздохнетъ.

Цы балиць сярёдзника, [1])?
А яна пытая,
Ци багата нажала,
Скольки копъ наклала?
Вѣя вицярочыкъ
Па чыстаму полю,
Журыцца рѡдная маци
Па свайму дзицяци,
А яна пытая,
Ци багата нажала
Кольки копъ наклала?
А яна пытая:
Ци вялика дарѡжка,
Ци баляць ручки ножки,
Ци балиць сярёдзника?

(с. Кожемяки, Мглинскаго уѣзда, со словъ 19-лѣтн. дѣвки въ 1899 г.).

Расьцѣ трава безкарённая,
А я малада—безрѡдная.
Тольки у мяне рѡду,
Што адзинъ свёкаръ.
Биць—журыць
Мяне йосць каму,
Пажалѣць мяне нѣкаму.
Свёкарька рѡдный, тàтухна!
Пажалѣй мяне хоць ты трошачки!
Свёкарька жалѣя:
Вѡжачки бярѐ,
Мяне бѡлна бъйе.
Набиуши бѡлна,
Самъ у пиръ пашѡу.
У пиру сядзиць
Выхваляйица:
Дѡбре биць чужѡя дзицà,
Чужоя дзиця ни супѡрлива [2]),
Яно у споръ няйдзець
Ни т'бивяйицца,
Тольки слёзками
Абливайица,
Ой дау жа мнѣ свекаръ крали,
Крали добрыя.
Нявѣстухна, ты дзица майо,
Няси крали, ни развязывай,
Цярпи горя—ни разсказавай!
Свёкарька, рѡдный тàтухна,
Панасиуши крали,—развязаць трѐба,
Цярпѣушы горя—разсказаць трѐба.

(Отъ той же въ 1899 году).

Вѣцяръ вѣе,
Трàуку суша,
Игнатъ жану журя:
Жана мая Парасачка,
Жана мая Иванауна,
Пи вино—ни упивайся
Расьци дзѣтакъ—ни стàрѣйся
Дзяржи хазяйства—ни журыся.
Игнацячка, ты, Данилавичъ,
Пиушы медъ—вино, пъянъ будзишъ,
Расциушы дзѣтакъ—будзишъ старицца
Дзиржаушы хазяйства журлиу будзишъ

(Отъ той же въ 1899 году).

«На дабрàначъ да-й Гѡсподу Богу!
Жыта ядрёная, добрый вечаръ!
И свёкру й свякруси
И ня любаму друзи!»
А нихто маладзѣ [3])
Слова ни прамоуя,
Серца ни ражжаля. [4])
Прамовила малада
Ня любаму дружыни
У нѡвай каморы,
На бѣлинькамъ ложы,
Свекруха й кàже:
Вы бяриця, да па калу у руки,
Праганиця са двара
Лютаю мядзьвѣдзицу».
«На што мяне биць
Я сама зъ двара пайду,
Ручки защапнуушы,
Къ серцу прилажиушы.
Сяду я на бѣлай бярёзи
При пуци при дарѡзи,
Ня буду я кукаваци,
Якъ сѣрая вязюличка.
Да буду я праклинàци
Свекра и свякруху
И ня люба друга,
Няси, Божа, тучу грамавую
Зъ буйными дажджàмы,
Уби Божа свекра и свякруху
И ня люба друга,
Свёкра у дарѡзи,
Свякруху на парѡзи
А ня любага лада
У новай каморы,
На бѣлинькамъ ложы.

(Отъ той же въ 1899 году).

---

[1]) Спина. [2]) Не сопротивляется. [3]) Молодой. [4]) Разжалобить.

Зѐлина, зѐлина калѝначка у лу̀зи,
Йена зѐлена зломлина.
Хто жъ яйе зламàу?
Салавейки—вирябейки,
Усё мелкія пташки.
Мо̀лада, мо̀лада Арыначка у бацьки,
Йена маладà заручо̀на,
Хто-жъ яйе заручу̀у?
Пано̀уйе, сватоуйе,
Усё дзйуныя баяры
Прыѣхали къ йой
На варо̀номъ канёчку
У мулывàномъ вазочку,
Зъ маладымъ парянёчкамъ,
Пасадзили у вазочыкъ
Зъ маладымъ парянёчкамъ.
Павязли яйе усе лугамы, бирягамы
Калинавымъ мо̀стамъ.
Привязлѝ яйе у сяло̀ вялѝкая
Къ багàтаму ка двару.
Да и вышли жъ и къ йой
Свекаръ и свякруха,
Залоу̀ки лютоу̀ки,
Дзивяречки—братоу̀чки
Стали яйе витаць [1]) и пытàць
Ума прахаждаць.
Ци умѣешъ, Арыначка,
Чо̀рнымъ шо̀укамъ шыць
И зо̀латамъ вышивацъ?
Я ня умѣю чо̀рнымъ шо̀укомъ шыци
И зо̀латамъ вышывàци,
Тольки—й—умѣю
Йядрёная жыта жàци
У ко̀пачки класьци.

(Со словъ той же въ 1899 году).

Што у поли ни буёнъ вѣцирь вѣя,
Тамъ удоука да пшаничаньку сѣя.
Пасѣяушы, яна Бога прасила:
Кали жъ бы мая да пшаница урадзила,
Тады жъ бы я свайго сына жанила.
Яще удоука да да дому ни дайшла,
Да ужо-жъ яйе да пшаничанька узыйшла
Яще удоука да на лàуцы ня сѣла,
А ужо-жъ удоукина да пшаница паспѣла.
Пашла удоука да пшанѝчаньки жàци,
Якъ выжала пiряпёлачку зь дзѣцьмы
Дзѣтки жъ майе, да прапала жъ я зъ вамы,
Матка наша ня журыся ты намы,
Парасуцьмъ жа мы,—паляцимъ жа мы сàмы,
Паляцимъ жа мы, да на синяя моря, на жаутыя пяски.

(Въ 1858 году заучено мною отъ 20 лѣт. дѣвк.).

Ня вѣйця вы, вѣтры,
Зъ гары да до̀му
Съ чы̀стаго по̀ля
Ни наносьцы, вѣтры,
Майму тàтухни вѣсци,
Мамухни жалосьци,
Што-й-жыву я ни у любо̀сци
Ни жыву—гарюю,
Усё бяду бядую.
Закурыуся сѝленъ дробнинъ дожджыкъ
Па багàтаму полю,
Зажурыуся мой татухна ро̀дный
На свайой старонцы,
Па майой го̀рькой до̀лцы.
А курысь, ни курысь, дробенъ дожджыкъ,
Па жо̀утому полю,
Журы̀сь, ни журысь, мой тàтухна родный,
У канцы карватки стаю̀,
Пасцьелячки ни сцялю.
Ужо жъ мая пасцьелька
Атъ слёзакъ макрэнька.
Ужо-жъ майо адзѣяла у нагàхъ ляжыць,
Ужо мая разлука у галоу̀кахъ стайиць
Мянѣ разлучàя.

(с. Горяны, Мглинскаго у., отъ 18 лѣт. дѣвки, въ 1899 г.).

---

[1]) Привѣтствовать.

Да ни запякай,
Ты жаркая сонца,
Майго бѣлаго лица,
Да майо лицо
Бизъ бялила бѣла,
Бизъ красила-красна.

Вѣлилячка—да на моры,
Крим.лячко—у каморы.
Ну-ця—ну-ця, ще напилнуйця
Вячерняй парой,
Халадкомъ зъ расой,
Сярпомъ—ни касою.

(д. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 18-лѣт. дѣвки, въ 1898 г.).

У вечары у вечарочку
Гнала дзѣвица карову,
Спусцилася къ ручаёчку,
На зялёнинькій лужокъ
Ѣдзя барынъ маладый,
Парауняуся са мной.
Раскажы-ка ты, дзяучонка,
Съ котораго ты сяла?
Изъ Пятроускаго сяла,

Я хрисцянка твая.
Кали ты мая хрисцянка,
Пойдзишъ замужъ за мянѣ,
Што-й-ня можна таму стаць,
Штобъ пану хрисцянку узяць.
Ой пабачышъ ты сама,
Якова твая судзьба:
Ты сы вечара хрисцянка,
Къ бѣлу свѣту гаспажа.

(Отъ той-же, въ 1898 г.).

На закаци жаркая соньняйка, на закаци,
На выѣздзи мой милинькій, на выѣздзи,
Стала я свайму миламу да прыказавацъ—
У вяликій хмѣль, мой милинькій,ни упивайся,
У вяликій сонъ, мой милинькій, ни усыпайся,

У вяликую любоу ни удавайся
Вяликій хмѣль, мой милинькій, бизгалоуйе,
Вяликій сонъ, мой милинькій—низдароуйе,
Вяликая любоу, мой милинькій, абгаворьря [1]).

(с. Манѣки, Новозыбковскаго уѣзда со словъ 25-лѣт. женщ. въ 1897 г.).

Августъ.

1-го числа праздникъ «Макауя» т. е. Макавеевъ. Послѣ литургіи крестный ходъ и водосвятіе на рѣкѣ. Съ этого дня начинается спасовскій постъ. Это и есть: «спасаука-ласаука». Кромѣ того, что теперь въ каждомъ дворѣ есть свой собственный новый хлѣбъ, уже и картошка поспѣла—маладая янажъ смашна. На грядахъ и буракъ и капуста и гуркй у гародниковъ ни па чёмъ. Теперь уже дѣлаютъ холодецъ изъ свеклы и крошатъ туда огурцы. Это довольно вкусное блюдо. А кійки [2]) парные развѣ не харчъ, благодареніе Господу Богу! Затѣмъ нѣкоторые нажали и намолотили ячменю. Бабы скорѣй натолкли въ ступѣ ячменныхъ крупъ, прапылали ихъ въ ночвахъ и наварили ячменной каши (жидкій супъ).

Надо замѣтить, что всѣ эти столь лакомыя кушанья приготовляются тоже нищимныя», т. е. ни съ чѣмъ, по той причинѣ, что «у спасоуку» малоко и сало—грѣхъ ѣсць, а алѣю яще нема.

6-го Спасъ—Преображеніе Господне. Приносятъ святить въ церковь жито и яблоки. Бабы до Спаса не ѣдятъ яблокъ, особенно тѣ, у кого есть умершія дѣти, а то въ этотъ день: «тамъ на нѣби дзицьенку ни дадуць яблачка, штобъ матка да спаса нябла».

15-го Первая Прячыстая. (т. е. Успеніе Богородицы). День разговѣнъ. Ѣдятъ больше молочное, или съ саломъ свинным. Во всеобщемъ употребленіи «маканьня», т. е. горячія ржаныя пампушки, облитыя творогомъ со сметаною.

18-го Хралы-й-Лауры т. е. Фрола и Лавра. Этотъ день чтятъ, и въ нѣкоторыхъ селахъ устроены храмы во имя этихъ святыхъ.

29-го Усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя. Постъ; не ѣдятъ фруктовъ, которые имѣютъ подобіе головъ.

---

[1]) Осужденье. [2]) Кукуруза.

Въ среднихъ числахъ Августа жниво приходитъ къ концу. Вотъ настаетъ моментъ, когда какая нибудь семья дожинаетъ последнее жито.

«Пакинуць на бараду!» Командуетъ старшая. Серпы торжественно окладываются. Всѣ становятся передъ недожатымъ мѣстомъ, бьютъ земные поклоны, прочитываютъ повседневныя молитвы, и затѣмъ старшая невѣстка сжинаетъ оставленную бараду въ одинъ снопъ, на корнѣ оставляютъ три колоска и завязываютъ ихъ красной ниткой и снова благоговѣйно молятся. Подъ конецъ зарываютъ тутъ же краюшку хлѣба съ слѣдующими словами:

Ниука, ниука, атдай сваю силку
На ниву—гнаёкъ,
На скацинку—лаёкъ, [1])
А намъ на добрая здарбуя.

Во время крѣпостничества, да и теперь въ большихъ экономіяхъ жницы изъ послѣдняго жита плетутъ вѣнокъ и торжественно несутъ его къ владѣльцу помѣщику или управляющему съ пѣснями:

А мы свайму пану
Учынили славу:
Усё жыта пажали
И у копы паклали,
Аткутайця варбты,
Идземъ мы зъ работы,
Раставляйця сталы цясавые,
Вынасиця миски, тарелки
И па чарцы горэлки

(Заучено мною въ 1858 г. со словъ дворовыхъ).

У добраго пана за вѣнокъ полагалось угощеніе. На собственномъ же полѣ крестьянамъ некогда заниматься этими пустяками, они несутъ снопъ домой и ставятъ его на покутѣ, потомъ обмалачиваютъ и прячутъ зерна къ слѣдующему году, чтобы 6-го Августа на Спаса освятить его и святымъ житомъ засѣять первую полосу.

Обжинки—это такое радостное хозяйственное празднество, что его требуется чѣмъ нибудь ознаменовать: вотъ къ вечеру въ этотъ день и принято печь ситные пироги съ кашей или картофелемъ. Но какъ ни просто это кушанье, на повѣрку оказывается что оно не по карману земледѣльцу въ данное время, именно потому, что всегда жито дожинаютъ въ спасовъ постъ, когда по деревнямъ «нима ни росочки алѣю, а пираги нищимные, якавы йены». Такимъ образомъ оказывается, что нужда и обычай измѣняетъ.

Однако и послѣ обжинокъ бабской спинѣ нѣтъ отдыху: треба жаць ячмень, авесъ, прбса, гречку качаць и затѣмъ приступать къ прочимъ осеннимъ работамъ.

Въ погожую осень поютъ онѣ на работахъ осеннія пѣсни, въ родѣ того напр.

Грэя, грэя соньняйка
Ни па лѣтняму,
Любя паринь дзѣвачку
Ни па прежнаму

(с. Разсухи въ 1899 году, отъ 18-лѣт. дѣвки).

Осеннія работы въ деревнѣ всегда одна спѣшнѣй другой. Пойдутъ ли дожди, хозяинъ: «Божа жъ мой, гречачка у поли пагніець, а йета жъ самая надежная харчъ и скацини и сабѣ. «Житныя и яровыя копы бьютъ въ полѣ чужіе кони,—некогда перевезть на гумно, потому что «хлѣбъ ни атсѣянъ».

Но вотъ проглянуло солнышко, стало на пагоду, и задвигался, закопошился народъ въ полѣ, какъ мошки. Везутъ, несутъ, тащутъ зимніе запасы въ дворъ, какъ мурашки къ муравейнику, а все для того, чтобъ было что «въ лѣвую руку взять [2]).

Весь Августъ, начиная отъ Спаса (6-го) и пашутъ и сѣютъ хлѣбъ къ будущему году и не мало положатъ труда и прольютъ пота, прежде чѣмъ вскорпаютъ свое и примитивной сошкой всю эту площадь, видимую глазомъ на горизонтѣ. Но вотъ наконецъ бросаетъ онъ послѣднюю горсть сѣмянъ въ землю, забаранивaетъ и многотрудному дѣлу конецъ. Кладетъ онъ на своемъ полѣ двѣ горсти соломы крестомъ, накладываетъ камушки, чтобы вѣтеръ не сдулъ, снимаетъ шапку и усердно молится: «зарадзи, Божа, и на крадящаго и на прасящаго и на усякаго добраго чаловѣка».

---

[1]) жиръ. [2]) въ лѣвой рукѣ хлѣбъ, а въ правой ложки.

Это—обработки, весьма радостный праздникъ во дворѣ.

На обработкахъ къ «вячерѣ пякуць пираги ржаныя, рѣжуць баранчыка бяруць съ кварту водки и завуць свайихъ харошыхъ сусѣдзей.

Такъ какъ осенью народъ сытъ, то и пѣсни то и пѣсни раздаются гораздо чаще, чѣмъ весной.

Наляцѣли журавы
Изъ чужыя стараны,
Сѣли, пали на ральлѣ ²)
Да—й расказавали:
Сяго лѣта плохій годъ,
Плоха жыта, плоха ярь.
На раннямъ жыци
Да жанцы жнуць,
А на познямъ
У косы бъюць.
Дурный бацька
Дурнямъ стау,
Што другую жонку узяу.
Йонъ съ первою дзяцей мау
А зъ другою разагнау.
Ходзя бацька па двару,
Нахилиушы галаву,
Живи-жъ, бацька, якъ Богъ дау,
Кали дзяцей разагнау,
Якъ будзишъ ты памирацъ,
Ня пойдзимъ мы паминацъ.

Горя майо вялйкая,
Зъ горя ножачки ня ходзюць,
Ручки дзѣлячка ня робюць,
Мянѣ дзѣвочку здурыли,
Съ плечъ галовачку звалили,
Зь бѣла лица красачку змянили.
Мянѣ милый пакидая
У дарожку атъѣжджая,
Якъ вышла я у чыста поля
Ляцицъ голубъ сизакрылый
И пытая: йдзѣ твой милый?
Мой миленькій на рабоци
У сахарнамъ у заводзи,
Идзѣ днуя, йдзѣ начуя
Возьмя тапоръ, да-й-майструя.
Яго хазяинъ панукая
И хазяйка наругая,
Усё треба цярпѣць.

(с. Жуково, Мглинскаго у., со сл. 40-лѣт. женщины, въ 1896 г.).

Съ весны крестьяне наши ходятъ на заработки на Донъ. Осенью возвращаются, и не рѣдко жена или невѣста вмѣсто своего милаго получаютъ вѣсть о его смерти ²). Оттого слѣдующую пѣсню поютъ непремѣнно «падъ восень».

Шуме гудве зялёная дуброука,
Плача и рыдая маладая удоука.
Уси зъ Дону идуць,
А майго миласо каня вядуць.
Пайду, пайду, каня разсѣдлаю,
Пра свайго дружка распытаю.
Охъ ты, конь мой, сивогрывый,
Скажы прауду, йдзѣ мой милый?
Твой милъ убитый ляжыць,
У правай руцѣ хрестъ дзяржыць,
Лѣваю ваду набирая
Да на серца паливая,
Таварышу рѣчи размауляя—
Таварышу, родный брацику,
Якъ пойдзишъ ты на маю старонačку,
Накажы ты майму роду,
Ни такъ роду, якъ майой жанѣ,
Маладой удовачки,
Нехай яна мянѣ не ждже!
Нехай замужъ идзе,
Пакуль мянѣ даждецца,
У волю у свѣци нажывецца

(Со сл. 25-лѣт. женщины, дер. Шапочка, въ 1896 г.).

См. Шейнъ, Бѣл. пѣс., т. I, ч. 1, стр. 479, № 590.

Уси лугй и балоцики вада паняла,
У садзи игруша, яблоня цвѣтамъ зацвила,
Той парой, у тоя уремъячка мянѣ маци радзила,
А, радзиушы, матухна доли ни дала,
Ни давяла да разума, у чужы людзи атдала
У тую старонку низнакомую,
У тую сямъю ни вяселую.

¹) паренина, т. е. смѣна подъ паромъ.
²) это конечно старая казацкая пѣсня, тутъ же и конь говоритъ. Ред.

Якъ скинусь я, малада, сѣрай зязюляй,
Палячу я, малада, у сваю старонку
Сяду я, малада, у бацькавамъ садочку,
Да закукаю зязюличкай сѣрай.
Родный мой бацюшка
Па сѣнямъ ходзя,
Нявѣстушакъ, ластушакъ пабуджая
И къ садзику прыслухаицца.
Што-й у нашамъ садзику
Жалабно пяюць
Ци саловьюшка, ци зязюля сѣрая?
Болшый братъ кажа: пайду падстрялю
Среднiй кажа: пайду пагляджу,
Мязёный кажа: пайду йой скажу:
Кали салавейка—вылятай съ саду вонъ,
Кали наша горькая—хадзи къ намъ на дворъ,
Сядзь ты горькая за тясовый столъ,
Раскажы ты, бѣдная, пра свайо жыцьцё.
Радзимый мой бацюшка, што я вамъ скажу
Зелянъ лѣсъ, дубровачка бизъ вѣтру шумиць
Чужый ацецъ—мацъ бизъ пары журюць.

(д. Жуково, Мглин. у. со сл. 45 лѣт. женщ. въ 1895 г.)

Што-й за гаемъ зиляненькимъ
Брала дзѣука лёнъ бялёнькiй,
Яна брала, къ сырой зямли прилягала,
Горьки слёзы праливала:
Охъ лёнъ, мой лёнъ ты бялёнькiй,
А хто-жъ цябѣ сѣйиу? мой миленькiй
Парнишачка маладзёнькiй,
Чую, чую я нядолиньку сваю,
Што ня быць яму у даму,
А быць молайцу у някруцкамъ у наборы
У салдацкамъ у прыборы.

(д. Невзорова, Стародубскаго у. отъ 55 лѣт. женщ. въ 1896 г.)

Мядуница, мядуница луговая!
Чаго ни цвяцёшъ па усёмъ лузи, па зялёнамъ?
Якъ жа я буду цвѣсть па усёмъ лузи,
Мошки цвѣцики абъядаюць,
Вады корни падмываюць,
Маладзица, маладзица маладая,
Учомъ ня ходзишъ на вулицу на шырокую?
Якъ жа мнѣ на вулицу хадзиць
Што свякруха кажа—сакатуха, растанчыца,
А залбука кажа—лидачая пахмурница
Свекаръ кажа—мядьвѣдзица лисавая,
Милый кажа—маладзица маладая.
Сарока сакатуха па падъ кольлю,
Растанчыца дачка у бацьки,
Пахмурница—цьёмна ночка цямнюсинька,
Мядьвѣдзица у цёмнамъ лѣси цямнюсинькомъ.

(с. Лупеки, Стародуб. уѣзд. со сл. 40 лѣт. ж. въ 1899 г.)

Па полю, па полю
Полю чыстаму
Тамъ бягуць, бягуць
Ваукй сѣрыя,
Нясуць галаву чалавѣччу.
Тамъ па морю, морю синяму.
Тамъ лижаць брусы,
Брусы цёсанные,
Што-й па тыхъ па брусахъ
Братъ съ сястрою ишоу.

(с. Кожемяки, Мглинскаго у. со сл. 18 лѣт. дѣвки въ 1896 году).

Въ с. Гарянахъ, Мглинск. у. поютъ какъ бы продолженiе вышепомѣщенной пѣсни, записано въ 1899 г. отъ 19 лѣт. дѣвки.

Братъ кы бережку ишоу,
Сястра патанула,
Рѣчы мовила:
Ня пи, брацецъ, зъ моря вады,
То усё кроумая
Ня ѣжъ, брацецъ, зъ моря рыбы,
То усё цвела майо.
Ни каси брацецъ травы,
То каса мая,
Ни ламай калины,
То краса мая,
Ни щипли смародзины,
То дзявощина мая.

Сентябрь.

6-е «Чу́ды», т. е. Чудо св. Архистратига Михаила. По церковному уставу праздника не полагается, а потому священникъ никогда объ этомъ днѣ и не напоминаетъ прихожанамъ. Но народъ своихъ собственныхъ излюбленныхъ праздниковъ никогда не забудетъ.

Память неграмотнаго крестьянина есть самый точный и вѣрный календарь праздниковъ текущаго года. Крестьянинъ ведетъ свое счисленіе времени недѣлями и хоть за полгода и болѣе онъ вамъ разскажетъ, въ какой день недѣли будетъ извѣстнаго ему святого, когда заговѣнье, длиненъ ли мясоѣдъ, сколько недѣль Петровки въ этомъ году. Особенно бабы, эти архиваріусы всѣхъ предразсудковъ, никогда не ошибутся въ своихъ вычисленіяхъ, и заранѣе всегда объявятъ: «што у чацвѣргъ будуць чуды».

Причины празднованія слѣдующія: кромѣ боязни градобитія у крестьянъ есть еще стихійная боязнь огня и пожара; вотъ и придумали они себѣ праздникъ: значитъ, нельзя сушить овинъ, молотить: «Божа храни, нильга тапиць печку да васхода сонца, а то агонь, вылятая съ печи, скача па хаци, ажны чутна якъ вымауляе: чуды, чуды, чуды. Тиды ужо, якъ хто йосць у хаци, треба стишицца и утаиць духъ. Агонь пагуляя, пагуляя, да назадъ у печки и пойдзя. Такъ и на гумнѣ бывая, хто асмилицца у йстый дзень цяпло класць.

Въ нашихъ мѣстахъ, хотя рѣдко, но можно еще найти остатки преданія о поклоненіи огню. Въ д. Выстриковѣ, Стародубскаго уѣзда еще недавно умеръ старикъ, который «непрямѣнно клаушы цяпло падъ авинъ, пирядъ тымъ якъ запалиць агонь снимау шапку и хрестицца и кажа: .. да а Вог-дра». Если вамъ удалось бы вызвать его на откровенность, то на вопросъ, кому ты говоришь: дай Боже здравствовать? онъ отвѣтитъ: «Каму? Пѣруну, съ агнемъ ни вяликія шутки! Такъ старые людзи дзѣлали, и насъ навучыли, штобъ благапалучна было съ агнёмъ, а то крый Божа чаго и гуменца сгарыць».

Возлѣ деревни Галибисова, Стародубскаго уѣзда есть мѣсто, усѣянное курганами, гдѣ крестьяне находятъ иногда изъ чернаго кремня предметы, выдѣланные на подобіе плоской ложки съ заостреннымъ концомъ. Они называютъ этотъ предметъ и «грамовая стрѣла». Если ее сохранять въ домѣ, то въ хозяйствѣ и во всемъ прочемъ будетъ великое счастье: «багатства будзя низводная», при одномъ только условіи, если только стрѣлу хранить въ тайнѣ и никому не показывать.

Что преданіе о Перунѣ и богѣ грома живетъ еще и теперь, видно изъ слѣдующаго предразсудка, въ связи съ христіанствомъ: для того, чтобы водились пчелы, слѣдуетъ изъ дуба, разбитаго громомъ, сдѣлать крестъ и поставить въ пасѣкѣ.

Когда послѣ свадьбы везутъ молодого съ молодой, то передъ дворомъ раскладываютъ огонь, дружко съ помощью прочихъ бояръ тянетъ коней и телѣгу съ молодыми непремѣнно черезъ огонь, чтобы имъ Богъ послалъ благополучную жизнь.

8-е Другая Прячыстая, т. е. Рождество Пресвятыя Богородицы.

14. «Здвигъ» Воздвиженье Креста Господня. Въ этотъ день «уси гады, змѣй и вужы, здвигающца умѣста [1]) и хаваюцца у землю: послѣ йетаго дня у лясу ни пабачышъ ужо ни воднай гадзины».

26. Іоанна Богослова.

На храмоущыни

(на восяни).

Не смотря на усиленныя работы, осень для крестьянина — самое благоденственное время года уже потому, что онъ всегда сытъ: хлѣбъ пока не покупной, поспѣваетъ вся городина, садовина. Подростаютъ ягнятки, такъ что «кой кали даводицца и мясца спробывацъ».

---

[1]) Вмѣстѣ.

Оттого они и любятъ назначать престольные праздники храмовъ, непремѣнно осенью: Храмовщину празднуютъ два, три дня.

Наканунѣ, среди села варятъ въ казанѣ «брашный» [1]) медъ. Въ каждомъ дворѣ рѣжутъ барана или подсвинка. Съ окрестныхъ селъ пріѣзжаютъ гости.

Однако, по заведенному порядку и обычаю и до сихъ поръ: «бизъ гарэлки и праздникъ ни у праздникъ», а потому ее пьютъ во храмовщинѣ, не мѣрявши.

Самыя дорогія гости—это выданныя въ чужія села замужнія дочки, которыя «паспытаушы нужды и ни салодкай жысци у чужой сямьѣ, ляцяць якъ птушачки у бацькоу дворъ».

Это для нихъ самый свѣтлый, самый радостный и желанный день въ году.

Про поѣздку въ праздникъ къ батькѣ, поетъ она даже пѣсню:

Што-й съпадъ лѣсу, лѣсу цёмнаго
Выхадвила туча грозная
Сы дажджàмы, сы марòзамы,
Сы валикими прыгрозамы.
Той парою, у йета урэмьячко
Дочка къ бацьки у госци ѣхала
Яна ѣхала, ни даѣхала,
Сярёдъ лѣсу станавѝлася,
Яйе лошадзь старапѝлася,
И павòзка абламѝлася.
Якъ падъ кусцикамъ яна садзилася,
Съ салавьёмъ яна рàду рàдзила:
Саловьячка, дробна пташачка,
Ты ляци у маю старонку,
Накажы майму бацюшцы
Й роднай майой матушцы,
Што бяда са мной прыключылася.

(с. Росуха, Мглинск. у. въ 1898 г. со словъ 25 лѣт. женщ.).

Слѣдующія пѣсни поются также на храмовщинѣ:

Васёлая басѣдачка,
Идзѣ тàтухна пъе.
Йонъ пъе, йонъ веселъ,
Радзѝмый мой,
А за мной маладой
Паслѣду шлè.
А я маладзюсинька
За вỳцямы, за гусѝмы
Забарѝлася.
Дòуга вỳтки, гỳсачки
Па биряжку пахàджывали,
Халодную вадзицу прыкỳшавали,
Зяленую травачку пащыпавали.

(д. Жуково, Мглинск. у. въ 1895 г. отъ 40 лѣт. женщ.).

Пиця, дзѣуки, мёдъ, гарэлачку,
А я буду вадỳ пиць,
Што-й у свѣци бѣднаму
Да-й худа пражыць.
У майго тàтухны
Да усё жицячка рòдзя,
А у мянѣ у бяздòлнай
Кукалѝна да мятлѝна.
Трэба мнѣ жыта жаци,
Кукалину выбираци
Да-й въ нялюбымъ вѣкъ каратаци.

(Отъ той же въ 1895 г.).

Наварю брàцецъ салòдкаго мёду,
Зазваỳ сястру багàтую,
А убòгая сама прышлà
Богатую пасадзѝỳ на пòкуци,
А убогую на прыпечку,
Багатую мёдамъ частỳя,
Низванная вадѝцу пъе.

(Отъ той же въ 1895 году).

Охъ вы, столики майе, вы цясовенькіе,
Охъ вы, госцяйки майе, вы любдуненькіе
Да чаго жъ вы сядзицьё,
Хлѣба—соли нѝ йясцьё,
Кали хлѣбъ пушòнъ—яг вѝпалаю,
А хазяйинъ ни вяселъ, у яго прауды выпытаю.

(Отъ той же въ 1898 году).

---

[1]) Отъ слова брашина, т. е. общество, гдѣ есть храмовой праздникъ.

Ой што-жъ то за гадзина,
Што свой свайяго ни навидзя.
Мужъ ня любя жаны нядўжыя,
Братъ сястры убогія.
Прышла систра къ брату у госци,
Якъ ступила на калитачку,
Брацецъ глянуў у кватырачку,—
Прымай, жана, абѣдъ са стала
Идзець къ намъ сястра мая.
Госця нета пачула,
Цижалёнька уздыхнула, да й заплакала—
Ня бойсь, брацецъ, ни лякайся,
И съ абѣдамъ ни хавайся,
Да цябѣ я прышла ни абѣдаци,
А хацѣла цяби я атвѣдаци.

(Отъ той же въ 1895 г.)

Ой шумъ, драка да на вўлицы,
Пайду, браццы, я паслўхаю—
Сынъ зъ маткай болна бранюцци,
И онъ браницца, съ двара гоня:
Идзи, матка, зъ майго двара,
Ужо ты мнѣ надакўчыла,
Жану маю ты высушила,
Майихъ дзѣтакъ пазнабила.
Пашла матка зъ двара плачучы,
На цапочыкъ [1]) папираючысь,
Слязьмы абливаючысь,
Идзе поле, йдзе другоя
И усходзя яна на дарожку.
Шуме, гудзе шляхъ дарожка
Сынъ за маткай на вздаговъ ѣдзе—
Вярнись, мая мамухна, назадъ дамоу,
У мянѣ у дварѣ нищасцяйка,
Здохъ у мяне конь вароный,
А жана мая у блудъ пашла,
А дзѣтачки по міру.

(с. Росуха, Мглин. у. со сл. 60 лѣт. жен. въ 1895 году).

Разгарѣлася калина
Пирядъ соньняйкомъ стоючы.
Расплакалась дачўшачка
Пирядъ татухнай стаючы—
Татухны та мой родненькій,
Ни жалѣй ты сынду—сакалду,
Пажалѣй тваю дачўшачку,
Я дачушачка—гарюшачка
У бацьки жыла, горя бачыла,
Замужъ пайшла—ще—й—пагоряла,
Журбы-клопату [2])—ще—й—паболила.

(с. Жуково, Мглин. уѣзд. со сл. 30 лѣт. женщ. въ 1897 году).

Съ вўлицы, съ пирявулачку
Саколъ вылетау,
Зъ другого съ правўлачка—сакалица.
Дачка бацьку праважджала,
Слязьми плакала,
За слязами дарожки ни бачыла,
За узрыданьнямъ славечка ни прамоувила.
Во, табѣ, бацюшка, праважаньняйка,
Цижалая уздыханьняйка,
Нешта табѣ, татухна, ни жаль мянѣ,
Ци ни знайишъ, якаво за пъяныимъ быць,
Пьёць пъянюга—ни упивайицца,
Прыдзя дамоу—надругайицца,
Пасѣкъ майо цѣла бѣлая,
Падрау майо плацця цвѣтная,
Пабиу майю галовачку буйную,
Падрау маю кашулю крамную
И надъ вѣнамъ майимъ надсмихайицца.

(Отъ той же въ 1897 г.)

Ни уваэнала мая маць,
За каго мянѣ атдаць.
Атдала мянѣ маць
За горькаго пъяницу.
Пьёць пъяница вядзѣлю,
Пъёць пъяница другўю,
А я зъ йимъ гарюю.
Паслала мянѣ маць
Пъяничаньку заганяць.
Якъ ударыу мянѣ разъ,
Пакацились слёзы зъ глазъ.
Якъ ударыу у другѝ,
Скацилася зъ дароги,
Прапою жъ мой, прапою,
Прапала жъ я съ табою.
Прапйу каня и сядло,
Прапйу майо усё дабро,
Прапйу вала и карову,
Прапъе й мяне чарнаброву.
— Польна, мила, галасиць,
Идзи печку тапиць.
На што мнѣ яйе тапиць,
Кали нечаго варыць.

(Отъ той же въ 1897 г.)

[1]) Палочку.

Што-й на дварѣ дожджыкъ
Пацисѐсеньку рамоня.
Братъ зъ братамъ гамѝня —
Мы паѣдзимъ, брацецъ,
Къ сястрѣ у гѐсци,
Якъ атдàли—ни видàли.
Падъѣжджаюць кь новымъ варѐтамъ,
Систра па дварy хѐдзя,
Варанѐга каня у рукахъ вѐдзя.
Ѣдуць госци дарагія,
Два майе брат̂ы радн̂ые.
Падажджыце, майѐ браццы,
Пайду къ миламу спрашуся.
Устань, милый, прабудзѝся,
Ѣдуць госци дарагія—
Два майе браты радн̂ыя.
— Атступѝся, ня любая,
Мнѣ твайе браты ня любы.
Идзе сястра сь цирямѐчку,
Сыпля слёзы, якъ зъ рукавочка,
Ѣдзьця назадъ, майе брàцци,
Ни кажыця аццу—мацы,
Што вы у сястры пабывàли,
Хлѣба соли ни видàли.

(с. Жуково, Мгл. у. въ 1894 г. со сл. 45 л. жен).

Харашо таму у свѣци жыць,
У каго на серцы пичали нѣтъ,
У галавѣ заботушки,
У рянцивамъ сѐрцы—зазнобушки.
Вышла замужъ зи нядалаго,
Узяу йонъ мяне, якъ рябиначку
Ссушŷу, жжурŷу на былиначку
Сама млада я у грѣхъ пайду,
Цябе, сукина сына, иссушу и жжурю,
Ссушŷушы, ижжурыŷшы,
У гробъ палажу.

(д. Невзорово, отъ 30 л. женщ. въ 1894 г.)

На праходзи вяселыя дни,
Наступаюць тёмныя нѐчы:
Темна нѐчка—дѣукамъ сухатà.
Сŷша жŷря парень дѣвицу:
Скажы̂, дѣвачка, прауды ни патѐй:
Вѣрна любишъ, али, дѣука, нѣтъ.
— Люблю, парень, одногѐ тябе,
За то жъ я люблю, што близка жывешъ,
Харошо хѐдишъ:
Сапджачки ŷ тябе на рыпáхъ,
А зѐлинъ кахтанъ увесь на твитахъ,
Пухѐвая шляпа съ паулиныиъ пяромъ,
Пирчатачки щъ чыстымъ сирябромъ,
А самъ ты, дружѐкъ, чарнабрŷу.

Стародубск. у., с. Михайловскъ отъ 20 л. дѣвицы.

Октябрь.

Въ этомъ мѣсяцѣ мало праздничныхъ дней, только 1 числа «Пакрѐу Прясвятыя Багародзицы».

До глубокой осени крестьяне этой мѣстности заняты уборкой конопли. Въ ихъ хозяйствѣ это единственный продуктъ, который идетъ въ продажу и приноситъ отъ 25 р. и до 50 р. доходу. Богачъ же получаетъ по сотни съ конопли и пеньки. Но вѣдь это почти весь его годовой доходъ. Надо расплатиться и съ тѣми, у кого «пазычŷу вясной на хлѣбъ», и въ казначейство взнесть «падзямелныя» и проч. казенныя недоимки и прожить съ семьей на эту сумму круглый годъ.

Впрочемъ, сверхъ того иной (не изъ бѣдныхъ), конечно, имѣетъ еще рублей на 10—15 овса, которымъ не балуетъ своихъ клячъ, а блюдетъ на продажу къ веснѣ.

Врать коноплю, т. е. дергать ее изъ земли, есть по истинѣ мозолевый трудъ. Корнями своими она крѣпко и прочно держится въ почвѣ, а потому отъ напряженія при выдергиваніи, на ладоняхъ появляются зеленыя полосы, которыя при дальнѣйшей работѣ углубляются и превращаются въ трещины.

Бранье конопли исполняютъ большею частью руками женщинъ; и чего только нѣтъ на этихъ рукахъ: и мозоли и лишаи и рубцы! И этими руками копаетъ она каждое утро картошку «на ѣмья» [1]), отчего трещины заполняются грязью; грязь на-

[1]) На ѣду.

долго въѣдается въ тѣло: рубцы припухаютъ, а держать ихъ въ чистотѣ некогда, надо цѣлый день стоять на ногахъ у конопли. Холодъ, вѣтеръ; осенняя мгла знобитъ тѣло; но забираться въ теплую хату еще «ня приспѣла уремъячко, треба барджѣй хапацца брацъ, а то канапелька дывицца [1]), а тутъ яще на йетыхъ днях свиньни упадзись [2]) у картошку, цѣлый канецъ узрыли ни знаимъ што и хапыць, ци бульбу, ци канопли».

Работаютъ до поздней зари, такъ что иногда не успѣваютъ вечеромъ перевезти вырытую «картошку» домой, а между тѣмъ наши селяне хватки на руку: ничего не клади плохо, а потому сосѣди называютъ это село «воровская Разсуха», въ отличіе отъ деревни Разсухи, находящейся въ Стародубскомъ уѣздѣ.

По поводу кражи картофеля, казакъ Емельянъ Кобановъ недавно (въ 1898 г.) «выгадау» [3]) пѣсню на манеръ салдацкой:

Ты Расуха, ты Расуха,
Мацъ расуськая зимля.
Пра цябе, ты, мацъ Разсуха,
Далёка славачка пошла,
Далёка славачка пошла
Пра Платона Казака:
У Платона Казака
Да случылася бида;
На вузинькай на палосцы
Накапау йонъ мѣхъ картошки,
Да позняй зари капау,
У дворъ яйе ни забрау
Да заутряго оставляу.
На заутряго вичаркомъ
Ѣдзя Платонъ за мяшкомъ,—
На вузинькай на палосцы
Нѣтъ ни мѣха, ни картошки.
Платонъ дамоу варацйуся
И жъ жонкаю пабранйуся,—
Ахъ ты, жонка, ты, Вусцйвка,
Што-й капала, то пропало,
Ну цяперъ будзимъ капацъ,
Да заранпы дамоу брацъ,
Пазаранпы да вазйцъ,
Людзей у грѣхъ ни уваДзйцъ.
Глупая мая башка,
Што—й ни узяу учора мяшка.

(с. Росуха; сочин. 20 лѣтъ хлопца 1898 года).

Родичи.

«Тирязъ [4]) тры нядзѣли отъ Пакрава дни ходзюцъ родичи», т. е. поминальная суббота.

Родичи—это бабская эра, отъ которой онѣ ведутъ свой умственный календарь праздниковъ, отсчитывая время недѣлями.

Въ этотъ день служится общая заупокойная обѣдня и крестьяне посылаютъ въ церковь панихиду, т. е. четыре сковородницы [5]) и чарочку меду.

Собственно въ церкви мало народу въ этотъ день, но всѣ поминаютъ родичей дома, по своему или вѣрнѣе, по язычески справляютъ тризну ѣдою.

Еще до свѣта (очень рано) каждая хозяйка вытапливаетъ хату и «гатуя двянадцать страу [6])» Едва развиднѣетъ, ѣдятъ блины съ саломъ и прочими приправами и такъ плотно наѣдаются, что уже до вечера не обѣдаютъ, и на весь день мужчины отправляются пеньку мочить или запасаться на зиму дровами, а къ сумеркамъ каждый спѣшитъ «у дворъ паминацъ родичовъ» съ великимъ аппетитомъ.

Собралась вся семья въ хату, на столѣ бѣлая скатерть, зажженная восковая свѣча, а у мисцы канунъ или колево, т. е. медовая сыта и туда «пакрышаноараньkoу или булки». Прежде немного помолятся за впокой душочки нашихъ радиталёу», а затѣмъ, каждый по очереди съѣдаетъ ложку колева.

Всякая хозяйка строго на строго придерживается очереди, «якую страву за якой падавацъ, такъ ужо ни намы заведзяно, ни намы и кончицца», говорятъ они.

---

[1]) Не пришло время, нужно скорѣй торопиться брать канапельки будетъ высыпаться зерно. [2]) утравились. [3]) выдумалъ. [4]) черезъ. [5]) плоскія ржаныя лепешки. [6]) страва—кушанье.

И такъ перво на перво «падаецца канунъ [1]) затымъ—каравайцы [2]), апасля йстаго кулёшъ съ саломъ [3]), 4-е каўбаса, 5-е лапша, 6-е картошка зъ падъ гавядзины, 7-е гавядзина жариная, 8-е застыль [4]), 9-е жидкая каша съ гавядзинай, 10-е борщъ, 11-е малако, 12-е густая каша съ масламъ. Кашей обязательно заканчивается поминальный обѣдъ, оттого она и называется у нихъ «каша —разганяша».

«У йетый дзень гадицца выпиць па чарцы гарэлки за упакой радзитялёвъ, а у прочимъ якія у каго дастатки, кали у каго нема на што купиць—абойдуцца й-такъ. Идже сказана: па змазй конь вязё».

Въ этомъ мѣсяцѣ, управившись съ уборкой на огородахъ, бабы начинаютъ пòравиць (убирать) варива, т. е. скоблить и квасить бураки на зиму.

«Жодная пѐрва на перва аглядзя (смотритъ) мѣсяца, а то якъ паставиць на сходў ци на трецьцяй нядзѣли, усё чыстюсинька пагніе, памнее».

Есть изъ нихъ впрочемъ и передовыя, которыя говорятъ: «якъ я ни знаю кали тэй сходъ, кали маладзикъ, да сдѣлаю усё по хазяйськи, якъ слѣдъ быць, ды у мянѣ усё удашна и смашна и николи ничагусинька ня гніецъ».

Вообще относительно луны можно сказать, что нерѣдко и теперь сказываются остатки древняго обоготворенія этого свѣтила. Напр. увидѣвши новый мѣсяцъ на небѣ, крестьянинъ непремѣнно снимаетъ шапку и благоговѣйно перекрестится.

Мать поучаетъ своего ребенка такъ: «ни паказваай на мѣсячка [2]) палцамъ, грѣхъ! укуси трохи палца»!

Еще при первомъ видѣ луны, невѣста останавливается и говоритъ:

Маладзйкъ маладый,
У цябе рогъ залатый
Ты пасвѣту хòдзишъ.
Няужò ты майго милаго ни бачышъ.

Найдзи жъ ты яго,
Прывядзи жъ ты яго,
Съ кимъ мнѣ вѣкъ вѣкаваць
Штобъ мнѣ таго̀ у ва снѝ павидàць.

(С. Старое Запубенье, записано въ 1867 году со словъ 20 лѣт. женщины).

И въ это время беретъ изъ подъ правой ноги землю, ложась спать, кладетъ ее подъ подушку и ожидаетъ въ сновидѣньи суженаго.

Чтобъ зубы не болѣли, увидѣвши первый разъ луну, говорятъ:

Маладзйкъ, маладзикъ,
Нà табѣ зубъ лубяный,
А мнѣ дай сталяный.

(отъ той же въ 1867 г.).

Въ концѣ Октября и въ первой половинѣ Ноября бабы заняты прядевомъ: мочатъ въ сажалкамъ посконни, стелятъ по долинамъ лёнъ, потомъ сушатъ все это въ баняхъ и мнутъ, чтобы зимой было, что прясть. Это ихъ послѣдняя работа на стужѣ: осень начинаетъ склоняться къ зимѣ; небо грозитъ снѣговыми тучами. Поэтому «жòдная паспишая управицца къ Пилипавскимъ зàгавинамъ» (14 Ноября).

Къ этому дню «ужо и скòтъ стау на мѣсци», т. е. его больше не гоняютъ на пашу. «Мужчины яще парующа кали пеньки, а бабы ужò паставили гребни и прядуць у цеплай хаци». Наконецъ то онѣ отогрѣлись «накалѣушись (замерзшись) на канòпляхъ».

Такъ какъ дни въ это время года слишкомъ коротки, то крестьяне встаютъ съ первыми пѣтухами.

Старикамъ и пожилымъ «рупатливымъ (заботливымъ) людямъ важко (тяжело) коротать долгія ночи. «Прашнесься, и думаишь якъ пражыць, чимъ пракармицца, ужо и боки забаляць атъ ляжни, пòкуль пѣуни папѣли».

Молодежь же наоборотъ: ее трудно разбудить: съ молоду сладко снится

---

[1])... Канунъ — медовыя сыта съ накрошенными туда бубликами или булкой. [2]) Прѣсные гречневые блины. [3]) жидкое тѣсто изъ гороховой муки жарится на сковородкѣ.

въ ночи и на зарѣ. Жутко покидать согрѣтую постель, оттого за пряжей и «дремлется ей младёшенькой.

Тогда она принимается пѣть:

Пряду, сакочу, [1]
Спацячки хочу,
Палажу я галовачку
На свекраву падушачку,
Ци ня падрямлю.
Свекаръ идзець,
Якъ буря гудзець:
Санливая, дрямливая,
Нявѣсткачка наша.
Пряду, сакочу,
Спацячки хочу,
Палажу я галовачку
На свякрусину падушачку,
Ци ни падрямлю.
Свякруха бяжыць,
Якъ каршунъ лящиць:
Санливая, дрямливая,
На работу лянивая,
Нявѣстачка наша.
Пряду, сакочу
Спацячки я хочу.
Палажу я галовачку
На дзеверяву падушачку.
Ци ни падрямлю.
Дзеверь шумиць,
Якъ сокалъ лящиць,
Вясёлая, харошая,
Нявѣстачка наша.

(с. Росуха, Мглин. у., со сл. 55 лѣт. женщины въ 1896 году).

Атъяжджаў мужъ у дарогу
Пакидаў жану здарову.
Прiѣжджая изъ дароги,
Пытая у милыя здароуя,
Чаго, мила, дужа забалѣла?
Ци я табѣ болна?
Щаку удариу.
Ци я табѣ здарбувейка умалиу.
Ой умру, умру,
Я жыва ня буду.
Ой ѣдзь, милый, къ нову гарадочку,
Купи, милый, крамную [2]) сарочку.
Паложъ мяне у вишневамъ садочку.
Выкапай ты, милый,
Чырвону калину,
Пасадзи калину на мою магилу.
Будуць ка мнѣ салавейки прилятаци,
Будуць яны пѣсни щабитаци.
У нядзельку паранéнько,
Яще сонца ни узыходзя,
Милый па вулачки ходзя,
Маленькаго дзицятачку нося,
Устань, мила, устань, прабудзися,
Ужо твайо дзицятачка плача.
— Кали табѣ дзицятачка жалка,
Найми яму мамку и няньку,
А кали ни жалка, падай сюды у ямку.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзд. со словъ 40 лѣт. женщ. въ 1899 году).

Слѣдующую пѣсню иногда запоетъ, прявши, молодица для того, чтобы свекровь услыхала, и нерѣдко свекруха и начинаетъ бранить свою невѣстку за подобную пѣсню:

Матка доничку кахала,
Да-й ня у дружнаю сямъю атдавала—
Жыви, дочачка, прывыкай,
Якъ станущь сварыцца
У зялёный садъ уцякай:
У зяленамъ саду калина
На той калини зязюля
Ранинька кукуя,
Нихто зязюли ня чуя
Тольки —й—чуя яйе нявѣстка,
Рана па ваду ходзючы,
Свекра и свякруху клянучы,
Яна вады принясе, да-й плача.
Яйе милый пытая—
Чаго, мила, уздыхайишъ?
Плачу, милинькiй, я плачу,
Твайой матухни ня владжу (не угожу)
Вады принясу—павылья, (повелѣваетъ),
Ложки памыю—ня возьмя,

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 27 лѣтней женщины въ 1899 году).

---

[1]) жужжу веретяномъ. [2]) крамъ—товаръ лавочный.

Хатку падмяту—ня ступя.
Охъ ты, татачка, салавéячка,
Ни руби дзеряуца, куды яно ня хйлицца,
Ни, 'тдавай дачкй замужъ
За каго ня хдчицца,
Ни за стараго, ни за малаго.
Атдай дочку, да за роунаго,
Ни за раўнымъ быць—сухата мая,
А за любымъ быць—красата мая,
Самы вардцячки аткутаюцца,
Якъ мой татухна у госцейки ѣдзя.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со сл. 55 лѣт. женщины въ 1897 году).

Затуманилася зорька
Пирядъ силниникимъ дождясомъ,
Расплакалась красна дзѣука
Пирядъ дóбримъ малайцомъ.
Атчаго, удалъ малóйчыкъ,
Учора зь вéчара ня бўу?
Вѣрна знаю, што другую
Ты сцежачку пратарўу.
Ты тары, удалъ малóйчыкъ,
Я другую пратарю.
— А я тваю дарожачку
Усю пасадкай абсаджу,
Штобъ хадзила. ни блудзила
Клёнъ дзерява пасаджу.

(с. Гарцево, Стародубскаго уѣзда со словъ 26 лѣтней женщ. въ 1899 году).

Я нидауна сиратаю стала
Да багата горичка упазнала.
Сказали мнѣ вражы люди—
Иди замужъ, добре табѣ буде.
Я люцкую волечку учинила,
Вышла замужъ--галовачку утапила,
Утапила галовачку у воду,
Папаўсь милый паганаго роду,
Пье гарэлку, якъ халодную воду.
Я не знаю, якъ ему гадити,
Устану рана да начну будити:
Устань, милый, моё цалованьне,
Ужó гатова табѣ умываньне.
Стайить табѣ вадица у кубóчку,
Висить рушничокъ на калóчку.
Стаў милый съ пастели уставати,
А я атъ яго за дверь утикати.
— Чаго, мила, за двери утикайишъ,
Ти ты майихъ нóраву ни знайишъ?
— Я нидаўна за табою стала
Да уси твайе нóровы упазнала.

(1900 года отъ 20 л. дѣвки въ с. Бѣгочъ, Черпигов. губ., Городнянскаго у.)

Ой Божа, Божа, когда шей вечарь буде,
Што про мяне наговорюцца люди.
Гавóрють старые, говорють малые,
Ще къ тому й вороженьки злые,
Не такъ вороги, якъ неродная мати,
Ложысь, сирата, ни вячéряушы спати,
Ни вячеряла, ни буду абѣдать,
Пуститя жъ мяне до роду
Радины атвѣдать.
Бягу я лугамы—
Луги растилаются.
Бягу я садамы—
Сады расцвитаюцца.
Бягу я сяломъ—
Ворогй утѣшаюцца.
Ни утишайтися,
Пракляты варóжаньки,
Што я ни найду
До дому дарожаньки.
Ой я не знаю,
Якъ ворогамъ гадити:
Ти у бѣламъ, ти у чорнамъ хадити?
Хади у бѣламъ, скажуть—хвасьливая,
Хади у чóрнамъ, скажуть—дрямливая.
Бягу я поле, бягу й другое.
На третьтемъ поли сѣла атдыхать,
Ажъ тамъ брачики коней пасуть.
Старшій братъ меншаго посылае:
Бѣжи, братецъ, то наша сястрица,
— То ни сястрыца, то чужъ=чужаница,
Ой Божа, Божа! Якова я стала,
Што мая радина мяне не спазнала.

От той же.

Охъ ты каваль, кавалёчыкъ,
Добрый, удалий, каваль мастярочыкъ,
Чомъ ты, каваль, рана ни кубшъ,
Ци ты сабѣ зялеза ни майишъ?
Йсць у мянѣ зялéванька багата
Да-й-усё сталянáя,
Йосць у мяне дачкá Кацярына—
Дзѣука маладая!
Яна сабѣ сына арадзила,
Арадзиушы, узяла й загубила,
Загубиушы, у садокъ пашла,
Зь вѣтрамъ гаманила:
Охъ вы, вѣтры, вы буйныя вѣтры,
Замяцицця вы сцьежки—дарóжки,
Да штобъ туды людзи ни хадзили
Майго дзяцятачки ни будзили.

(с. Лупеки, Стародуб. уѣзд. отъ 40 л. женщ. въ 1899 году).

Сяджу, сяджу у вакѝнца,
Выглядаю чарнамѝрца,
Чарнаморецъ идзье,
Сиввярыхъ коней вядзье,
На вѝсьмамъ варандѝмъ
Самъ у кахтани зилянѝмъ,
Ни заѣхау йонъ да дѝму,
Падъѣжджàя къ Дону,
Стàу йонъ коній напавàци
Чарнамѝрицъ патапаци.
Чарнамѝрицъ патапàя,
Сваю мѝлаю гукàя:
Рятуй, рятуй, мая мила,
Кали вѣрна любила!
И радабъ я рятавацн,
Да ня умѣю-й-выплывàци!
Кали бъ чѝвинъ, да вясѐлца,
Стала вода прыбываци—
Рятавала-бъ цябѣ сѐрца.
Пакỳль людзи сабрàлися,
Чарнаморицъ затапѝуся.
Мой милинькій, патапайишъ,
Мяне млѝду пакидайишъ!
Паплыỳу миляныкій вадѝю,
Застаюся я удавою.

(Заучено въ 1859 г. въ с. Росухѣ, Мглинскаго уѣзда, со словъ 20 лѣтн. дворовой дѣвки).

Закỳкали зязюлички,
Тирявъ садзикъ лятучы̀,
Заплакала красна дзѣука,
Бѣлу пасцель сцялючѝ.
Пасцель мая тонка, бѣла,
Учомъ на табѣ мулка спаць?
Да якъ прыдзя цёмна ночка,
Нѣ сь кимъ слѝвичка сказаць.
Якъ паѣхау мой миленькій
Нà марѧ̀ гулàць,
Пакѝнуу мяне горя гаряваць.
Гарявала ночачку, гарявала дзвѣ,
На трецьцяю ночачку
Выйшла на зарѐ,—
Балицъ мое серца
Ташнѝцца души!
Бяры войстру шаблю,
Да рѣжь маю грудзь,
Вымай майо серца
Да пи маю крѝу,
Пущай людзи бачуць,
Якавà мая любѝу.

(С. Платково, Стародубскаго уѣзда со словъ 20 лѣт. дѣвки въ 1897 года).

Чаго, Машачка, на личанька, блиднà,
Нѣту краски, нѣтъ румянца у лица,
Памуцились Маши глазки сы таски,
Рада бъ я и къ миламу пайцицъ,
Рада бъ, рада дружка у вочи павидаць,
Рада бъ, рада дружка у глàзы наругаць,
Учѝмъ ты, Ванька, разбязсовисный ты стау,
Дзѣ ты, Ваня, свою совисть растиряу,
Ци ты у карты, у бильлярты прайиграу.

(отъ той же въ 1897 году).

Раскажу я вамъ, падружки,
Пра нищасця пра свойо.
Ци вы знали майго друга,
Якій хваброый маладзѐцъ.
Чàрный вѝранъ, сѝлный войинъ
Атличы̀уся на вайнѣ,
Биуся, драуся зъ варагàмы,
Тамъ галоуку палажы̀у,
На маскоуськамъ на кладбищы
Тамъ мой милый палажонъ,
На йомъ памятникъ высокій
Разукрашанъ сирябромъ,
У дванаццаць часоу ночы
Ходзя дзѣвица адна,
Къ йой выходзя на гуляньня.
Зь бѣлай кàмеры мяртвѐцъ,
Чаго, дзѣва, поздна ходзишъ?
Ты ни бойся никога,
Охъ и якъ жа мнѣ баяцца,
Тутъ мой милый схаранёнъ,
На йомъ памятникъ высокій,
Разукрашанъ сирябромъ,
На йомъ камушакъ цяжолый,
Милъ ня можа зъ гроба устаць.

(Отъ той же въ 1897 году).

Послѣднія двѣ пѣсни, очевидно, позднѣйшей формаціи, и происхожденіе ихъ можно объяснить тѣмъ, что въ Платковѣ жили прежде помѣщики Троицкіе, и вотъ, должно быть, прислуга слышала отъ господъ:

Моего-ль вы знали друга,
Онъ былъ бравый молодецъ и т. д.

и вотъ изъ разныхъ отрывковъ состряпали пѣсню.

Кто лѣнивъ прясть, того называютъ ялдоха—святоха и въ насмѣшку надъ лѣнью—разсказываютъ такую сказку.

Жилъ былъ сабѣ мужыкъ зъ жонкай. Яна лянилась прясць, усё насила куплёныя сарочки. Билья зроду ня мыла, якъ надзѣня чистую сарочку,—заразъ грязную у печъ, да-й-спаля.

Во, паѣхау разъ яйе мужыкъ у горадъ, жонка и наказуя: глядзи жъ, привязи мнѣ аттуль сарочку.

Ѣдзя мужыкъ съ горада у дворъ, сустрикая салдата. Йонъ и прося (мужъ)—падвязи мяне, дзядзька.

Садзись, кажа, служивый.

Ѣдуць па цихиньки да гамонюць, мужыкъ и расказалъ свайо горя, пра ляниву жану.

Добря жъ, кажа салдатъ, я яйе вывчу прясць.

Тольки што мужыкъ на парогъ, и жонка съ печи крычыць: а што купиу сарочку?

Купиу, да гуску.

Дарма, што вузку, и за тую спасибо; да заразъ здѣла свайю сарочку, да у печку; а сама барджѣй на печку, да аттуль и крычиць: падавай новую сарочку, а то я сакалѣю (смерзну).

Што ты, цетка, голая сядзишъ, пытая салдатъ.

Нема сарочки.

Чаму жъ ты ни прядзешъ?

А я—Ялдоха-Святоха, й прясць мнѣ нильга, усе праздники: у панядзѣлакъ я радзилась, ня можна прясць, у авторакъ па имьйо къ папу хадзили, у серяду были подкресни, а у чацвергъ хрясцилась, у пятницу ни прядуць, а у субботу, якая жъ работа? Падмыць, падмесць и гребянь у хату ня несць, а у нядзѣлю празникъ.

Эге жъ, у нядзѣлю празникъ, што праўда, то праўда. Дыкъ ты Ялдоха-Святоха, а я Иванъ Хрясцицель, кажа салдатъ, да якъ пачау яйе пугай хрясциць да пригавариваць:

Во, табѣ, Ялдоха-Святоха, будзишъ прясць? будзишъ прясць?

Прасциця, Иванъ Хрясцицель, буду и прясць и ткаць, тольки помилуйця.

Съ тыхъ поръ баба годзе ляжаць на пячы, а мужыкъ болій ни купляу йой крамныхъ сарочакъ.

На прызыви.

Въ концѣ Октября начинается «прызыу у салдаты».

Въ 1860 г. разсказывала одна старуха, которой тогда было уже около 70 лѣтъ, что, бывало, вербовщики ходятъ по селу, несутъ горѣлку, жареныхъ «курей, валоуя мяса, у бубны бьюць, играюць и пяюць:

Пристань, Юрку,
Да вярбунку,
Будзишъ ѣсци
У масла курку!

Будзишъ ѣсьци,
Будзишъ пици,
Будзишъ хороше ходзици.

Прошли и тѣ недавнія еще времена, когда не было всесословной воинской повинности, когда солдатъ несъ службу въ теченіе всей жизни и, оставивъ родину юношей, возвращался домой старикомъ инвалидомъ.

Вотъ, тогда-то матери и жены оплакивали рекрутъ, какъ мертвецовъ.

Далеко не то теперь при пятилѣтнемъ срокѣ службы: нынѣшній новобранецъ подъ часъ и не доволенъ, если ему «ня бреюць лобъ», потому что «маладому и самому хочицца свѣту пабачыць».

Однако матери и теперь не перестают оплакивать своихъ сыновей новобранцевъ. Который сынъ на призывѣ, она уже за мѣсяцъ даетъ ему сласный кусочикъ за завтракомъ, напр. всей семьѣ поставитъ на столъ миску съ гороховымъ кулешомъ, а хто на призыви, тому асӧба пряжѐ [1]) салца на сковородцы и примовя: ѣжъ, мой котъ, а то тамъ за пяцъ гадоў, ты можа и крошки сала у вочы ни пабачышъ. Печетъ рѣзники [2])—семьѣ памажа сырамъ зъ малакомъ разведеннымъ, а будущему солдату «маслячкамъ памасля» и т. п.

«У прызыўная уремъя усюды па сёламъ пяюць рякруцкія пѣсни».

Казали—сягӧ лѣта грэчка ня урадзила,
Ажны грэчка яще сусимъ ня усходзила,
На гарӧдахъ чачотые маки цвитуць,
Па дзярэунямъ салдȁцики йдуць.
Выйшла маци, свайго сынка спазнаваци,
Зайдзи, сынку, да да дӧманьку,
Щашу [3]), змыю да буйну галованьку.
Табѣ, маци, мнѣ галоуки ни часаци,
Змыюць мнѣ галӧваньку да дробныя дождҗы,
Ращешуць мнѣ кудры да бўйные вѣтры,
Разабъюць па днаму валасӧчку,
Разьвѣюць па чыстаму пӧлечку.

(с. Кожемяки, Мглинск. у. со сл. 20 лѣт. парня 1898 года).

Раскидайся, сырый дубъ,
Заутра марозъ будзя,
Убирайся, удовинъ сынъ,
Заутра паходъ будзя.
Яй марозу ни баюся,
Зȁразъ раскйнуся:
Кареньняйка у сыру землю
Лисцяйка да долу.
Яй паходу ни баюся,
Зарȁзъ убяруся,
Чабоцики на нӧжаньки,
Шабельку у ручки.

Паливайця дарожачку,
Штобъ ни пылйлася,
Прыкажыця аццў мȁци,
Штобъ ни журылися.
Дарожаньку паливали,
А яна усё пылицца,
Аццу маци наказали,
А яны усё журюцца
Нема тыя дарожачки,
Што ня будзя пылйцца
Нема таго аццa, маци,
Што ня будуць журйцца.

(отъ того же въ 1898 году).

Чаго, салавейка, смўцьенъ, ни вясёлъ?
Што дробна пташачка зажурылась?
Запѣу бы я пѣсянки,
У мянѣ гӧласу нема,
Кливȁу бы я зирнятки,

Мнѣ вӧлячки нема.
Залѣзная клѣтка
Мянѣ садзяржыць,
Зялена дубровачка
Мянѣ ни зьвисялиць.

(с. Манюки, отъ 20 лѣт. хлопца въ 1899 года, Новозыбковскаго у).

На гарѣ высокай
Два дуба стайиць,
Падъ тыми дубамы
Двѣ магилы ляжыць.
Дзѣука са слязамы
Распрашывая,

Ци нема жъ—то тутъ
Дружка майяго?
Магила сказала—
Нема тутъ яго,
Другая сказала
Забудзь пра яго.

(отъ того же въ 1899 году).

[1]) Жаритъ. [2]) Ржаные пироги. [3]) Причешу.

Брала дзѣвачка
Ягадки суницы,
Усю далиначку исхадзила,
Ни знашла дзѣука таго,
Каго спалюбила.
Вяруць молайца
У салдаты.
Што й па вулицы
Ѣдуць канями,
Да усё парами.
Стайиць дзѣука
У варотчиках,
Абливайицца слязьми,
Ни плачъ, дзѣвачка,
Ня журыся, ня быць табѣ за мною,
Ни звацъ табѣ
Мяне чалавѣкамъ, (мужемъ)
Мнѣ цябе жандю.

(с. Росуха Мглин. у. со сл. 19 лѣт. парня въ 1899 году).

Назначыли добраго малайца
На граничаньку служыць,
Па йомъ плача радзимая маци,
Силна убивайицца,
Ни плачъ, родна маци,
Ня плачъ ты пры мнѣ,
Наплачысься й бизъ мяне.

(отъ того же въ 1899 году).

Охъ, и шляхъ ты, мой шляхъ,
Чаго запылиуся?
Охъ и якъ жа мнѣ, шляху,
Шырокай дарожцы,
Да мнѣ ня пылицца!
Што-й па мнѣ то, па мнѣ,
Шырокай дарожцы,
Багата рекрутъ ганяюць.
Што-й па перяду йдзе
Маладый палкоуникъ,
Идзе, маршыруя
Што-й пазадзи усихъ
Идзець душа дзѣвица.
Охъ и якъ то мнѣ,
Красная дзѣвицы,
Якъ мнѣ ня журыцца,
Што-й адзинъ то у мяне
Садокъ зиляненькій,
И тэй усыхая.
Што-й адзинъ то у мяне
Дружокъ размилюсинькій,
И тэй атъѣзджая.
Польна сонняйку па садзику хадзици,
Польна жаркаму цвѣтъ яблани сушыци,
Охъ и якъ жа мнѣ ни плакаць, ни тужыць,
Мнѣ навѣкъ сабѣ такого ни найциць.

(д. Бородинка, Мглинскаго Уѣзда, со словъ 19 лѣтн. хлопца въ 1899. году).

У сѣничкахъ за дзверями
Молайца спаймали,
Назадъ руки завязали,
Пасадзили добра молайца
У писанамъ вазочку
Самы сѣли у пирядочку,
Падъ судъ падвазили,
Падъ мѣру станавили,
Рубашку скидали,
Яго цьела абглядали
Русы кудры падрязали.
Што-й прасиуся добрый моладзецъ—
Вы пусциця мяне, браццы,
Къ аццу, мацы,
Съ аццомъ маткай павидаюсь,
Жъ жаной парукаюсь (пожму руку).
Надъ дзѣтками пауцѣшаюсь.

(заучено въ 1861 г. отъ 30 лѣт. парня въ с. Росухѣ Мглинскаго у.).
Варьянтъ этой пѣсни записанъ тоже въ с. Росухѣ въ 1899 г. со сл. 19 лѣтняго хлопца.

Што-й адзинъ та я, адзинъ
У матушки нарадзиуся,
У някруты, у салдацики
Маладзецъ згадзиуся.
Узяли добраго молайца.
Узяли у някруты,
Звязали яму, добраму молайцу,
Назадъ бѣлы руки,
Пасадзили яго у вазочку,
Станавили яго,
У салдацкамъ станочку.
Годзя дубу зилянаму стаяцй,
Пришла осень, стау листъ спадаци,
Вязуць молайца у салдаты,
Па йомъ плача ацецъ, родна маци.
Ни плачъ маци, ты ужо старая.

Нихай плача жана маладая,
Кали яйе доличка такая.
Кали бъ жа знау, зроду бъ ни жанився,
Нихай бы я навѣкъ хлопцамъ валачыуся.

(со сл. 20 лѣт. хлопца вол. Росухѣ Мглинск. у. въ 1899 году).

Варьянтъ вышеприведенной пѣсни въ д. Бѣрновичахъ, Стародубскаго уѣзда отъ 40 лѣт. человѣка въ 1899 г.

Польна табѣ дубу на карни стаяци
Скора съ цябе, дубу, листъ будзя
спадаци.
Плача ацецъ—маци,
Хочуць ихъ сынôчка
У рекруты атдаци.
Ни плачъ маци,
Да ужо-жъ ты старая,
Нехай плача
Жана маладая.
Яще будзя плакаць
Дзицятка малôе.
Я пайду служыць,
У Варшаву горадъ
У горадъ я вяликій.
Тамъ сабѣ достану
Валшыя харомы.
Вазьму я съ сабою
Жану маладую,
Пайду тамъ на рынакъ
Куплю йой платочыкъ,
Частый грыбяшочыкъ.
Жана будзя прыбирацца,
Грыбяшочкамъ часацца,
Малоя дзицятка уцищацца.
На мацъ я старую
Буду забывацца.
Повязьли нашыхъ някрутушакъ
Зь вечара у ранки (рано)
Усё лясамы да барамы,
Крутымы гарамы.
Сизыя варанятачки
Усё поле укрыли,
Малады някрутикамъ
Жали нарабили.
Не такъ жали, не такъ жали,
Я болій пичали.
Сызые варанятачки,
Падымайцись у гору,
Маладые някруцики
Зьвярнитесь да дому.
— И рады бъ мы зьвярнуцися,
Майоръ ни нущая.
Хоча зъ намы, зъ намы, някрутамы
Турка вайнивацъ,
Турецкаю землю
У палонъ забирацъ.
Чôрнымъ порахомъ стрилящи.

(Отъ того же).

Кала саду зялёнаго
Дарожка лижала.
Ой тамъ мать свайго сына
У салдатъ тряджала:
Харошъ сынку нарадзиуся,
У салдатъ згадзиуся,
Яго коникъ варонинькій
Па двару играйя.
Яго мзци старéнькая
Плача и уздыхайя,
Сусѣдзь праклиная:
Сусѣдзи мойе близкія
Вы, вораги цяжкіе!
Ой вы майо горя знали,
Да мнѣ ни казали.
Цяперь жа вы мнѣ сказали,
Якъ майго сына узяли.
Повязьли майго сыночка
У городъ у Варшаву.
На вѣрну прысягу.
Прысягай жа, мой сыночыкъ,
Богу, государю.
Да хто царю вѣрна служа,
Ни плача, ни тужа,
А хто царя зьниважайя
Усё плача рыдая.

(Отъ того же).

Ты, верба мая, верба кучявая,
Ты ня стой, ня стой
Надъ рякой быстрой.
Ни пускай гольляйка
На синя моря.
Па синяму морю
Тамъ карабль плывéцъ.
Якъ у томъ жа караблѝ
Тры палкѝ салдатъ,
Маладыхъ рыбятъ,
Ахвицéроу пяцъ.
Ахвицеръ на салдатъ
Шыбка бронипца.
Рядавый салдатъ
Дамой прôсицца—
Ахвицеръ—маіоръ
Атпусци мянѣ дамôу.
Къ ацпу, къ мацяри.
Къ малымъ дзѣтушкамъ.

(Въ с. Невзоровѣ, Стародубскаго уѣзда, со сл. 17 лѣтняго парня въ 1897 году).

Якъ паѣхау инпираторъ
Сваю армію смятрѣць,
Абищауся Александеръ
Къ Ражаству дамоу прыбыць.
Уси праздники праходюць,
Александра дома нѣтъ.
Яго маминька радная
Стаскавалася па йомъ,
Яго жана маладая
Дзень и ночку у слязахъ.
Александеръ инпиратаръ
Усихъ сиротамы кидау,
У Таганроги жысць канчау.

(с. Росуха, Мглинск. уѣзда; записано со сл. 25 лѣт. въ 1875 году).

Пѣсни, которыя поютъ мужчины.

Хлопцы рѣже и меньше поютъ, чѣмъ дѣвки, и не раздѣляютъ своихъ пѣсенъ по временамъ года; впрочемъ, и ихъ пѣсни имѣютъ три отдѣла: рекрутскія, солдатскія и тюремныя. За исключеніемъ рекрутскихъ, поютъ сплошь, когда кто какую вздумаетъ. Не станутъ они тоже ни за что пѣть бабскихъ и дзявацкихъ пѣсянъ, такъ что хлопцы имѣютъ свою собственную устную словесность.

Историческихъ пѣсенъ тоже нѣтъ; только про Платова казака живетъ еще воспоминаніе.

Маць Рассѣя, маць Рассѣя,
Мацъ Рассейская зимля.
Пра цябе, мацъ Рассея,
Далёка слава прайшла,
Да пра бѣлаго царя,
Да пра бѣлаго царя,
Пра Платога казака.
Платоу слауный войинъ быу,
Свайой барады ня брыу,
Платоу законъ прыступиу,
Брытву, ножанцы купиу,
Свайю бараду абрыу.
У хранцуза у гасцяхъ быу.
Хранцузъ яго ни увазнау,
За вубраный столъ саджау,
За бѣлыя руки брау,
Ты, храньцузькая карга,
Ня умѣу ты, варона,
Сокала у кавцяхъ дзиржаць
Чарку рому паднасиу,
Яго миласци прасну—
Выпи рюмку, выпи дзвѣ,
Скажы праудачку и мнѣ,
Хто начальникъ у Масквѣ?
Я у Масквѣ ни разъ бывау,
Многа паноу, купцоу знау,
Аднаго тольки ни знау
Я Платога казака.
Кали бъ хто яго указау,
Ябъ таму многа казны дау.
— А на што казну циряць,
Яго й-такъ можна увазнаць,
Платоу на каня садзнуся
И съ хранцузамъ пабраниуся—
Ты варона, ты варона,
Тольки умѣла ты, варона,
У чистамъ поли ваевапь.

(въ 1898 г. с. сл. 19 л. парня, въ с. Гарцовѣ, Стародубск. у.).

Слѣдующая пѣсня про Платова пѣлась въ 1863 г. хоромъ ребятъ и записана со словъ 40 лѣт. шаповала тогда же).

Ты, Расея, ты Расея,
Ты расейская земля
Пра цябе, зимля Расея,
Многа славы гаварящь,
Пра Платога казака.
У Платога казака
Нябрытая барада
И ня стрыжаны вусы,
На грудзяхъ висяць хрясты.
Убирауся Платоу
Къ Винаплату (Бонопарту) на паклонъ,
На шырокій дворъ увъѣжджау.
Винаплатъ яго сустрякау,
У харомы зазывау,
За дубовый столъ саджау
Стаканъ волки наливау.
Охъ, и выпи купецъ,
Ты, расейскій маладзецъ.

Загадаю я загадачку,
Ты извôль мнѣ аттадаць.
Я на ярмалки гуляу,
Ахвицерау узнавау,
Аднаго я ни угадяу
Я Платóга казака.
Хто бъ мнѣ яго указау,
Много-бы суммы таму дау.
Ахъ, на што сумму даваць,
Яго-й такъ можна увазнаць.
У Платóга казака
Ня брѝтая барада,
Платоу бараду аббрыу,
У хранцуза у гасцяхъ быу.
Хранцузъ яго ни увазнау,
За дубовый столъ саджау.

Слѣдующая пѣсня позаимствована въ 1863 году въ с. Росухѣ.

Пиша, пиша кароль прускій
Гасударыни у Санатъ
Прашу цябе, сударыня,
Ни прагнѣвайсь на мяне,
Ой атдай-ка, сударыня,
Да тры слаувныхъ гарады:
Атдай городъ, отдай пицяръ,
Атдай слаўную Маскву,
Кали ты ни атдаси,
Дыкъ я цябе разарю и разабъю,
У каменнў Маскву увайдў,
Рядавыхъ салдатъ пастаулю
Па купечиськихъ дамахъ,
А самъ стану, кароль пруській,
Я у царьскамъ у дварцы.
Дыкъ зачымъ ты, сударыня,
Прызадумаушысь стайишъ,
Тольки бѣлы руки ломишъ,
Ничаго ни гаварышъ.
То ня пылъ у пôли запылйуся,
То йшло воська князя Васйлья.
Князь Василька на вайну пашôу
А за йимъ паслы па тры, па чатыры.
Ты вярнись, вярнись князь Василька,
Твая жана сына спарадзила,
Спарадзиушы, Богу душў атдала
Падъѣжджая князь Василька къ цырямў,
То ни каваливи куюць,
То жанѣ яго дамавйну булўюць.
То ни пташачки у садзику пяюць,
То князя Василька да дробныя дѣтки
Па свайой роднай мацы плачуць.

(Записано въ с. Кожемякахъ въ 1898 г. отъ 80-лѣти. старика, Мглинскаго у.).

Поля чыстая турецкая,
Мы кагда цябе поля, пройдземъ,
Усп бугры, тваїе дарôжачки,
Уси миста слауны, прыкрасны.
Мы сайдземся съ нипрыяцелемъ
Съ такой ардой нявѣрнаю.
Ва часнôй дзень сирядў
Падхадзили къ нипрыяцялю,
Кагды турки напивалися
И на Рассею собиралися.

(Записано въ 1861 г. отъ 30 лѣт. жен.).

Польна, польна вамъ, сняжôчки,
На сырой зямли лижаць.
Польна, польна вамъ, салдацики,
Горя гаряваць.
Пара привыкаць
Къ турецкимъ степямъ,
Къ турецкимъ гарадамъ.

(с. Невзорово, въ 1890 г.).

Пѣсни тюремныя.

Вѣцяръ вѣя, павѣвая,
Садъ зялёнинькій шумиць.
Сама дзѣвица ни зная,
Идзѣ яйе милый сядзиць.
Што-й у гôрадзи у Адесци,
На вўлицы на раунѣ,
Тамъ стаяла да тры башни,
Па сярёдку балшый домъ.
То ни домъ, ни балница
Настаящая цюрьма,
Тамъ сядзиць яйе милôй
Парянечыкъ удалой
За дубовымы дзвирямы.
Ничаго парню ня видна
Только й слышанъ звонъ ключôу,
Клюшникъ дзвери аттварáя—
Выхадзи-ка братъ сюды.
Якъ йонъ вышау на свѣтъ божый,

Кругомъ сябѣ асматрѣуся,
Ахрясциуся тры разы.
Аткуль узяуся тэй священникъ,
Стау йонъ правила чытаць,
Аткуль узяуся тэй судзебный,
Стау ряшѣньня выкликаць.

(д. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 16-лѣтн. хлопца въ 1899 году).

Какой проступокъ и что приводитъ мблойцовъ въ острогъ, объ этомъ пѣсни умалчиваютъ.

Впрочемъ, слѣдуюшая изъ нихъ нѣсколько объясняетъ причину неволюшки и выражаетъ обманутую любовь, доведшую дѣвку до худыя славы, до великаго стыда и преступленія:

Охъ ты, пташка канарейка,
Разгани пичаль маю.
Майо горя усимъ извѣстна
Абмануу милбй мяне.
Йонъ на мяне прызабыуся,
Я на яго—никагда,
Атчыню я у клѣцџы дзвери,
Пущу пташачку на волю.
На палёци свайой пташцы
Три славечки разскажу:
Ахъ ты, пташка канарэйка,
Ляци у гбру високб,
Сядзь на ябланци кудрявай,
Запѣй пѣсянку яму
Пра жысць горькую маю.
Охъ ты, воля, мая воля,
Да чаго ты давяла!
Давяла ты мяне воля,
Да славушки, да худой,
Да вяликаго стыда,
Да каминнаго астрага.

(х. Александровки, Мглинскаго у., со сл. 40 л. женщ. въ 1889 г.

А худая славушка неумолимая напр.:

Ни виновинъ параббкъ,
Винавата дзѣука,
Яще сонца ни зайшлб,
Гатбва пасцьѐлька.

(с. Красновичи, Суражскаго у., въ 1871 г., отъ 60-лѣтн. старуха).

Жаль жа мнѣ ни Тацяну,
Жаль жа мнѣ ни яйѐ:
Ни паслала пасцьелячки,
Лиха мацяри яйѐ.

(Отъ той же въ 1871 году).

Сяджу я у няволи—цямницы балшбй
Никаго ня виджу я пирядъ сабой,
Сматрю у вакошка—таварышъ идзець,
Таварышъ, таварышъ, пажалуй сюды,
Хадзи, братъ таварышъ, на нашу гару
Идзѣ сонца ня свѣця и мѣсяцъ ни бывая,
Тамъ гуляю я!
Идзи, братъ таварышъ, у зяленый ты садъ,
У зялёнамъ у саду салавей пяѣць
Намъ, братъ, таварышъ, разлуку даець.

(Въ 1891 году отъ 20-лѣтн. парня, въ с. Невзоровѣ, Стародубскаго уѣзда).

Охъ, якъ дау мнѣ Богъ
Нищасную дблю.
Павяли маю дблю
На чужую старану у нявблю.
Доля на йдзѐць, упирайицца,
За маю маладецкую шыю хватайицца.
На дварѣ марозаньки люты
Прымарозили зялѣзы на жываты
Я ирвау, ирвау—зялѣзы ня рвуцца,
Знаць мнѣ молайцу въ нявбли ни вярнуцца.
Што-й зъ вѐчара пагода
Ка бѣлу свѣту марбзъ.
Ишбу, прайшоу брадзяга,
Виздомный чалавѣкъ.
На сустрѣчу йшоу брадзяги
Яго прыяциль дарагой:
Твая маминька радная
У сырой зямли ляжыць,
А падружка дарагая
Падъ вянцбмъ зъ другимъ стайиць,
Дзѣлаць нечаго брадзяги,

Паварачывай назадъ!
Ишоу я лѣсамъ,
Ишоу я цёмнымъ,
Уздумау малчыкъ атдыхнуць.
Жарка сонь нёйка прыгрѣло,
Стау я, малчыкъ, засыпаць,
Стала ночка наступàць.
Узяли молайца, забрали,
Руки ноги пазвязали
И атправили у вастрогъ.
У в'астрози дзверь шырока
Да калитачка вўзка,
Ни пускаюць никуда.
Ты запѣй, запѣй, жàваранокъ,
Запѣй вясной на пратàлинцы,
Ты падай голасъ тирязъ цёмный лѣсъ
У Маскву каминную отъ нявольничка.
Йонъ ни годъ сядзиць и ни два,
А сядзиць йонъ роуно дзевяць гадỏу,
На дисятый годъ стау письмо писаць.
Напишу письмо къ аццу й мàцяры
Ацецъ—матушка, паратўйця,
— Што й у нашай радни
Плутỏу ни было.
Ни плутỏу, ни варỏу,
Ни разбỏйничкоу.
Што-й адзинъ у насъ сынъ
Да-й тэй падпалкóуничакъ.
Па карманамъ вѣцяръ вѣя,
Кашалекъ пустый грымиць,
Абарваницъ ни рабѣя,
За рашоткаю сядзиць.
Ноги босы, цьѣла грязна
И рубашка якъ смалà.
На рукахъ яго браслеты,
На нагахъ усе кандалы̀.
Чỏрный воранъ, другъ залетный,
Ляци къ милинькай скарэй,
Атдай милаго паштэньня,
Ще-й заглàзный пацалуй.

Пѣсни, которыя поются хлопцами по большей части хоромъ, «когда заугодно».

Удоука свайго сына
На Донъ пасылала —
Ѣдзь, мой сынокъ,
Да-й ни барыся,
На чужой старỏнцы
Да-й ни жанйся.
Ни чудь сына годъ
Ни чуць и другій,
На трецьцій гадỏкъ
Ѣдзя сынокъ
Да ни самъ съ сабою,
А зъ маладою да жанỏю.
Вышла маци
Сына сустрикаци,
Вынясла яна
Тры чары вина.
Адна чара вина зиляна
Другая чара якъ мята—рута.
Первую чару—сама выпила,
Другую сыну—паднясла
А трецьцю чару—жанѣ маладỏй,
Ня пи, мая мила, усю чару адна,
Выпъимъ съ табой мы па палавинѣ
И ляжымъ съ табой у адной дамавини.
Сынокъ упиуся, съ каня звалиўся,
А нявѣстушка съ павóзки.
Палажыли сына—край дарожки
А нявѣстачку—край далиначки,
На сыночку расцы зяленый дубочыкъ,
На нявѣстачки бѣлая бяреза.
Яны расли, расли, сыхилилися,
Да ужо-жъ майе дзѣтачки таки злюбилися.

(Дер. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 18 лѣт. парня въ 1898 г.).
См. Шейнъ бѣлор. пѣсни т. 1, ч. 1, стр. 247. № 546, 547, 548, 549.

Засцвитала сѝня мỏря
Разнымы агнямы
Да усё караблàмы.
Што-й у тыхъ жа караблàхъ
Матрỏсы гуляюць.
Яны къ сабѣ красну дзѣуку
Гуляць падбиваюць.
Пỏйдзимъ, красна дзѣука,
Пỏйдзимъ гуляць зъ намы.
Мы цябе, красная дзѣука,
Напоимъ, накормимъ,
Съ сабой спаць паложымъ.
Спи, красная дзѣука,
Спи, ни прашыпайся.
Прашнулася дзѣука
Пасярядзи моря,

Матросики галубочки,
Паганяйця къ броду.
Божачка мой милый,
Цяперь жа мнѣ, краснай дзѣуцы,
Ни видаць свайго роду.

(Отъ того же въ 1898 году).

Ни лятай ты, сызъ галубчыкъ,
На майо свѣтла вакно.
Ты ляци, ляци, галубчыкъ,
На канюшаньку новў.
Асядлай ты, сызъ галубчыкъ,
Мнѣ варонинька каня.
У чыстамъ поли, край дарожки,
Распяла дзѣука шацёръ (bis)
Съ тонкихъ бѣлыхъ палацёнъ.
Узяла голуба на руки
Стала галавў часаць. (bis),
Стаў галубчыкъ засыпаць.
Я думала, галубецъ,
Ажъ-то—Сенька маладзецъ.
Заснуу голубъ, заснуў сызый
У краснай дзѣуки на рукахъ,
На шауковыхъ рукавахъ,
Прашнуусь голубъ,
Прашнуусь—сызый,
Нима дзѣуки, ни каня,
Ни шауковаго шатра.
Людзи пашуць, людзи сѣюць,
А я, моладзецъ, хаджу,
У рукахъ пужачку дзяржў.

(х. Александровка, Мглинскаго у. со сл. 35 лѣт. жен. въ 1897 г.)

Кали бъ жа мнѣ
Чарка да пляшка
Да жонка Наташка!
Самъ бы я на вадзяйцу хадзiу,
Сваю-бъ милаю за рўчачку вадзiу,
Я бъ яйе цалавау, милавау,
Я бъ жа йой кухаварачку наняу:
Кала люлячки нянична,
Кала печы кухаварачка.

(дер. Невзорово, Стародубскаго у. со словъ).

Ва турецкай, ва старонки
Уси салдацики у шаренку,
Яны пушки заряжаюць,
У Турэччыну стрыляюць.
Яны ходзюць, маршыруюць,
Силна тужуць и гарююць;
Янараловы сыночки ходзюць, уцѣшаюць
Бѣлымъ, розовымъ платочкомъ
На вѣтру махаюць.
Охъ вы цыцьця (молчите), ни тужыця
Што-й за ваша за стараньня,
У сихъ дзеньгамы паграджў,
Што за вашы за болныя раны,
Усихъ хрэстамы ударю.

(с. Росуха Мглинск. у. со сл. 18 лѣт. пар. въ 1891 г.).

Матка доньку пытала,
Чаго доня смутна?
Сама я пра то знаю
Каго вѣрна люблю.
Люблю дружка сярдешна,
Люблю яго дауно.
У поли вѣтры свищуць,
Ваенный громъ грымиць.
Нихто такъ ни страждая,
Якъ милый на вайнѣ.
И онъ рўжжа заряджау
И пушакъ ни баяуся,
Усё думау аба мнѣ.
Убитъ, убитъ галубчыкъ,
Падъ кусцикамъ ляжыць,
Была бъ я волнай пташкай
Зьлитала-бъ я къ яму,
Я костачки-бъ забрала,
У тясовый гробикъ склала
Зямельки-бъ прыдала.

(с. Манюки, Новозыбковскаго уѣзда, со словъ 16 лѣт. парня въ 1896 г.).

Цьеща дли зяця пирогъ пякла,
Соли, да муки на чатыри рубли,
Сахару, изюму, на вяликую сумму.
Якъ стау йой пирогъ, да дванадцать рублёу.
А зяцюшка сѣу да увесь пирогъ зьѣу
Якъ цябе, зяцюшка, да ни разарвало!
Симярыхъ бы зяцёу я бъ пакаштавала,
Придзи ка мнѣ, цьещухна, у маслянку,
Я цябе, цьёщухна, пачастую
У семъ дубинъ, да дубовенькихъ,
А восьмую бярёзаваю на табѣ
Я да рукъ зламаю.

(с. Новворово, 18 лѣт. хлопц. въ 1894 г.).

Жыу сабѣ кароль,
Кароль удалой,
ионъ мѣу сабѣ двѣ дачки,
Распрыкрасныхъ сабой.
Бо̀лшая—смуглянка,
Якъ чорная ночъ,
Ме́ншая—белянка
Якъ царьская дочъ.
Бо̀лшая мѐншую
Манила патайкомъ—
Пойдзимъ, пойдзимъ, сястрыца,
На биряжо̀къ са мной,
Паглядзимъ тамъ, сястрыца,
Якъ моря ву̀брано
Силнаю вално̀ю,
Пѣнаю марьско̀ю.
И болшая мѐншую
Спихнула зъ биряжку.
Рятуй мяне, сястрыца,
Рятуй мяне, сястра,
Атдамъ табѣ калечка
Майго жаниха.
—Калечка у наслѣдства
Дастаницца мнѣ,
Якъ ты захлынесься
У халоднай валнѣ.
Рятуйця! накажыцця
Матухны-й аццу.
Прибрали красотку
Мяне ка вянцу.
Были у мяне музыки
Усё во̀лны марьскія,
Были у мяне свашки
Заморьскія пташки.
Рыбалоуцы хлопцы рыбу лавили,
Выцягнули сѣци на крутъ биряжо̀къ
Вытрусили сь сѣци царьскую дочь.
Здзѣлали архву зъ яйе буйныхъ косць,
Ссукали струны зь яйе русыхъ косъ,
Паставили архву пр̀оци царьскихъ
варотъ,
Зайграли на архву—сабрауся народъ,
Слухайця людзи, што архва крычыць,
Бо̀лшую сястрыцу павѣсиць вялиць.

(с. Манюки, Новозыбковскаго у. со сл. 16 лѣт. парня въ 1896 г.).

У барына, у барына хараша была
жана
А у лакея, у лакея, ще-й палуччы
была.
Давай, лакей, давай, лакей, паминяемсь
на жану.
Ни хочу, барынъ, миняцца, ни хочу
минять жану,
Вашу жану, вашу жану часта у госци
завуць.
Мая жана, мая жана да ня ходзиць
никуды.
—Падлецъ лакей, падлецъ лакей,
яго у салдаты сдаць,
Жану яго, жану яго у прыслуги
узяць.
Што-й за рѣчкай за ракой,
Парэнь грэчку кача̀я
У Марусеньки пытая:
Марусенька, душанька
Ци пусьцишь ты начавацъ?
Наѣдзя панъ, будзя знаць,
Марусичка, душачка
Мы старо̀жу паставимъ
На чатыры старані̀
Па чатыры маскали.
Маскалики заснули
Прыѣхау панъ – ня чули.
Марусинька – душачка,
Скажы прауду усю мнѣ,
Чаго пляшка на сталѣ?
Маскалики праѣжджали,
Мёдъ, пиво ку̀повали,
Красно пиво купавали,
Бутылачки распивали.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 20 лѣт. хлопца въ 1894 году).

Станимъ, браццы, у кругавую
Запяйёмъ пѣсню наву̀ю
Сынъ на маццы капусту вази̇у,
Маладу жану у прысцяжку вадзиу,
ионъ на матушку пану̀кавайя,
А на жоначку патпрукавайя,
Што-й на матушку дубинаю,
А на жоначку—былиною.
Ой—ты! ну-ка мая матушка,
Ой и стой-ты, мая жоначка!

(с. Ивайтёнки, Мглинскаго у. со словъ 20 лѣтн. парня въ 1890 году).

Таварышъ, таварыщъ, вѣрный таварышъ мой, я умру.
Паложъ мяне, брацецъ, вѣрный таварышъ, въ вишневамъ саду,
У вишневамъ садочку, на жоутомъ пясочку падъ рябинаю.
Рябина высока, лисцяйка шырока, кучэрява,

Спусціла гольля зь верху да корня, ще—й—да долавьку,
Да прыкрыло цьѣло бурлацкое, бѣлае, ще-й галованьку.
Никто ни заплача па бѣламу цьѣлу па бурлацкому
Да ни ацецъ, ни маци, ни братъ, ни сястрыца.

Што й у поли, пры далини
Сядвйць сокалъ на калини,
Буйну ягаду клюйе.
Сядзиць дзѣука у святлицы
Гарючыя слёзы льлё.
Зарасла дарожачка,
Прызамѣтинъ и слядокъ,
Штобъ и милый ни хадзиу,
Дарожачки ни тарыу.
Падарачка ни насиу,
Падарачка дарагога,
Зъ руки персня залатога.
Пагляджу я на калечка,
Забалиць майо сярдечка,
Балиць серца и животъ,
Што ни у праудзи милъ жывецъ,
Польна табѣ, сакблику,
Горьку ягаду клевацъ,
Будзя табѣ, дзѣвачка,
Гарючыя слёзы праливацъ.
Манюкоускіе рыбяты
На гульню—закаты.
Якъ пашли яны у салдаты,
Ни багацька праслужыли,
Уздумали бижацъ
Прыбяжали къ Дунай—рэчки.
Кличуць пирявозу,
Пирявозу нѣту,
Нидалече лодка.
Охъ мы сядзимъ да паѣдзимъ
На сваю старонку,
Какъ на нашай на старонки
Кватѐры новыя,
Хазяечки маладыя.

(с. Манюки, Новозыбковскаго у. со словъ 16 лѣт. хлопца въ 1896 г.).

Худо, худо браццы жыць,
На чужыхъ малодакъ паглядаючы.
Што-й чужыя малодки,
Якъ макавый цвѣтъ;
Пуще жъ майой неудашачки
У бѣламъ свѣци нѣтъ.
Якъ вазьму я неудашачку
За бѣлыя руки,
Пазяду я неудашачку
У млынъ глыбокій
Плыви, плыви, неудашачка,
Услѣдъ за водой.
Надоѣло, неудашачка,
Жывучы съ табою.
Худо, худо, браццы, жыць
Бизъ неудашачки.
Чацьвертая нядзѣличка
Бизъ бѣлай рубашачки.
Йосць у мянѣ сядзѣлечко
Ще-й варо̀ный конь,
Тольки сѣсць паѣхацъ
Къ свайму стю (тестю) на дворъ
Здарбу, здарбу, цьестюшка,
Цьеща, добрый дзень,
Атдали мнѣ неудашачку
На адзинъ дзень.
Атдавали мы дачку хазяечку
Табѣ на увесь вѣкъ.

Ноябрь.

8-го—Архистратига Михаила. Во многихъ селахъ храмовые праздники.

Вообще, начиная съ Августа и оканчивая филипповскими заговѣнами, что ни праздникъ, то храмовщина въ какомъ-нибудь селѣ, потому что «па восяни и у вярабья пива йосць, чымъ сусѣда пачаставаць».

И, дѣйствительно, отъ «родичау и да загавяню, по деревнямъ и селамъ у насъ царствуетъ относительное благоденствіе по части питанія и продовольствія: каждый домохозяинъ отъ времени до времени рѣжетъ овечку. Чтобы говядины этой хватило на долго, бабы ежедневно кладутъ въ борщъ кусочекъ перебрины или голодницы, а по праздникамъ жарятъ мягкій кусокъ съ «бульбой», но вѣрнѣе не жарятъ, а парятъ подъ сковородкой, въ легкомъ духу, отчего получается довольно безвкусное мясо, волокна котораго дерутся вдоль, какъ лыки. Густая каша считается великою роскошью и подается только на великія празднества. Каждая хозяйка старается быть очень

бережлива съ крупами, она помнитъ весенній холодецъ съ лабадой и на претензію домашнихъ, что каша, т. е. супъ, крѣпко жидки, отвѣчаетъ: «ѣжъця, слава Богу и за йега, а то будзя разамъ густа, а разамъ пуста, а щаулю нищпинаго ня хо̀чыця?».

Въ каждомъ дворѣ держатъ отъ 5 до 10 штукъ овецъ, порода совершенно простая, шерсть грубая, мясо имѣетъ нѣсколько специфическій запахъ, особенно у худыхъ овецъ. Какъ только начнутся заморозки, каждый хозяинъ оставляетъ нѣсколько штукъ на сѣмя, а остальныхъ рѣжутъ и вѣшаютъ въ амбарахъ на морозъ, чтобы былъ запасъ къ Рождеству. Подобное перемерзшее мясо теряетъ всякій вкусъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ; но овецъ рѣжутъ раньше для того, чтобы хватило корму оставшимся на зиму. Запасливый хозяинъ непремѣнно пары двѣ бараньихъ лопатокъ посолитъ и затѣмъ выкоптитъ къ Пасхѣ, что тоже довольно безвкусно.

12-го числа Ивана Милостиваго празднуютъ. «У йетый дзень гадѝцца што нѐбудзь даць каму нѐбудзь, у угоду святому».

14-го—заговѣны на филипповскій постъ. Это самые обильные и богатые заговѣны въ году. Впрочемъ, столъ не отличается разнообразіемъ, та же самая баранина «у борщѝ, баранина у жѝдкай каши, картошка жидкая съ бараниной, картошка густая съ бараниной у ла̀цццы (въ мискѣ) и т. д. и т. д.

Въ этотъ день уже полагается каша густая, какъ пирожное, а въ богатыхъ дворахъ бываетъ даже лапша пшанишная. Молока теперь рѣшительно ни у кого уже нѣтъ, такъ какъ коровы тельны. Оттого говорятъ, что осенью угощаютъ «лю̀бага госця малакомъ, а ня лю̀бага мёдомъ».

Кстати о мёдѣ: здѣсь нѣкоторые крестьяне, «хто хо̀ча пакушаць салодкаго», ставятъ въ лѣсу на деревѣ свой «наузникъ» [1]), куда подчасъ и поселяется какой-нибудь странствующій рой. Тогда крестьянинъ забираетъ пчёлъ къ себѣ и иному удается черезъ годъ имѣть уже два улья.

До заговѣнъ, т. е. до 14-го, всегда нанимается общественный пастухъ и конюхъ, и съ этого дня уже скотъ не гоняется въ поле, и вмѣсто подножнаго получаетъ хозяйскій кормъ. Сѣно даютъ только лошадямъ, а коровъ кормятъ житной соломой, гречаной и дѣлаютъ «струшку, т. е. съ соломой смѣшиваютъ для закрасы немного сѣна. Яровая солома уже считается «сласный [2]) кусокъ дли скацины».

Съ какого-бы времени парабкѝ и челядки ни поступали къ хозяину въ наемъ, они непремѣнно договариваются или «да ро̀дзичау или да пилипаускихъ загавянъ».

Особенно дѣвки очень интересуются пробыть дома зиму, чтобы побольше напрясть для свадебныхъ подарковъ и для прида̀наго.

Съ началомъ поста, пока алей еще не выбили, пришлось бы опять варить «нищимницу», но бабы на этотъ разъ догадливы: «дуринь кашы наваря, калѝ крупы йосць», говорятъ онѣ и таскаютъ изъ амбара по немножку конопли, которую съ вечера подсушиваютъ, «до̀свиткомъ» толкутъ въ деревянной ступѣ, разводятъ водой, цѣдятъ, и этимъ молокомъ забѣляютъ борщи и супы. Такая заправа гораздо лучше молочной, а яшный супъ зъ за̀лпукой» даже очень вкусенъ. Иная лакомка въ какой-нибудь святой день это самое конопляное молоко ставитъ на огонь и сгущенную накипь сверху снимаетъ ложкой въ отдѣльную посуду, гдѣ и получается конопляная сметана, которой обливаютъ горячіе рѣзники изъ ржаной муки. Но блюдо это считается очень убыточнымъ, и потому хозяинъ не вытерпитъ, чтобы не сдѣлать выговора бабѣ своей: «ну, ты ла̀сая да сма̀шнаго, уси канопли майе паперейѣчышъ (попортишь) и биць алей нѐ-съ-чаго будзьс.

Въ этомъ мѣсяцѣ каждый старается свезти поскорѣй коноплю на маслобойню, такъ какъ тамъ всегда очень «завозно», то сваленные мѣшки съ конопля̀ми дожидаютъ очереди недѣли двѣ, три и даже мѣсяцъ. Зачастую мужикъ слаживаетъ дѣло съ хозяиномъ маслобойни, запродаетъ коноплю и получаетъ задатокъ.

Гдѣ маслобойня, тамъ бываетъ обыкновенно и винокурня, а въ настоящее время и лавки монополіи. Вотъ тутъ уже крестьянинъ бываетъ при рѣдкой обстановкѣ: «и

---

[1]) маленькій пчелиный улей; [2]) лакомый.

грошы у кишени и винапольля тутъ жа». Но онъ осторожонъ, не мотъ: «отворотится, захавая грошы куды нибудзь за поясъ, аба у анучы». А для выпивки много-ли человѣку нужно?—Мелочи... ну, рублнкъ, не больше. На эту сумму онъ и товаришу поднясе, и самъ накоцицца еле можаху, такъ что лёдьви, ледьви узлезя на калесы, а затѣмъ конь уже самъ вязе его у дворъ бизъ вожакъ».

21.—Введеніе Пресвятыя Богородицы во храмъ. Наканунѣ, ложась спать, дѣвки загадываютъ: «святоя ввядзеньня, вядзи мянѣ туды, идзѣ мнѣ жыцъ».

24-го.—Екатерины и 30-го—Анедрея Первозваннаго считаются предрождественскими праздниками, и потому съ этихъ дней начинается гаданье: пекутъ лепешку на одной соли, и желающая повидать во снѣ своего будущаго «чалавѣка», загадываетъ, ложась въ постель и съѣвши соленую лепёшку: сужаный, ряджаный, придзи мнѣ вады падацъ.

Декабрь.

4-го Варвары великомученицы.

5-го Саввы. Нерѣдко къ этому времени ложится снѣгъ, какъ бы въ подтвержденіе народной примѣты: «Савва мосця, а Микола гвоздя» [1]).

6-го Николая—Мирликійскаго. Хотя не всегда, но бываютъ въ это время порядочные холода, и потому существуетъ такое дѣленіе: первые морозы Микольскіе, вторые хрященьскіе.

Къ 6-му декабрю уже устанавливаются цѣны на алей.

Пенька и алей единственные здѣсь продукты, которые идутъ въ продажу. Работаетъ то онъ цѣлое лѣто, а доходу получаетъ отъ 50—100 рублей, но ему вѣдь «пракармицца и то добря».

А семьй-то рѣдко въ какой хатѣ найдется менѣе десяти человѣкъ съ дѣтьми, конечно, включительно.

Съ конoплянаго дохода прежде всего торопятся отдать «падзямельныя» и проч. казенные сборы, расчитаться съ долгами и на чорный весенній день завернутъ и въ тряпицу и заткнуть куда нибудь въ щелку амбара, «штобъ хто схòвы [2]) ни падглядзѣу». А иному «да зарѣзу треба коника купицъ», кстати въ м. Погарѣ Никольская ярмарка.

Бываетъ изъ нихъ, впрочемъ, много и такихъ богачей, которые, сложивши коноплю на маслобойнѣ, зайдутъ къ купцу въ контору, сведутъ счеты забраннымъ деньгамъ и все тутъ. А получки то въ итогѣ и нѣтъ, развѣ много, много, что попадетъ какая нибудь счастливая пятерка въ карманъ, такъ сказать, на разводъ «на сѣмя».

Взамѣнъ конопли, во дворъ привозится еще съ маслобойни конопляная макуха. Это большое подспорье въ хозяйствѣ; она идетъ на обмѣшку рогатому скоту, лошадямъ и прочей дворовой живности, не исключая и собакъ. Ржаную же муку на обмѣшку расходуютъ очень осторожно, такъ какъ, помолотивши хлѣбъ и свёдши свои хлѣбные итоги, хозяева иной годъ ведутъ такого рода разговоры между собою:

1-й Ну, Карнѣявичъ, хвалицясь, ци багата у васъ хлѣба? Можа-бъ вы мнѣ да налѣцця пазычыли хоць пудоў зъ дзисятакъ?

2-й Нѣ, брацику, у йетамъ гаду, хто яго зная, ци хваця да маслянки, ци нѣ.

3-й Во, а у мяне дай Богъ, дай Богъ, штобъ да Ражтва хапила.

4-й И то добря а во якъ у мяне, дыкъ я йетый годъ отъ радзичаў купляю.

5-й А мы зъ братамъ намалацыли тамъ трясцуху—пасѣяли кольки былò, да двѣ клунки на прудъ атвязли [3]), во и хлѣбъ увесь».

Къ декабрю мѣсяцу оканчиваются всѣ срочныя работы: жито домолочено еще въ ноябрѣ, чтобъ его на гумнѣ мышь не точила, пеньку изъ сажалокъ тоже давно «вы-

---

[1]) отъ слова гвоздь. [2]) отъ слова схoвацъ—спрятать. [3]) молоть на муку.

тягали», свезли и разставили на просушку, слѣдовательно, свободнаго времени у крестьянина остается достаточно.

Ходить зимой на заработотки онъ не охотникъ, «да и дзень карòтакъ, ци багаты чаго зробишъ» и вотъ каждый изъ нихъ «пòруицца кала двара: скотъ гадўя, у лѣсъ за дравàмы ѣздзя, лапци пляце».

Въ началѣ зимы у многихъ хлѣбъ еще не доѣденъ, бабы то и дѣло, что пекутъ горяченькіе блинки, кстати алей выбигъ и «пакинули на расходъ хунтоў 20, а то и цѣлый пудъ», возможно, пока свѣженькимъ алейцемъ маслить усякія мякотки.

Хотя этого «хлѣбца и алейца» хватитъ не на долго, но... что будетъ дальше, о томъ на теплой печкѣ при горячихъ пампушкахъ и галушкахъ «ни злишкомъ рупицца».

За нѣсколько дней до Рождества по селамъ то тамъ, то сямъ. на площадкахъ или огородахъ виднѣются огоньки: домохозяева, заколовши «кормнаго» кабана, смалюць яго соломой.

Это великое событіе совершается разъ въ году. Сало рѣжутъ на четырехъ-угольные квадратики, солятъ и складываютъ въ дежку на всю годовую пропорцію для заправы «стравы». Изъ говядины дѣлаютъ колбасы.

При малыхъ достаткахъ и неурожаѣ только прикармливаютъ небольшого «подсвинка», а потому получается не сало, а «адны—шкурки, а каубасы съ палицъ у тоушки».

Но тѣмъ не менѣе уже на рождественскіе праздники въ каждомъ дворѣ колбасы. Даже священнику, когда онъ ходитъ съ крестомъ полагается кусокъ сала и колбаса.

Каляда.

(рождественскіе святки).

24-го декабря «на куццю» особенно бабы ничего не ѣдятъ до вечерней зари—звѣзды. Зато передъ вечеромъ куда ни взглянешь, надъ каждой хатой вьется дымокъ—это топятъ печи и варятъ кутью (ячменная густая каша), а также кутью изъ всякаго «збожжа» для скота.

Въ каждую кашу стемляютъ деревянные крестики и ставятъ кутью и «узваръ», т. е. отваренныя сушеныя яблоки—подъ образами въ сѣно, въ воспоминаніе младенца Христа, лежащаго въ ясляхъ.

Вячеряюць трохи позднѣй, зато въ сумерки ѣдятъ блины.

Если въ дворѣ есть дѣвки, то онѣ первымъ дѣломъ стараются «захавацъ первый блинъ, съ которымъ идутъ подъ окна падслухавацъ пра што у хаци гамонюць», то и случицца.

Хорошо, если разговариваютъ о хлѣбѣ, о богатствѣ, о женитьбѣ, а то иногда идетъ разсказъ и о покойникахъ. «Иванъ или Романъ, што у томъ гаду ѣу съ намы куццю, сё лѣта яго душачка тольки па хаци лятая».

Кромѣ того въ эту пору дѣвки цѣлыми партіями ходятъ подъ окны «щадравацъ у тыя двары идзя йосць нявѣсты и хлопцы ня жанатые». Имъ то и адресуются всякія хвалебныя пѣсни съ припѣвами.

Святый вечаръ добрымъ людзямъ.

Што-й у варòцьечкахъ
Стаяла древачка купарисная,
Падъ тымъ древачкамъ
Пава хадзила, перья раняла.
Святый вечаръ добрымъ людзямъ.
Дзѣвачка хадзѣла
Перъячка зьбирала,
Вяночыкъ пляла (bis),
На галоуку клала,
Да церькви ишла.
Святый вечаръ добрымъ людзямъ.
Паны-й карали дзивавàлися,
Ци йета царэуна
Ци каралѐуна,

Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Я ни царэуна, ни каралеуна,
Я Ганна Иванауна
Дай—Кужалева (фамилія той, кому поютъ.

(с. Росуха, Мглинскаго у. со сл. 18 лѣтн. дѣвки въ 1889 году).

Хадзѝ Галичка на вичарнѝцы,
Святый вѐчаръ добрымъ людзямъ!
Ни пайду, сястрицы,
Да-й на вичарнѝцы,
Прыѣхау ка мнѣ рѝдный брахнѝйка
Да прывезъ мнѣ тры радасци,
Тры радасци, тры вясёласци
Первая радасць—зялёный саянъ
Другая радасць—арлòвый вянòкъ,
А трецьця радосць—залатый персцянъ.
Галичка прыбиралася—нариджâлася
Да церкву ишла.
На гâнки узыйшла—
Ганки укланились.
У цѐркау узыйшла—
Церькау асвяцилась.
Паны сустрикâли—шапки здзивâли,
Ци йета пâнна? Ци каралѐуна?
Ажъ йета наша Галичка Аудакѝмоуна,
Святый вѐчаръ добрымъ людзямъ!

(с. Росуха, Мглин. у. отъ той же въ 1889 году).

У ляску, у ляску,
На жѐутамъ пяску,
Святый вѐчаръ дòбрымъ людзямъ!
Тамъ пчòлы гудуць,
Цѐрькау будỳюць
Святый вѐчаръ добрымъ людзямъ!
Съ трэмâ вакнâмы,
Съ чатырьма вугламы,
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Первая вакòнца
Жаркая сòнца,
Святый вѐчаръ добрымъ людзямъ!
Другâя ваконца
Вясёлъ мѣсячка.
Святый вѐчаръ добрымъ людзямъ!
Трецця ваконца
Дрòбны звѣздачки,
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Жаркая соньняйка—
То Владымірька
Вясёлъ мѣсячка—
То красная дзѣвачка.
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Дробныя звѣздачки
То йихъ двѣтачки
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!

(с. Кожемяки, Мглинск. у. со сл. 19-лѣтн. дѣвки въ 1898 году).

Слѣдующая пѣсня поется хозяину, у котораго нѣсколько сыновей:

Ой рана, рана пѣуни папѣли,
Ще-й ранѣй тагò Микòлка устâу,
Па двару̂ пахадзѝу,
Званкòмъ пазванѝу,
Братцау пабудзѝу,
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Уставайця, брацьця,
Сидлâйця кòній,
Ѣдзьця у дубрòвы зялёныя,
Сякиця масты калѝнавыя,
Будуць ицiць тры празники,
Первый прâзничакъ святòе Ражствò.
Другій празничакъ святòга Васильля,
Трецьцій празничакъ святòя хрященьня
На Ражствò—разгавляньняйка,
На Васѝльля—гуляньнейка,
На Хрященьня разъѣжджаньнейка.

(с. Росуха, Мглинскаго у. со словъ 20-лѣтн. дѣвки въ 1899 году).

За эти пѣсни хозяинъ высылаетъ щадровщикамъ сала, по кусочку колбасы, а скорѣй всего по блину. Панъ же даетъ нѣсколько копеекъ.

Съ кѣмъ мало церемонятся, тому поютъ слѣдующее:

Щадрỳю, щадрỳю,
Каубâски чỳю,
Святый вѐчаръ
Добрымъ людзямъ!
Дайця каубасу̂,
Я у дворъ панясу
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Дайця другую,
Я пащадрую,
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!

(въ 1899 г. отъ той же).

Если долго ничего не высылають, то одна изъ дѣвокъ говоритъ у оконнаго стекла:

«Дариця, ни бариця, коротки свотки, памерзли лытки».

Еще въ этотъ вечеръ подростки водятъ «козу» по дворамъ.

Въ этой костюмировкѣ нѣтъ никакой иллюзіи: одинъ изъ хлопцевъ надѣваетъ на себя вывороченный на изнанку кожухъ, становится на четвереньки и топчится на одномъ мѣстѣ. Остальные хлопцы поютъ:

Го-го—каза,
Го-го—сѣрая,
Ни хадзи каза
Падъ Михайлауська,
Тамъ йосць стрялцы,
Хочуць казу убиць,
Дзяцей асирацидь.

(с. Росуха въ 1899 г. со сл. 18-лѣтн. парня).

25-го—Рождество Христово.

Рождественскими праздниками, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, каждый имѣетъ поползновеніе развлечься и повеселить себя чѣмъ бы то ни было. Но чѣмъ же, спрашивается?

Вотъ и первый день праздника: утромъ у каждаго поселянина время занято: надѣвъ свои праздничные наряды, всѣ стремятся въ Божій храмъ помолиться, поставить «свѣчачку на сваие мазалёвыя», и бросить въ брязкотку, кто сколько можетъ. Обѣдня кончилась. Разсыпались всѣ по своимъ дворамъ разговляться. Лица у всѣхъ довольныя, веселыя, у каждаго такъ и написано: дождались, слава Богу, праздничка Господня.

Къ обѣду въ этотъ день почти у каждаго припасена «крошка мяса».

Покушали, легли отдохнуть. Вставши глянули на небо: еще рано, солнце съ полдня не свернуло.

Чѣмъ же тутъ позабавиться? Куда себя пристроить? Пошелъ бы за ворота, на улицу—рождественскій морозъ лютъ, «за носъ щипля»; зашелъ бы къ сосѣду—сидѣть самъ на самъ не великая потѣха,—хочется примкнуть къ стаду, да собраться некуда, кромѣ какъ къ «жиду Калману», у котораго хаты просторныя, столы и лавки широкіе.

Вотъ и потянулись къ Калману и съ того конца села и съ этого. Большинство шло съ самыми невинными намѣреніями «пасядзѣць, пагамавиць, людзей паслухаць», но чѣмъ оканчивались обыкновенно бесѣды въ шинкахъ—извѣстно каждому.

На бабиныхъ.

На 2-й день праздниковъ рождественскихъ повсемѣстно «гуляюць бабины», состоящія въ слѣдующемъ: бабка приглашаетъ къ себѣ на вечеръ всѣхъ своихъ «унуковъ», т. е. мужа и жену, у которыхъ въ этомъ году были новорожденные. При этомъ несутъ бабѣ пироги, т. е. 4 или 5 наводневъ чернаго хлѣба.

Если бабка зажитачная и внуковъ имѣется 5—7 паръ, то горѣлочки здѣсь выпивается не менѣе ведра и гулянье продолжается всю ночь до свѣту.

Подъ часъ бабуся «гукнѐ зъ вулицы хлопцовъ» съ гармоніей, скрипкой, бубномъ, и тогда всѣ принимаются за танцы, «ня учуисься, якъ и ночка пройдзя. Вотъ якъ харашо, да весяла на бабинахъ», разсказываютъ «унуки».

Въ перемежку между танцами, за закуской и выпивкой, поютъ разныя пѣсни, выражающія преимущественно отношенія молодыхъ супруговъ въ жёнамъ и семьѣ.

Што—й у лўзи, на прытўзи
Калиначки кустъ,
А на той калйнацци
Салавейка спиць.
Хто жъ будзя салавейку пабуджаци?
Йосць у яго зязюлячка, тая пабўдзя.
Устань, устань, салавейячка,
Гддзя табѣ спаци,

Ужо тваіе таварышы
Лугі абляцѣли;
Зязюличка сѣрая,
Палетай за мяне.
У сѣнячкахъ за дзвѐрямы
Грышачка спиць,
Некаму Грышачки
Яго пабудзиць.
Йосць у яго Парасачка,
Тая пабудзя.
Устань, устань, Грышачка,
Го̀дзя табѣ спаци,
Ужо тваіе таварышы
Ко̀ней гаду̀юць,
Парасачка Иванауна,
Пагаду̀й за мяне.

(д. Водвинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 65-лѣт. женщ. въ 1897 году).

Шуме, гудзе сосинка у бару̀.
Гуляла, буя̀ла свякруха у пиру,
Гуляушы, буяушы, у дво̀ру прышла
Да—й прычы̀начку знайшла
На бо̀лшаго сына, на бо̀лшую нявѣстачку:
Чаго, чаго ни сустрика̀ли,
Чаго, чаго падъ руки ни хватали.

(д. Шапочка, Мглинскаго уѣз. отъ 27-лѣт. женщ. въ 1897 г.),

Якъ устану я ранюсинька,
Умы̀юся я бялю̀синька,
Якъ сяду я падъ кудзѐляю
Да—й падъ бѣлаю,
На дворѣ свѣтъ бялюсинькій.
Идець мой милюсенькій,
У за̀сцежки на грудзяхъ лента красная,
А на по̀яси да зялёная.
Скажы, скажы, мой милюсинькій,
Издѣ ночъ начавау?
Начавау я, майя милая,
У тваіихъ брато̀у,
А у сваіихъ шуръяно̀у.
Нипраудачку, чалавѣча, кажышъ,
Я позна зь вѐчара ни спала,
Па падъ во̀каньню хадзила.
Идзѣ, падлецъ, шляуся,
Идзѣ валачыуся?
Нашною даб̀ою
Шъ шельмаю другою.

(Отъ той же въ 1897 г.).

Когда ея родные братья съ жёнами и всѣ добрые люди по парочкамъ въ мирѣ и согласіи отправляются на бабины веселиться, ея непутящій мужъ ушелъ къ своей возлюбленной. Идти же одной на это собраніе «нивесь яково̀». Вотъ она и отправляется подъ окно посмотрѣть на пиръ и видитъ тамъ:

Сидяць браты па застѐльляйку
Зъ малады̀мы жо̀нкамы,
Пъюць мёдъ да гарэлачку,
Зялёно вино̀.
Пра мяне пра горькаю, дя гаво̀рюць—
Нема нашыя бяздолныя,
Нема го̀рька-до̀лныя,
Я атъ воканъ пашла да-й заплакала—
Ты скажы, скажы, мой милинькій,
Идзѣ ночъ начавау?
Начавау я, мая мила,
Да—й у клюшницы.
— У шельмы клюшницы,
Злой разлу̀шницы.

(Отъ той же въ 1897 г.).

Туманъ, туманъ па далини,
Широкій листъ на калини,
Яще шы̀ршы на дубо̀чку,
Клича го̀лубъ голубачку
Хоць ни сваію, дыкъ чужу̀ю,
Хадзи, серца, пацалую.
На што табѣ чужу цалаваци,
Сваіой пичаль задаваци.

(д. Водвинка, Мглинскаго у. со словъ 27 лѣт. женщ. въ 1898 году).
См. Шейнъ бѣл. пѣсни т. I ч. 1 стр. 300 № 353.

Въ деревнѣ Кожемякахъ эту самую пѣсню оканчиваютъ такъ:

Ни задавай серцу ту̀ги,
Ня во̀зьмишъ ты, во̀зьмя другій,
— Дзяучына, ни журыся
Я-йще моладъ, ни жаніуся,
А якъ буду жаніцися,
Прыдзи дзэва дзивіцися.

— Твайо пива мнѣ ня удзива,
Твайо вино піци горька,
Любились мы гадоу сколькн!
Любилися ни пабралися,
Тольки людзи насмѣялися.

(со сл. 65 лѣт. женщ. въ с. Кожемякахъ, Мглянскаго у. въ 1897 году).

На другой день утромъ къ бабусѣ опять являются всѣ парочки похмѣляться и на этотъ разъ уже приводять своихъ свекрухъ и свёкровъ. Затѣмъ каждая чета приглашаетъ ее къ себѣ въ назначенный день.

Однако на другой день пирушки поются такія пѣсни:

Спйцца дрэмлицца
Падъ кудзеляю.
Зѣляна в'аччу,
Гарэлки хочу.
Вы на Бога гляньця,
Пахмялйцца дайця,
Учора я маладà
На бабинахъ была,
Багата выпила.

(Со сл. 30 л. жен. хут. Шапачки 1897 года).

На новый годъ, раннимъ утромъ маленькіе, семи, восьми-лѣтніе хлопчики, съ узелкомъ ржаныхъ зёренъ въ платочкѣ, являются въ каждую хату и, бросая горстями на полъ зерно, поютъ:

Сѣта, сѣта [1])
На нова лѣта.
Ходзя Илья
Падъ Васильля.
У яго пужка да драцяная,
Идзѣ пужкай махие,
Тамъ жыта расце.
А йдзѣ ни махàя,
Тамъ и ня бывая.
Зарядзй, Божа,
Жыта— пшанйцу,
Усяку пашницу
У поли ядромъ,
У дварѐ добромъ.

Оканчивають обыкновенно такъ:

Ой ты, дзѣдзичка,
Глянь на палйчку,
Дай паляничку.
А ты, бабачка,
Глянь на кутóчыкъ,
Дай сала кусочыкъ.

(с. Разсухи, Мглинскаго у. со сл.)

5-го января: постная кутья. Тоже не ѣдятъ до зари или до освященія воды на вечернѣ. Также, какъ и въ предъидущіе сочельники вечеромъ пекутъ блины, варятъ кутью и узваръ.

6-го Крещеніе. Все село сходится на Ярдàнь. Вырубленный во льду, на рѣкѣ или озерѣ, крестъ обливаютъ бурачнымъ разсоломъ и обсаживаютъ ёлками. На «Ярдань» принято пріѣзжать на лошадяхъ.

Игрыща или вечарницы.

На рождественскихъ праздникахъ и вообще зимой молодежь тоже изобрѣтаетъ себѣ забавы: устраиваютъ время отъ времени, въ складчину, въ хатѣ какой-нибудь одинокой вдовы вечерницы или «игрйща», какъ ихъ здѣсь больше называютъ.

Вечеромъ готовится закуска: самое первое и лакомое блюдо у нихъ—это «яйешня», кулешъ гарохавый съ саламъ на скавародцы и каубаса.

Благоразумные родители и сами даютъ для этого провизію, но большая часть молодежи принуждена красць у бацьки и матки нужные для игрйщъ продукты, что, впро-

[1]) Сѣяно.

чемъ, не считается вовсе за воровство, и каждый смотритъ на это, какъ на забаву молодежи.

На вечерницахъ, кромѣ музыки и танцевъ поются и пѣсни, какія вадумаются, и прежнія старинныя и новыя приносныя, позаимствованныя парнями гдѣ-нибудь на заработкахъ.

Слѣдующая пѣсня занесена изъ Кіева: «тамъ нашы чўли яйе, якъ пѣли бурлаки»:

У садзи ягада лясная
Надъ прыкрыціямъ расла,
Маладая свѣтъ княгиня
Съ княземъ у цьѣрями жыла.
Ванька—Клюшникъ
Злый разлушникъ,
Разлучыу князя жъ жаной.
Ванька зь нянькай пабранпуся,
Нянька князю данясла.
Крыкнуу, свиснуу князь лакеяу,
Самъ вышау на паратная крыльцо.
Вы, лакеи, вы, лакеи, маладыя кучаря,
Вы идзица, привядзица
Ваньку-клюшника сюды.
Идзець Ванька, идзець клюшникъ
Кудры вѣя вяцеркомъ.
У княгини малодыя
Льлюцца сьлезы ручайкомъ.
Скажы, Ванька, скажы, Клюшникъ
Кольки лѣтъ съ княгиняй жыу?
Пра то знайиць свѣтъ княгиня
Чуть слышно прагаварыу.

(д. Бородинка, Мглинскаго у. со словъ 19 лѣт. парня въ 1899 году).

Вы ня вѣйця, вѣтры,
Сы крутыя гары
Ни наносьця, вѣтры,
Бѣлу снѣгу на мой дворъ.
На майомъ дварѣ
Усё шаукова трава.
Охъ! и што жъ то за милой
Што далёка атъ мяне,
Йонъ ни атвѣдайиць мяне.
Запряжыця мнѣ каня,
Паѣду къ яму сама.
Падъйнжджаю падъ лясокъ,
Падай, милый, галасокъ.
Пріѣджаю надъ ряку,
Падай, милинькій, руку.
Прыѣжджаю у сяло,
Мнѣ на серцы цижало.
Пиряѣхала я рѣу,
Кажуць-милый нииздарову.
Узъижджаю я на дворъ,
Кажуць-милый мой памёръ.
Атчынила дзвери у хатцы,
Ляжыць милинькій на ларцы.
Якъ я стала дли яго,
Уздыхнула цижало.
Охъ вы ножачки майе,
Пахадзились вы ка мнѣ.
Охъ вы, бравачки майе,
Намаргались на мяне.
Охъ вы, губачки майе,
Нацалавались вы мяне.

(с. Росуха, Мглин. уѣзда, со сл. 18 лѣт. парня въ 1899 году).

Што-й падъ дулькаю, падъ игрушкаю
Сядзиць голубъ сы галубкаю.
Цалуюцца, милуюцца
Свайой лубоую ни надивуюцца.
Аткуль узяуся сизакрылый арёлъ,
Разбиу, разлучыу пару галубоу.
Галубочка убиу,
А галубку самъ злюбиу.
Узяу у палу
Панесъ ка двару.
Пасыпау пшаницы,
Паставиу вадицы.
Галубка варкуя,
Ниць ня пъѐ,
У зеленъ садъ, па миламъ
Плакаць идзьѐ.
Галубка мая, ни плачъ у мяне
Успакою я цябе,
Йосць у мяне стада галубиная,
Идзи, выбирай, можа тамъ и твой.
Я хадзила, выбирала,
Ни знайшла таго,
Каго пациряла.
Такій галубокъ
Да ни такій галасокъ
Такій пёрушкамъ,
Да ни такій крылушкамъ.
Такій сызенькій,
Да ня мой миленькій.

(С. Жуково, Мглинск., у. со сл. 35 лѣт. женщ. въ 1898 году).

Ни йдзѣ я дружка ня виджу,
Ни у дзяревуни, ни у Масквѣ,
Тольки видзила дружочка
У цёмну ночку
У сладкамъ снѣ.
Я отдамъ сястрѣ малютку,
Сама выйду на-крыльцо.
Гляну я у тую старонку,
Ажъ мой миленькій идзѐ.

Кинулась къ яму на шыю,
Узывала яго дружкомъ.
Ня узывай мяне дружочкамъ,
Я цяперыча ня твой.
Я жанюся на другой,
А жанюся—ни нажыуся,
Ни падъ нороу жану узяу,
Ни падъ нороу, ни на мысли,
Ни па серцу сваяму.

(д. Невзорово, Стародубскаго у. со словъ 14 лѣт. парня въ 1899 году).

Матка доню била
Йдзѣ ты, доня, вѣнчыкъ [1]) загубила?
Край Дунаю палотны бялйла,
И тамъ, маци, вѣнчыкъ абранила.
Ну-ця, доню, грамаду зьбираци
Ну-ця, доню, людей пытаци.

Пойдзимъ, доня, вѣнчыка шукаци.
На што маци людзей турбаваци?
Лучча мацы на праудзи казаци.
Казакъ маладзѐнькій
Зняу вѣнчыкъ залацьенькій.

(с. Росуха, Мглинскаго у. со сл.)
См. Шейнъ, бѣлор. пѣсни, стр. 171 № 160 и 161.

Ходзя курачка па хаци,
Раскудакталася:
Якъ кудакъ, дыкъ кудакъ!
Пашла замужъ, да ни такъ.
Пашла разъ—ни гараздъ [2]),
Ни пайду у другій разъ.
А ужо-жъ мнѣ надаѣли
Чалавѣччы [3]) кулаки;
Кулакамы па плячахъ
Ладошкамы па щакахъ.
Якъ пасѣю василёчки
У свайомъ зялёнамъ саду,—
Вы расциця василёчки,
А я буду паливаць,
Вы хадзиця малойчыки,

А я буду прынимаць
Па чатыры, да па пяць.
Пойдзимъ у зѐленъ садъ гуляць.
Малойчыкоу выбираць.
Выбраушы малойчыкоу,
Пасадзила усвхъ за столъ.
Сама пашла за вадой,
Проци кумава двара
Вядзёрачки разбила.
Стайиць кумъ у варотахъ,
Насмихайицца,
А чыя-жъ йега хата
Вытапляйицца адна,
Стайиць борщъ у пячы
Исказйуся кипучы.

(с. Росуха, отъ 29-лѣтн. парня въ 1899 г.).

Охъ! Щогалька была!
Щыгиляла!
Я на тыхъ дрожкахъ
Ѣжджала,
Што возюць навозъ.

Эй! Щыгиляй, ня бойось!
Чулки новы—пяты голы,
Плаццяя длинна .... видна.
Эй щогалька была!..

* *
*

Лезу, лезу по зялѐзу,
По каминю вада йдзьець.

Хто жъ мяне вѣрна любя,
Тэй и у запечку найдзьець.

* *
*

А Божа жъ мой, тольки!
Аборачки тонки!

Нихто аборакъ ни пауйе,
Нихто замужъ ни бярѐ!

* *
*

Бйтця дзѣуки трыпака
Ни жалѣйця лапцевъ!
Вацька лапци пошляцье,

Братъ абоды папауйе
Матка анучы падзяре,
Сусимъ дзѣуку прыбяре.

* *
*

[1]) Дѣвственность. [2]) Не очень-то. [3]) Мужъ, человѣкъ.

Я на бо̀тцы сяджу
Слёзы ко̀цюцца!
Якъ выйду я за варо̀ты
Тра-та-та,
Стайиць майя мілинькая
У варата̀.
Дзъѐнигъ нѣту ни капейки,
Выпиць хо̀чыцца!
Охъ, ци майя,
Ци ни майя будзя,
Якъ забачу,
Майо серца нўдзя.

(д. Лупеки, Стародубскаго уѣзда со словъ 20-лѣтн. женщ.).

Сядзиць сўтарма на пѐчы
А праява на палў
А я сўтарму зарѣжу,
А праяву задаулю.

(въ 1858 г. со сл. 18-лѣтн. дѣвки въ с. Росухѣ, Мглинскаго уѣзда).

Загадау мнѣ мужыкъ,
Загадау чалавѣкъ,
Вары̀, жо̀нки лины (bis)
Я на сѣняхъ ты-ли-ли,
Я на новыхъ—ты-ли-ли,
Буццамъ варю лины (bis),
А я линду ни варыла,
Свайго мужа-й адурила.
Ей Богу жъ адурыла,
Ей жа Богу адуры̀ла.
Загада̀у мнѣ мужы̀къ,
Загадау чалавѣкъ.
Вары жо̀нка гаро̀хъ (bis),
Я на сѣняхъ тарарохъ,
Я на новыхъ тарарохъ,
Бўццамъ варю гаро̀хъ.
А я гаро̀ху ни варыла,
Свайго мужа адуры̀ла.
Ей Богу жъ адуры̀ла,
Ей жа Богу адурыла.

(Записано въ 1858 г. въ с. Росухѣ, со словъ 35-лѣтн. женщины).

Дзяучонка майя,
За што цябе бъюць,
За што ругаюць?
Я бъ табѣ хвартучо̀къ купйу.
Купили-жъ табѣ,
Знасили-жъ табѣ
Шублики-бублики
Шауцы̀-крауцы̀,
Канава̀лы-шапава̀лы,
Палко̀уники-янара̀лы,
Кудлатыя паничи,
Паповичы дураки.

(Позаимствовано въ 1858 г. въ с. Росухѣ, Мглинскаго у. отъ 30-лѣтн. мастерового по профессіи шаповала).

И туды̀ гара и сюды гара,
Па̀ мизъ тымы гара̀мы
Выхадзила заря;
Да то ни заря,
То дзяучо̀нка майя.
Зъ рўблинай крынічаньки
Вадзицу брала.
Пастой, дзѣука-чарнобры̀ука,
Дай каню вады,
Зъ рублинай крыничаньки,
Съ по̀унаго видра̀.
Па̀рынь, парянёкъ
Ня воля майя.
Тады буду каня напава̀цы,
Якъ буду твая.
Дзяучына мая,
Садзись на каня.
Мы паѣдзимъ чыстымъ полямъ
Да майго двара.
Паринь-парянёчыкъ,
Нима у цябе
Ни кала, ни двара.
Стаяу кустъ калины,
Й-тая ни цвила̀.
Калина майя, учомъ ты ни цвила?
— Зима была люта, у томъ я ни цвила,
— Дзяучына майя, у чомъ замужъ нийшла?
Мала была—у пана служыла,
У томъ замужъ нийшла.
— Паринь парянёкъ, у чомъ ты халастой?
Службу царськую служыу,
На вайнѣ я бы̀у,
У томъ я паринь маладой,
Ни жанатый—халасто̀й.

(въ д. Бородинкѣ, Мглинскаго уѣзда въ 1893 г. со сл. 19-лѣтн. парня).

Ой, выйдзи, выйдзи, дзяучоначка,
Пагаворымъ мы съ табòю.
Сажджы, парынь, гадзиначку
Сажджы, паринь, другую,
Пòкуль роднаму бацюшцы
Вячэрю згатўю.
Сажджы, парынь, гадзиначку,
Покуль свойой родной матушцы
Бѣлу пасцьель пасцялю,
Тады къ табѣ, парнишачка,
На парадачку прыду.
Чаму табѣ ни гадзѣци,
Па гòреньки хòдзючы?
Якъ то мнѣ, добру молайцу,
На марози стòючы.
Памарòзиу бѣлы ножачки
Да дзѣвачки хòдзючы,
Пападрау я карманики,
Гасцинчыки нòсючы.
Папацѐръ я жупàники,
Па заборамъ лазючы.

(д. Лупеки, Стародуб. у. со сл. 40-лѣтн. женщ. въ 1898 г.).

На вўлицы, на вулицы,
На вулицы да усѐ кузницы (bis).
Куюць, ильлюць, куюць, иллюць
Куюць, ильлюць, да-й паварываюць.
Къ сабѣ Дуню прыгаварываюць (bis).
Пòйдзимъ, Дуня, пòйдзимъ, Дуня,
Пòйдзимъ, Дуня, ва лужокъ, ва лўжокъ.
Сарвёмъ Дуни, сарвёмъ Дуни
Сарвёмъ Дуни лапушокъ, лапушокъ (bis).
Наси, Дуня, наси, Дуня,
Наси, Дуня, ни марай, ни марай,
Па празничкамъ надзѣвай, надзѣвай (bis).

(въ с. Росухѣ, Мглин. у., въ 1859 г. отъ хорового пѣнія позаимствовано).

Адинъ купецъ расказау,
Якъ йонъ дѣвицу ласкàу—
Панаравилась паходачка твоя,
Паходачка дробна-частинькая.
Двѣ пташачки канарейки
Па падъ небесю летять,
Двѣ дѣвачки красныя
Падъ вакошачкамъ сидять.
Аны сабѣ тайныя рэчы
Пра сонъ милый гаврють—
Сонъ мой милый, сонъ щасливый
Варатися, сонъ, назадъ!
Ащаслиу ты красну дѣуку
Хоть у свѣти одинъ разъ.
Гаворачка распріятинькая,
Да што ступишъ,
Распатѣшышъ ты мяне.
Загаворышъ-звисялишъ ты мяня.
Мой милинькій йонъ паѣхау
За тысячу двѣсти верстъ.
Йонъ и самъ ка мнѣ ня ѣдить,
И паклона мнѣ ня шлёть.
Йонъ другую спалюбиу
На мяне, младу, забыу.
Запрапала майо щастѐ
У тёмнамъ лѣси на травѣ,
Разальлецца кро́у гаря́ча
Па сырой мати зямлѣ.

(Посадъ Клинцы, Суражскаго у., со сл. 25-лѣтн. печника въ 1899 году).

Лѣтъ симнанцати малчышка
Ни жанатый—халастой,
Какъ задумау йонъ жаницца,
Баславоньня стау прасить,
Дазволь мнѣ узять, папаша,
Каторую я люблю,
А папаша ни павѣрыу,
Што-й у свѣти йость любòу.
Сынъ заплакау, ва зялёный садъ пашоу
Ишоу садикомъ зялёнымъ,
Ишоу дарожкай сталбавой,
Несъ йонъ шаблю, тачну войстра
И зарѣзау самъ сябя.
Пакатилася галоука
Па зяленай па травѣ.
Заставайтесь тымъ даволны
Што прыкончиу самъ съ сабой.

(со словъ того же въ 1899 г.

Дѣ ты милый скрыуся,
Дѣ тябе шукать,
У Адести застауся
Чувалы таскать.
Чувалы тяжолы,
Плечачки балять.
Лўччы-бъ я наняуся
Водкой таргавать.
Атъ водки вина
Балитъ майо серце
Ташницца душа.

(Отъ того же въ 1899 г.).

Пращай Харькау, да свиданьня
Аставайся, а я прочъ.
Атхажу я на стражданьня
Пылъ-дарожку тδучъ.
Пылъ набъецца у носъ, у вушы,
Лобъ атъ жару засмылить.
Палка тоустая гатова
У дверяхъ яна стаить,
И тарбинка съ сухарямы
Иена на гвоздику висить.
Назадъ ни звярнуся, сюды ни прыду,
Будишъ, мила, прыпадаты
Ты къ маяму сляду.
Я ни прыпадала,
Прыпадать ня буду,
Гарявала я съ табою,
Вивъ тябе ня буду.

(д. Невзорово, Старод. уѣзда, со словъ 18-лѣтн. хлопца въ 1899 г.).

Охъ, садъ, ты мой садъ зиляненькій
Ты зачымъ рапа цвятёшъ, абсыпайися?
Ты далече, мой милδй, убирåйнсься
Ты съ усими, милδй, ты пращайнсься,
А са мной маладой усё ругайнсься.
Што—й лятѣла пава тирязъ синя моря,
Уранила пава съ крылъ пѐрушка,
Мнѣ ни жалка павы--жалка перушка,
Мнѣ ни жалка ацца, мати,
Жалка молайца.

(Отъ того же въ 1899 году).

Салавей мой, салавей,
Салоуюшка лугавой
Ты куды, куды лятишъ,
Куды Богъ тябѣ нясёть?
Палячу я, салавей,
Тирязъ тры девять зямель
Къ удовачки у зелянъ садъ.
Сѣу у удоукинамъ саду,
На яблани у листу,
Какъ на яблани сахδрнай
Я усю ночку прапѣю;
Маладая удовачка,
Ни стушаючы агню,
Усё сидѣла дли вакна
Да слухала салауя.
Салавей мой, салавейка,
Ни лятай ты у мой садъ,
Ни садися на вакнѣ,
Ни задавай жалю мнѣ.
Мая бѣдна галовачка
Многа у свѣти пажыла
Много горя бачыла.

(Отъ того же въ 1899 году).

Послѣднее десятилѣтіе, кромѣ прежнихъ старыхъ пѣсенъ, молодые дѣвки и парни стали распѣвать, такъ-называемыя «прыпѣуки», которыхъ, какъ они сами выражаются, «бизъ чысла».

Состоятъ эти принѣвки изъ нѣсколькихъ риомованныхъ строчекъ и поются всѣ на одинъ мотивъ. Онѣ вошли въ моду съ тѣхъ поръ, какъ въ большихъ экономіяхъ начали разводить табачныя плантаціи.

И вотъ деревенскія дѣвки, работая на поденной работѣ этихъ плантацій и позаимствовали припѣвки отъ почепскихъ дѣвокъ. А затѣмъ и сами стали добавлять и присочинять по своему вкусу подобные куплетики въ родѣ слѣдующихъ:

Продамъ ленту изъ касы̀,
Куплю миламу часы.
— Намъ ня дараги часы,
Дδраги цапδчки,
На чδрта намъ богачы̀
Богåтага дδчки.

(Запис. въ с. Михайловскомъ, Старод. у., отъ 17 л. женщ.).

Капуста мая,
Шырокія лѝсты.
Атступитесь шарлатаны,
Къ намъ идуть артисты.

(Отъ той же).

Ни па небу хмара хδде—
Па нябесной высатѣ.
Не по дѣукахъ хлопцы плачуть,
Па дявоцкай красатѣ.

(Отъ той же).

Ни журися, мая мила,
Што у кармани пустатà,
У мине денижки вядуцца,
Якъ у рѣшати вадà.
Ни журыся, мая мила
Я нийдѣ ни прападу,
Многа грàмати научỳся,
Ув ахвицѐры пападỳ.

(со сл. 19 л. д. въ дер. Борознинѣ, Стар. у.).

У меня миленка есть,
Страхъ па вулицы провесть:
Ротъ шырокій, носъ дугòй,
Ножки тягнуцца дугой,
Лашадѝ пужаюцца,
Кучары ругаюцца.

(Отъ той же).

У милашачки маей
Нѣту кохтачки свaей.
Я милёнку спалюблю,
Я ей кохтачку нашъю.

(Отъ той же).

Нѣтъ цвѣточка, нѣтъ саднны зиляной,
Нѣту милай на вулицы—отпрауляюсь я дамой.
У чòмъ салдата ни любить,
За салдатàмъ панства;
Заклàу руки у карманъ,—
Усе яго хазяйства.

(Отъ той же).

Охъ ты сукина дочъ!
Йдѣ гуляла усю ночъ?
— Ни бранися маминька—
Харошъ, харòшъ миленькій
У рубашачки у сининькай.
Чаго яму лỳччы дать,
Ти сахару бѣлаго,
Ти винограду сьпѣлага.

(Отъ той же).

Нашы дѣвачки красивы
Чатьвиртака у мяне прасили,
Ну я малчыкъ былъ удалъ,
Палтары капейки далъ.

(Отъ той же).

Ой мы думали, гадали
На ваду вянки пущали,
Мой вяночыкъ патанулъ,
Мой миленькій абманулъ.

(въ с. Гарцовѣ, Стар. у., отъ 18 л. дѣв.).

Гармонь мая лаковà,
Провожала—плакала.
Проводила я дружка
Да зяленага лужка.
Отъ лужка и до лужка.
Пращавàй, сударушка.
Правадила да забору
Цаловала бизъ разбору,
Правадила до варотъ,
Удивила увесь народъ.

(Михаиловичи, Стар. у., со сл. 17 л.).

Хорашо милый играйишъ,
Твойимъ холадно рỳкамъ
Падайдика подъ вакошка,
Я пирчатки тибѣ дамъ.

(Отъ той же).

Я па вулицы ишла
Пыламь запылилась.
Я сидѣла подъ вакошкамъ
Да и повѣйиу витярокъ.
Шила миламу рубашку
Вышивала каунерёкъ.
Рада бъ зь милымъ постояти—
Людей постыдилась.
Я и шыла вышивала,
Ни хватила шолку.
Сколькн зь милымъ ни стаяла,
Ни дабилась толку.

(Отъ той же).

Скольки Богу ни малюся
У святые ни папаў.
Не ходи, милъ, кале моря,
А то у воду упадешъ.
Не сватай ты багатыя,
А то зъ горя прападешъ.

Ув адну дѣвачку улюбиуся,
За сибѣ яйе ни узяу.
Багатая праклятая,
Ана вочинь пышна;
А бѣдная—харошая,
Якъ у сади вишня.

Пожилыя женщины смотрятъ на припѣвки, какъ на нѣчто безнравственное и легкомысленное, и съ гордостью заявляютъ: (въ селѣ Высокомъ, Стародубск. у.) «нѣ, у нашамъ сялѣ пяють тольки медзвинныя харошыя пѣсни, а йетыхъ прыпѣвакъ, слава Богу, ня чутно. То вонъ пяють прыпѣуки тыя дѣуки, которыя звыкли таскацца па гарадахъ да па табакахъ».

Въ уѣздныхъ, заштатныхъ городахъ и мѣстечкахъ.

Въ настоящее время уличное хоровое пѣніе въ городахъ считается нарушеніемъ общественной тишины и спокойствія. Нѣсколько же десятковъ лѣтъ тому назадъ, когда городничіе больше были заняты доходами съ аршинниковъ и самоварниковъ, чѣмъ городскими порядками, и сами послѣ вечерняго чая не разъ возсѣдали въ халатѣ на лавочкѣ у воротъ дома, – городская молодежь обоего пола изъ мѣщанъ и подгородныхъ хлѣбопашцевъ пользовалась тоже патріархальнымъ деревенскимъ правомъ собираться на улицахъ, гулять и распѣвать. Это не фабричное, полупьяное пѣніе, вызванное хмѣлемъ. Нѣтъ. Здѣсь въ теплую лѣтнюю ночь собиралось юношество встрѣчать свою первую весну. Здѣсь выбирали себѣ подругу будущаго трудового житья и воплощали свою жизнерадость въ громкой пѣснѣ, ощущая, быть можетъ, первое біеніе сердца вблизи любимаго существа.

Когда съ появленіемъ исправниковъ и полицейскихъ надзирателей начали въ городахъ запрещать всякія сборища и игры, молодежь долго отстаивала свое неотъемлемое право облекать свои чувства въ пѣсню и первое время не слушалась полиціи.

При введеніи этого новшества зачастую гдѣ-нибудь въ концѣ улицы, подъ заборомъ сада, вдругъ раздавался громкій хоръ. Полиція спѣшила туда, но молодежь заранѣе разставляла своихъ караульщиковъ, которые, заслыша шаги власти, бѣгомъ пускались къ сборищу, и, когда полиція прибывала на мѣсто, ребяты уже сидѣли на деревьяхъ, и все было тихо. Иногда пѣніе раздавалось въ разныхъ концахъ города, но хористы, какъ пѣвчія птицы, сидѣли на «верби у канцы гребли».

Само собою разумѣется, что прекрасный полъ при такихъ нелегальныхъ условіяхъ уже не участвовалъ въ гуляньяхъ.

Благодаря этому вскорѣ перестали собираться на гулянья—и подъ Ивана Купала. Къ вѣнцу и отъ вѣнца и прочіе свадебные поѣзда ѣхали молча безъ пѣнія. Только на святой недѣлѣ Пасхи въ уѣздныхъ городахъ даже и теперь позволялося на одной изъ улицъ или на площади водить хороводы съ пѣснями.

Также уцѣлѣли еще щедровныя пѣсни на Рождество и рекрутскія пѣсни. Въ остальныхъ пѣсняхъ нѣтъ строгаго распредѣленія по временамъ года, какъ въ деревняхъ. Поютъ, какія кому и когда угодно.

Мѣщане, мелкіе торговцы и прочій мало интеллигентный городской людъ смотрятъ на полѣсцовъ съ предубѣжденіемъ и выражаются такъ о нихъ: «йета тольки мужыки нибразованные дзьѣкаютъ да цьѣкаютъ, а у насъ у гаради гаворюць па благородному».

Образчики разговора «по благородному» пагарскихъ мѣщанъ на рынкѣ.

«Здрастутя вамъ. Слухайтя минѣ сюды—ти ня угодна вамъ купить у мяне пянёчку. Дишавей зи минѣ зроду ни у каго ня купится... Жалайте, ти нѣ? Ни жалайтя? Ну объ йетамъ прощайтя, да свиданія атъ васъ»...

Въ Мглинѣ и Почепѣ на базарѣ:

«Тетинька, а тетинька! сюды тетка, дулякъ харошинькихъ! выбирайтя, якія вамъ заугодно».

«А ты мадйца, чаво станшь? Купляй дули. Кольки табѣ дисяткау?»

Въ Стародубѣ на базарѣ:

«Дядька съ кашалёмъ, а дядька! Хади сюды! Ишъ яго! и ни аттукаицца. А штобъ табѣ вушы пазакладавало».

«Пани, а пани! Во бублики гарячые. Ни бярите у яйе, майе смашнѣй. На чёмъ дасьтё за вязку?

«7 коп.» отвѣчаетъ паня.

«Дивитися-тка, ти хто чуу, ти хто бачыу, штобъ за тольки баранкау да 7 капѣекъ узять. А штобъ табѣ паничка мая, семь балячекъ», говоритъ она въ сторону, когда покупательница повернула спину.

Нижеслѣдующія пѣсни записаны со словъ огородницъ, мѣщанокъ заштатнаго города Погара.

Весной, по случаю «невылазной грязи», которою отличается Погаръ, молодежъ затрудняется даже въ выборѣ сухого мѣста на площади города, гдѣ бы можно было на святой недѣлѣ водить хороводы. Вонючая, глубокая грязь идетъ сплошной лентой по улицамъ до самыхъ стѣнъ домовъ: ни тротуаровъ, ни пѣшеходныхъ тропинокъ не имѣется, такъ какъ могучее око земства еще не заглядуетъ сюда, по дѣлу мощенія улицъ и осушенія города.

Но къ удовольствію и забавѣ молодежи вблизи города протекаетъ рѣка Вабля, туда то парни и дѣвки отправляются на гулянье, садятся «у човенъ» катаются по рѣкѣ и поютъ:

Ни па Волзи рякѣ
Быстеръ човенъ плыве,
Што-й у томъ у чаунѣ
Маладой удалецъ,
Держить вѣслы у рукахъ
Шапка съ кистямы на йомъ.
Къ тиряму падъѣжджау,
Салауйомъ прасвистау,
Съ чарнаглазай душой
Усю ночь прагуляу,
Ни таскуй, ни гарюй,
Ты нявѣста мая!
Ни на смерть я иду,
Ни схаронють мяне,
Я назадъ варачусь,
На табѣ ажанюсь.

(м. Погаръ, со словъ).

Якъ пасѣю я лянокъ
У чыстомъ поли на лужку,
Ты расти, расти, мой ленъ,
Тонокъ, довигъ и високъ,
Изъ корыня карянистъ,
Зъ галовачки симянистъ.
Якъ пачую пра свой лёнъ,
Увесь патоптанъ, паваленъ,
У пастельку палажонъ.
Тры дарожки праляжали,
Тры малайца прабяжали,
Тры халостинькихъ,
Тры малодинькихъ.
Пасавѣтуйтя, падружки,
Мнѣ катораго любить?
Што—мнѣ перваго любить—
Нада щогална хадить,
А другого палюбить—
Покорненькій треба быть.
А мнѣ третяга любить—
Увесь нарау треба зьмянить.
Палюбила малайца
Изъ за Питера—купца.
Узяу дѣвачку, падхватиу,
У карабликъ пасадиу,
Па Волзи рякѣ пустиу.
Волга ряка ни прымая,
Къ биряжочку прыбивая.

(м. Погаръ, со словъ 20 лѣт. дѣвки въ 1898 году).

Хороводная.

Видна ты, рожа, адна у гардůи,
Рожа, ты, рожа чырвůная.
Кала мяне сидять красачки раднůя.
Тольки кала мяне нѣту
Аднаго каралёваго цвѣту.
Рожа, ты, рожа чырвůная.
Я-й таго пасаджу,
Красачками абгараджỳ.
Видна, ты, дѣвачка,
Адна у батюшки.
Хоть адна, да й тая людна,
Рожа, ты, рожа чырвůная.
Кала мянѣ сидять
Дѣвачки красныя.
Тольки нѣту кала мяне
Аднаго Иваничка.
Рожа, ты, рожа чырвůная.
Я-й таго пазаву,
Кала сябе пасаджу.
Дѣуками пагарскими абгараджу.

Щедровныя пѣсни.

Слѣдующую пѣсню пѣли вѣроятно крѣпостные подъ окнами своихъ господъ:

Што-й у пана, у пана
Микалая Васильлявича
Адинъ сыночыкъ, якъ сокалочыкъ.
Йонъ и таго у войська знаряджàу,
Каня вывадиу, да й—прыкàзывау—
Ѣдь, мой сыночыкъ, якъ сакалочыкъ,
Па пѐредъ войська ни хапайся,
Ззàди войська ни аставайся.
Батюшки свайго йонъ ни паслухау,—
Папярёдъ войська на канѣ играя,
Папярůдъ усихъ мячůмъ махая.
Ѣдя поля, ѣдя другůя,
На третьтя увъѣжджая.
Яго батюшка ни угадая.
Батюшка кажа-то мѣсячка свѣтъ
Матушка кажи—то нашъ сынъ ѣдя.
Якъ заслůшау пра то
Да руській кароль
Калибъ я знау,
Чый то сынъ играу,
Ябъ за яго каралѐуну атдàу.

(со сл. 40 лѣт. женщ. м. Погаръ, Стародуб. у.).

Слѣдующую пѣсню говорятъ «гадицца пѣть у доми, штобъ Богъ пасылау ураджай и споръ усюды».

Добрый вѐчаръ
Мосьцья панове!
Славенъ ясы,
Нашъ милый Вожа
На нибясы.
Раставляйтя сталы тясůвые,
Накрывайтя сталы каурамы,
Наливайтя кубки мядàмы,
Будутъ къ намъ трůя гастей:
Первый гость—весялъ мѣсячка,
Уторый гость—жарка соньняйка,
Третьтій гость—дробинъ дожджычакъ.
Во што змовя ясенъ мѣсячка:
Якъ узыйду рана зь вечара,
Узрадую пана у дарůзи,
Паню у дамỳ.
Што—змовя жàркая соньняйка:
Якъ узыйду рана на зары,
Узрадую добрыхъ дѣтачакъ.
Во што змовя частый дробинъ дожджычакъ,
Якъ прайду я хоть разъ на лѣти,
Ураджу я жыта пшаницу,
Усяку пашницу
У поли ядромъ,
У дварэ добромъ,
На лугу стагàмы,
На гумнѣ капамы,
У клѣти карабамы,
У пячы пирагамы.
Славенъ есы,
Нашъ милый Вожа
На нибясы.

Паздравляимъ съ новымъ годомъ, съ единымъ Богамъ, штобъ здровиньки были, многа лѣтъ жыли.

(М. Погаръ, со сл. 25 лѣт. женщины въ 1897 году).

Пѣсни, што пяюцца у бясѣди.

Погарцы очень словоохотливый и веселый народъ. Въ компаніи или у бясѣди стоитъ выпить рюмку или двѣ водки, сейчасъ начинаются пѣсни и танцы съ припѣвами. Преимущественно женскій полъ охо̂чъ до пѣсенъ.

Йость у по̂ли тры дарожки разныхъ,
Хадиу парэнь да дѣвочки позна.
Прашу тябе, ни хади да мяне,
Будя слава пра табѣ и пра мянѣ.
— А я тыя славы па вѣкъ ни баюся,
Сь кимъ люблюся, съ тымъ ни разлучуся,
На рыначку сяду—й-—абнимуся,
Сь кимъ спазнаюсь, съ тымъ звинчаюсь.
Разыграуся конь варо̂ный пада мной
Падъ наборнай збруяй залатой.
Охъ! и хто-жъ то каничаньку спаймая?
Охъ! и хто-жъ то мо̂лайца скавая,
Спаймала каня красная дяучо̂нка,
А скавала мо̂лайца да ро̂дная мати,
Ни строй, мати, каменнай палаты,
Прыкуй, мати, къ дѣвиччай карвати.

(м. Погаръ со сл. 45-лѣтн. женщ. въ 1897 году).

Плыла щука съ Крымянчука волнаю вадою,
Атбила щука рыба атъ беряжка ряску,
Патиряла дѣвачка атъ молайца ласку.
А я тую щуку рыбу нѐвадамъ спаймаю,
А я свайго милянькаго рэчамы уянаю.
Я яднала—ни уяднала, у бальшой таски стала.
Сватай мяне, равсукинъ сынъ, ня вводь у худу славу,
Сама сабѣ дѣвачка славачки даходишь,
Ранинька и по̂знинька зъ вулачки ня сходишъ.
Стану размауляти, ня мо̂жышъ атстати.
Ня вѣрь жа ты, дѣвачка, майимъ гавдрачкамъ,
Дяржы вумъ разумъ у свайой галовачки.
Я дяржала вумъ и разумъ, да-й пустила у воду,
Ни упаваю я, милинькій, на тваю худо̂бу.
Спалюбила я тябе за тваю удо̂бу.
Я-й ти журюся, у пичаль ни удаюся
А выйду я за вароты, атъ вѣтру валюся.

(Погаръ, со словъ 25-лѣтн. женщины въ 1897 году).

У майго мѝлага расте тры садочки,
Што-й у первамъ са̂ди зязюля кукуя,
У другомъ—зяленамъ салавейка свища,
А у третьтямъ вишневамъ мать съ сынамъ гуляя.
Яна зъ йимъ гуляя, у сына прауды пыта̂я—
Скажы, мой сыночыкъ, хто табѣ милѣйиѣ?
Жана, али тёща, али мать ро̂дная?
Мати моя, мати, чаго ты пытайишъ
Ума, ти бязумъя, ти розуму майго?
Жана мнѣ мила, жана па закону,
Теща мнѣ мила, мила дли заѣзду,
Милѣй ро̂днай мати ў бѣламъ свѣти нѣту.
Яна мяне спараджала,
Три гадочки кахала,
Жарка свѣту ни тушыла,
Темну ночку ни усыпала,
Усё у калыски калыхала.

(м. Погаръ, со сл. 40 лѣт. женщ. въ 1898 г.).

См. Шейнъ. бѣл. пѣсни стр. 340, № 403, стр. 338 № 401.

Салавейка малюсинькій,—
У тябе голосъ танюсинькій,
Запѣй рана на зарѣ,
Узвясели ка ты мяне.
У чужой далней старанѣ
Нѣту роду тутъ пры мнѣ,
Нѣту рôднаго ацца,
Ни сястрыцы, ни брацца.
Пайду у поля пагулять.
Свайго роду пашукать,
Усе поля абайшоу,
Свайго роду ни знайшôу,
Только я знайшоу былину
На матярнай на магили.
Ты, былиначка, схилися,
Сыра зимля растварися,
Устань, мати, ни ляжы,
Мнѣ дарожку пракажы.
Рада бъ, сыночку, я устати,
Дарожку праказати,—
Жоутые пясочки
Засыпали вочки

(м. Погаръ отъ 17-лѣтней дѣвки въ 1895 году).

То ни чарачки па столику пабрякаваютъ,
То удалые мôлайцы пагуливаютъ,
Аны пѣсинки пяють
У теремъ голасъ падаютъ.
Слухай, дѣука, слухай красна,
Слухай, душачка мая,
Ты када будишь мая?
Ни загадачку дяучоначка загадавала,
Ни задумачку красная задумавала.
Загарицца гарючъ каминь
Сирядй Волги рякй.
Сяредъ синя моря
Парастетъ палынь трава,
Разальлецца быстра рэчка
Супрати майго вакна,
Тады буду я твая.
Нашу дѣлу ни спалнѧцца
Намъ съ табою ни брацца.

(м. Погаръ, со сл. 40-лѣтн. мужч., огородника въ 1898 г.).

Ни садися, салавейка,
На майомъ вакнѣ,
Ни хади, малодчыку,
Позна да мяне
Ни узводь, малодчыку,
Славы на мине,
Была, была слава,
Были пагаворы
Пра тую дяучоначку
Што чорныя бровы,
Тая дяучоначка,
Якъ поуная рожа,
Якъ поуная рожа
Дѣвачка прыгожа.
Иде—загаворя,
Якъ у звонъ зазвôня.
Иде—засмѣецца,
Дунай разальлецца,
Кали заспѣвая,
Якъ у листъ читая.

(м. Погаръ, со сл. 17 лѣт. дѣвки въ 1895 году).

Рекрутскія.

Зьбирауся на біитьу,
Пращауся жъ жаной,
На пращаньни сказау:
Жана будь вярна.
Ня слухала малôдка
Мужа свайго.
Мужа забыла,
Дитя радйла
Иной мужъ зъ палку
У пабыуку дамоу,
На пути дарожки
Таварышъ идеть—
Здарôу, брать таварышъ,
Ти жива тамъ сямъя.
Симъя уся здарова.
Случылася бяда,
Бяда ниболшая:
Жана радйла.
Мать сына сустрикала
Съ иконай святой,
Жана маладая
Съ гарючай слязой.
Мать сына прасила—
Прасти, сынъ, жанѣ.
Табѣ, мать, пращаю,
Жанѣ—никагда.
Блиснула шабелька
У рукѣ баевой,
Скатилась галоука
Жъ жаны маладой.

(м. Погаръ со сл. 45 лѣтъ женщ. въ 1896 году).

Праваджала маманька
Сына у салдаты
Да-й заплакала—
Вярнись, вярнись, мой сыночыкъ,
Хоть на, адинъ дянёчыкъ
Ни вярнуся, маминька,
Ни на адинъ часочыкъ.
Сиряди лѣта тёплаго
У гости прилячу,
Сяду я падъ ябланкай
У зилёномъ саду
Запяю я пѣсянку
Тонкимъ галаскомъ.
Мима таго садику
Маминька ишла
Нявѣстачки—ластачки,
Вы паслухайтя
Хто у нашамъ садику
Жалабна пяѣть?
Сынъ мой разлюбезный
Голосъ падаѣть.

(м. Погаръ отъ той же въ 1896 году).

Што й ты, рѣчачка, Палтаука,
И шырока и глыбока
И валною шыбка бъе.
Якъ ударыла вална
Абъ крутыя бяригà,
Разливалася вадица
Па зялёниненькимъ, лужкàмъ.
Умывалася дявица,
На бѐряжку стаючы.
Вынимала сы кармана
Гарнитуравый платокъ,
Утирала красна дѣука
Свайо бѣлая лицо.
Яна умывалась, яна набѣлялась,
А замужъ пошла,
Мужу пакарялась.
Мужъ ряйнивый быу,
Хатѣу жанỳ зарубить,
А жана мужа усю ночку прасила—
Ни руби мянѣ рана зь вѐчара,
Заруби мянѣ сы вечàра да палỳначы,
Дѣтки будуть спать,
Яны ня будуть знать.
Къ бѣлу свѣту дѣтки прашнулися,
Родный батюшка, идѣ наша матушка,
Ваша матушка у святлицы умываицца,
Яна умываицца, яна набѣляйцца.
Родный батюшка, то ваша нипраудачка.
Наша матушка у святлицы зарубана,
Закопана падъ бѣлай бярёзаю,
Прыкрыта гнилою калодаю.
Дѣтачки-жъ майе, ни укаряйтяжъ мянѣ
Ни винаватъ я, ни у прычыни я,
Винаваты у томъ уси дружки майе,
Уси тавàрышы.

(отъ той же въ 1896 году).

Атдала мяне мати за разбойничка.
Сы вечара, сы палуначы
Разбойнички на разбой идуть.
Ужо свѣтъ—падъ абѣдъ
Разбойничкау дома нѣтъ.
Ужо люди пабѣдали,
Разбойнички прыѣхали
И стучыть и грючыть
У новыя варата—
Принимай жана
Дивятёрку лашадей.
На дисятамъ варанòмъ
Самъ разбойникъ удалòй.
Принимай, жана,
Платьтя цвятнòя,
Ни дивись, ни сматры,
На Дунай ряку, няси,
Маладая жана ни утѐрпила,
Пагля̀дѣла яна, важжахнỳлася:
Ахъ ты воръ, ты разбойникъ,
Пагубитель души,
Загубѝу майго брата,
Свайго шурына.
Цыцъ, шельма, замаучы,
Скипишъ сама на нажы,
Што-й на первай устрѐчы
Аццу—мати ни спущу,
Хоть сва̀йю съ плечъ
Галòвачку сыму.

(отъ той же въ 1896 году).

Прàщай атецъ, радная мать,
Праститя сына свайяго,
Щитайтя дни маи асталныя
Часы гуляньня майяго.
Пращай, атецъ, радная мать,
Падайтя мнѣ каня гнядòга
Съ каукаэьськимъ вỳбранымъ сядломъ.
Пращай, атецъ, радная мать,

Я сяду на каня быстрога,
Слязамы грудь усю абальлю.
Пращай, атецъ, радная мать,
Здрастуй чуждая страна,
Богъ вѣсть, когда я варачуся
Апять на родину свайю.
Пращай, атецъ, радная мать,
Прастітя сына свайяго.

(м. Погаръ, со сл. 22 лѣт. дѣвки въ 1899 году).

Слѣдующія пѣсни записаны въ Мглинѣ со сл 35 лѣт. женщ. въ 1899 году.

Чырвоная ты, калиначка,
Што-й у лузи вырастала.
Щасливая ты, дяучӧначка,
Што любӧви ни знала.
Любоу наша хараша,
Да разлука тижала.
Разлучыла насъ няволичка,
Чужа—далняя староначка,
Низнакомый здѣшный край.
Якъ сяду я, маладюсинька,
Падъ ракитавый кустокъ,
Вы кусты майе ракитавые,
Прикланитися къ зямлѣ.
Вы пташачки—канарейки,
Сабирайтеся ка мнѣ.
Ращыплитя майо тѣлячка
Па малюсинькимъ частямъ.
Не ма жъ майго милаго
Ни туты, ни тамъ.

* * *

Я па лѣсу йшла,
Я па тёмнаму йшла,
Ни баялася.
Шауковая травачка
У слѣдъ слалася.
Па лясочку, па зяленаму
Листочки шумять
Пра насъ съ табой, миленькій,
Люди судють и гаворють,
Пущай судють и гаворють,
Я да тябе буду хадити,
Тябе вѣрна любити.

* * *

Сярдечка майо, сярдечка,
Чаго балязнуйишъ?
Ты скажы, мая милàя,
Каго вѣрна любишъ?
Аднаго дружка любила,
Плакала, тужыла,
Плакала, гаривала,
Мала ночы спала.
Охъ ты, ночачка мая темная,
Каравать моя, ты, тясовая!
Я усю ночачку прастопла,
Другу ночачку перядумала
Третьтю ночку я праплàкала
Свайго милаго упрашывала:
Прашу тябе, другъ, ни прагнѣвайся,
Што мнѣ за тябѣ ни хатѣлася,
Хатѣлась мнѣ да-й за луччага,
За бѣлаго, за румянаго,
За Ивана кучарявага.

* * *

Систра мая, сястрыца,
Чаго рана стара стала?
Ты, сестра, сястрыца,
Калибъ ты майо горя знала,
Ты бъ у мяне—й ни пытала,
Сыноу ни жанила,
Дачӧкъ ни т'давала
На чужой рабӧти.
Горька притамлюся,
Приду у чужу хату,
Зьѣмъ сухӧга хлѣбца,
Слязьмы абальлюся.

* * *

Якъ засвища салавей
У темнамъ лѣси,
На калины сидючы,
Горьку ягаду калину клюючы.
Якъ заплача моладецъ,
У тюрэмки сидючы—
Охъ вы, брацы таварышы мане,
Накажытя майму батюшки у даму,
Нихай батюшка худобку прадае,
Мяне моладца съ тюрьмы баре.
Прападай ты, мой сыночыкъ у тюрьмѣ,
А худобка нехай астаецца пры мнѣ.

* * *

М. Косичъ.

Звуковыя особенности бѣлорусскаго говора Черниг. губ.

§ Первый.

а) Звукъ *а* остается безъ перемѣны, если на него падаетъ удареніе. Напр. хàта, рàкъ, гàлка, свàха, мàтка.

б) *а* ударяемое въ книжной рѣчи, переходитъ въ *о*, то въ *у*, то *я*. Напр. *ѣ=е*.

Трòвушка	также говорятъ: трòука	Рòсць	расти
Мурòвушка	мурòука.	Сахòрный	сахарный
Пасòдзимъ		Салòдкій	сладкій
Врòницца		Рòзный	разный
Мòнишъ (отъ слова манить)		Плòцюнь	платятд
Мòня (3 лицо ед. ч. отъ гл. манить)		Гòцюць	гатятъ
Падòрымъ	(падаримъ)	Качỳлка	кàчалка
Рòшшыука	(расшивка)	Мачỳлка	мачалка
Накòцимъ	(покатимъ)	Старàцца	стараться
Рòсказьни		Рàмы	рамы
Гавòриця	(говорите)	Мялчѣ̀йшый	мельчайшій
Кòжвый	(каждый)	Гарчѣ̀йшій	горчайшій
Крòса	краса	Ближѣ̀йшый	ближайшій
Утòишъ	утаишь	Шыбчѣ̀йшый	скòрѣйшій
Ухòпишъ	ухватишь		

2) Звукъ *а*, на который въ книжной рѣчи не падаетъ удареніе, при произношеніи остается безъ перемѣны. Напр.

Падалища	упавшій съ дерева фруктъ	Качарыгà	кочерьга
		Каганèцъ	ночникъ
Замазка	замазка	Каравàй	свадебный хлѣбъ
Табака	табакъ	Узрàдаваулся	обрадовался

Какъ рѣдкое исключеніе могутъ служить слова и м б а р ъ (амбаръ) и лàдунъ (ладанъ) гдѣ *а* замѣняется въ первомъ словѣ звукомъ *и*, а во второмъ звукомъ *у*.

§ Второй.

я у д а р я е м о е.

Звукъ *я*, на которомъ въ книжной рѣчи существуетъ удареніе не измѣняется и въ разговорной. Напр.:

Ярь		Мàта	
Валя̀чка		Мя̀кишъ	
Циля̀ты	телята	Ля̀га	лѣнтяйка
Дзѣ̀целъ	дятелъ	Гря̀ды	
Грàзь		Вàзъ	

Въ нѣкоторыхъ словахъ ударяемое *я* переходитъ въ твердое *а* или *ё*.
Такое измѣненіе звуковъ замѣтно въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Напр.

Гарàчый	горячій	Царà	царя
Прàмо	прямо	Пратацъ	прятать
Рàдомъ	рядомъ	Грàзь	грязь
Пра́жа	пряжа		

Я ударяемое переходитъ въ *ё*, напр.

акаёмъ — окаянный

Звукъ *я*, на который въ книжной рѣчи нѣтъ ударенія, замѣняется въ разговорной звукомъ *е* или *и*. Напр.

по̀есъ	поясъ	на гр*и*да̀хъ	на грядахъ
ма̀сленка	маслянка	сѣйицъ	сѣять
пита̀къ	пятакъ	вѣй*и*цъ	вѣять
цижа̀ль	тяжесть	вѣй*и*лка	вѣялка
за*в*иза̀ць	завязать		

§ Третій.

Звукъ *О*.

Звукъ *О* подъ удареніемъ, какъ и предъидущіе гласные, не измѣняется и выговаривается при произношеніи, какъ *о*. Напр. столъ, во̀лосъ, но̀чка, го̀лодъ, бало̀та. Но въ извѣстныхъ случаяхъ нашъ говоръ не знаетъ обычнаго, въ извѣстныхъ случаяхъ, *о̀* нашего литературнаго языка и, согласно старинѣ, сохраняетъ *ы*, *а* (і), *ѣ*: малады̀й удалы̀й, другій, дарагій, вы̀ю (вою), мы̀юць (моютъ), кры̀ю (крою), пѣ̀й (пой), халасты̀й, чарнабры̀вай, кры̀шуць (3 л. мн. числ.), вараны̀й, ры̀ю (рою), ны̀ю (ною).

Неударяемое *о* выговаривается какъ *а*. Но вм. уголь, уголья **вуга̀ль**, или **уга̀льля**, вм. вокругъ—**вякругъ**, йонъ (**онъ**). Напр.

лѣваму
курачка
па̀навага (род. пад. панового)
ч*а*баты̀
ану̀ча
кана̀ (род. пад. отъ сл. конь)
*а*го̀нь
п*а*мало̀ли
п*а*калацѝць
старана̀
сако̀лъ
сасна̀
галасѝць

Въ рѣдкихъ случаяхъ неударяемое *о* переходитъ въ *ы*. Напр

кр*ы*ва̀вый	кровавый	по̀л*ы*мя	пламя
прагл*ы*ну̀ць	проглотнуть	здрыгну̀уся	содрогнулся
дрыжы̀ць	дрожитъ		

Въ началѣ нѣкоторыхъ словъ вмѣсто *о* слышится *и*, *й*. Напр. йистры̀ць=острить, найстры̀у=навострилъ; Мигилѐвъ=Могилёвъ; вирябѐй=воробей.

§ Четвертый.

Звукъ *е*.

Звукъ *е*, отчасти и *ѣ*=*е* подъ удареніемъ произносится или а) мягко, какъ въ словѣ Ева, или б) твердо, какъ оборотное *э*, или в) какъ *ё*, *йо*.

Примѣры:

а) какъ *е* мягкое	б) какъ оборотн. *э*.	в) какъ ё (*йо*).
лѐбидзь	Васкрясѐньне	усё, твайо̀
нѐрпнъ	Спасѐньне (или спа̀синьне)	майо, далёка
пѐтля	у Вазьнясѐньня	майо̀ю, свайо̀ю,
сѐрпъ	уздзѐчка	усёю, сёмый
вѐрба	видѐлка—вилка	умёръ, умёрла

вѐциръ—вѣтеръ	абхаждѐньне—обхожденіе	йдсьць, вёдры
мѐрзнуць		двёшава
апѐньки		свадзёбный
умѐрць		стайнцьё
нàсешъ		пъйнцьё

Послѣ шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, также послѣ *р* звукъ *е* ударяемый произносится, какъ французское *е* ouvert, съ открытымъ ртомъ, напр.

вячэ̀ря (ужинъ).	щэ̀пкя.	чэ̀ша (чешитъ)	рѐмни
бярэ̀зникъ.	кацэ̀ль (сумка).	сатрэ̀шъ (сотрёшъ)	черепаць
щэ̀лка—щель.	щэ̀дрый	рэ̀щыкъ (крестикъ)	чарѝшня
шэ̀ршень.	жэ̀рдзь	грѐчка	варѐники
шэ̀льма.	кажэ̀уня (отъ кожи)	рѐбры.	тарѐлки

2) Иногда ударяемое *е* переходитъ въ *о*. Напр.:

ужò	т. е.	уже.	пачòпка	т. е.	почёпка
пякòмъ		пячемъ	щòукаць		щелкать
идòмъ		идемъ	шòстый		шестòй
вядомъ		вядёмъ	гнòмъ		гнёмъ
нясòмъ		нясемъ	кладòмъ		кладемъ
бярòмъ		бяремъ	жнòмъ		жнёмъ
			трòмъ		трёмъ

Но сл. пепелъ сохраняетъ свой старый видъ: попелъ. Сохраняется и *и* въ повел. накл. глаголовъ бити, лити, пити, не переходя въ *е*: би ли, пи (а не бей, лей, пей).

3) Иногда ударяемое *е* переходитъ въ *и*, *ы* и даже въ *о*, также въ *а*.

Напр.: мижъ } между. / мизъ }

		тьвиу	цвѣлъ.
		прамизъ пàлцау	между пальцами.
мижда гарамы	между горами	табѣ	
памѝзъ горъ	между горъ	сабѣ	

§ пятый.

е не подъ ударенiемъ.

Неударяемое *е*, стоящее въ слогѣ рядомъ съ ударяемымъ слогомъ, непосредственно предшествующимъ ударяемому слогу, всегда исключительно переходитъ въ *я*. Напр.:

ляци	мялюсинькiй (мелкiй, не глубокiй)
лядòвый	нядзѣля—недѣля
пярò	нясиця—несите
вязѝ	бярѝ—бери
цясòвый	цялёнакъ—теленокъ
мянѐ	вярнись—вернись
цябѐ	сялò—село
някрỳцкiй, т. е. рекрутскiй	сястрѝца

1) Изъ этого правила исключается слѣдующее: если въ словѣ ударяѐмый слогъ имѣетъ *я*, то въ предшествующемъ рядомъ стоящимъ съ ударяемымъ слогомъ уже не будетъ слышно *я*: оно замѣняется звукомъ *и*.

2) Рѣчь не терпитъ сряду 2-хъ слоговъ съ звуками *я*. Напр.:

два дзисѐтки = два десятка	Билѐначка	бѣляначка.
зимлѐ	не виляць	3-ье лицо не велятъ.

Даже если ударяемый слогъ имѣетъ гласный звукъ *а*, то въ предъидущемъ слогѣ уже не услышится однороднаго мягкаго *я*, напр.: не скажутъ дзяжà, но дзижà, систрà, а не сястрà.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы всѣ поголовно выговаривали одинаково; въ большой глуши Полѣсья иногда старые люди говорятъ также: сястра̀, жа̀ряная, ва̀ряная.

3) Также и въ слогѣ, стоящемъ послѣ ударяемаго *я*, слышится больше *и* или е, но никакъ не *я*. Напр.:

прядз*и*во	пряжа	вя̀линая	иногда вяленая
глянимъ	посмотримъ		

4) Такъ какъ рѣчь не терпитъ двухъ *я* въ рядомъ стоящихъ слогахъ, то и при отрицаніи «*не*» замѣчается слѣдующее измѣненіе гласныхъ:

а) если въ слѣдующемъ за отрицаніемъ слогѣ слышится *я*, то отрицаніе *не* переходитъ въ *ня*. Напр.:

Куму̀сичка, любу̀сичка,
Ня би майихъ вуцинà̀ть.

б) Если въ слѣдующемъ за отрицаніемъ слогѣ слышится *я*, то отрицаніе «*не*» переходитъ въ *ни*.

Кумусичка, любусичка
Ни бяры̀ майихъ вуцинятъ.

Однимъ словомъ, съ перемѣщеніемъ ударенія мѣняются и гласныя въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ. Возьму слово *зеленый* въ слѣдующихъ примѣрахъ:

1) паслала мянѐ маци
зилянòга жыта жаци.

2) зялёная наша вишанька
Туды сюды нахилилася

5) *е* въ словахъ, стоящихъ послѣ ударенія, переходитъ въ *и*. Напр.:

Бѐригъ	берегъ.	дзѐвирь
лѐбидзь		зѐлино
дзѐрива	(дерево).	сѐниинькій

6) *е* во словахъ, предшествующихъ и въ то же самое время удаленныхъ, не стоящихъ рядомъ съ ударяемымъ слогомъ, большею частью переходитъ въ *и*, напр.:

силязѐнька	сирядзина	
симяры̀хъ	дзисятёхъ	десятерихъ
дзисяцѝ	жирябòкъ	жеребенокъ

7) Повторяю, что въ неударяемыхъ слогахъ нельзя строго установить законъ перехода гласныхъ изъ одного звука въ другой. Напр. въ предъидущихъ словахъ встрѣчаемъ въ болѣе глухихъ мѣстахъ полѣсья въ рѣчи людей, несоприкасающихся съ интеллигенціей, такое произношеніе: вѣцяръ, (вѣтеръ), беря̀гъ, лебя̀дзь, дзевя̀рь, синя̀нькій (синенькій).

Для большей ясности приведу рядъ примѣровъ, изъ которыхъ видно, что съ перемѣщеніемъ ударенія мѣняются въ остальныхъ слогахъ гласные. Напр.:

сярѐдзина	(спина)	сирядзѝна	(средина)
кисѐль		кися̀лю	
дзярэ̀уня		дзирявѐньськiй	
дзѐрива		дзярѐуя	
вядзьму̀га		вѐдзьма	
видзьма̀вацъ		видзьма̀къ	
дзяцѝнка	(юноша)	дзѐтачки	
дзицятка		дзяцiй	
у сѐриду	(въ среду)	сиридавы̀й	(среднiй)
цисця̀ный		цьесьця̀нъ	
пярёдъ			
у пѐридъ	(т. е. впередъ)	пирядзѝ	
вяселый			
висилча̀къ		висялѐйшый	
висна̀			
висьня̀ный		на вяснѣ	

вячѐрный		вячѝрашный
вѐчарамъ		у вичарỳ
у лясỳ		палясѝущыкъ
у лѣси		лясный
цярпѣць		ня уцѐрпила
ни у царпѐжъ		
у цирямỳ		на цьѐрямы
за дзьвирàмы		за дзьвѐрямы
пя̀сокъ		пищàный
рѐминь		рямѐнный
рыминямы	(тв. м. ч.)	
вялю̀	(прикажу)	вѣлина (приказано)
ни вилàць	(не приказываютъ)	
гляджỳ		разглидàю
сялѐдка		силядзѐцъ
кàминь		камяный

8) Въ словахъ предшествующихъ и послѣдующихъ ударяемому слогу, послѣ шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц*, неударяемое *е* переходитъ въ *а*, а иногда въ *ы*.

Напр.

щакà	щарбà	сажѐней	чацьвѐргъ
жанà	щанòкъ	шавòля (шевелитъ)	чатыры
чарнѝца	ущамѝлась	шапатỳха	чапѐцъ
чарѐпаць	жарднѝна	на шастỳ	царькòуный
жалàць	цадзѝць	щабѐча	кàшаль (кàшель)
жалỳдакъ	купѐчаськiй	щацѝна	шарсьцàный
жарѐбна	чырвòный	чарствый	кучырàвый
жасьцяный	чырявѝки	часнòкъ	чырвòнецъ
жастòкiй		на часцѝ (на чести)	

§ Шестой.

Буква *ѣ*.

Буква *ѣ* въ разговорной рѣчи литвиновъ ничѣмъ не отличается отъ *е* и подчиняется почти тѣмъ же самымъ правиламъ, которыя относятся и къ *е*.

1) Будучи подъ ударенiемъ она выговаривается, какъ *«е»* въ словѣ *«ель»*. Напримѣръ.

лѣсъ,	сѣрый	мѣлъ	вѣна (приданое)
лѣнь,	сѣтка	дѣла	ѣмъ
сѣна	прыбѣгъ	вѣникъ	ѣхау

2) Послѣ *ц*, *р*, буква *ѣ* также произносится съ открытымъ ртомъ, какъ французское *е* ouvert. Напр.

рѣкà — гарѣлка — рѣжъ — цѣпъ
рѣшато — абъ Пятрѣ — рѣпа — цѣлъ
арѣхи (также говорятъ аряхѝ)
на дварѣ — цѣука (трубка, на которую наматываютъ нитки при тканьѣ)
рѣдкiй

3) *ѣ* переходитъ также въ *и* и *ы*. Напр.

усьмѝхуйяцца (3 л. ед. ч.) усмѣхается

тьвѝу, (цвѣлъ) — чымъ (чѣмъ)
прыбрѝу (прiобрѣлъ) — тымъ (тѣмъ)

4) *ѣ* безъ ударенiя подчиняется такому же переходу, какъ *е* (см. § 5), напр., бяды (род. пад. бѣда).

ѣ безъ ударенія переходитъ въ другіе гласные, сообразно съ перемѣщеніемъ ударенія (см. § 5) напр.

лѣсъ — лясы́ — дзицяччый
дзѣдъ — дзяды́
дзѣци — дзяци́нка — рѣка — ряки (род. пад. ед. ч.)

Послѣ шипящихъ преимущественно послѣ *ц*, *р*, неударяемое *ѣ* переходитъ въ *а*. Напр.

цадзи́лка (цѣдилка) — цалко́вый (цѣлковый)
на цапу́ (на цѣпи) — цаляць—цѣлить
цальба́ (цѣль) — цана́—цѣна

5) *ѣ* въ падежныхъ окончаніяхъ остается только въ томъ случаѣ, если на него падаетъ удареніе. Напр.

на плячѣ — на верицянѣ
пры крылцѣ — на пшанѣ
у хвасьцѣ (также у хвасту́)
пры сястрѣ — абъ ражтвѣ (на рождествѣ)
на жнивѣ — на вадзѣ

Исключеніе изъ этого правила представляютъ слѣдующія слова:

на кани́ (на конѣ) — на дни (въ день)
у барщы́ (въ борщѣ) — на пни (на пнѣ)
на канцы́ (на концѣ)

6) Если же въ этомъ случаѣ удареніе не на послѣднемъ гласномъ, то *ѣ* въ падежномъ окончаніи переходитъ въ *и*, *ы*. Напр.

на во́ли — на хо́ладзи
у по́ли — у кры́ницы
на дзяру́ни — на па́лцы (на пальцѣ)
у лѣси (также у лясу)
у хо́ли (въ холѣ) — у я́ми
на пшани́цы — на ха́ци.
у про́си (въ просѣ)

§ Седьмой.

И.

1) Гласный *и* съ удареніемъ трояко произносится: а) мягко, какъ *и*, напр., ви́шня б) болѣе смягченно, какъ іотъ—и *йи*, напр., йиволга, йикаука и в) какъ *ы*, послѣ шипящихъ: ж, ч, ш, щ, р.

Примѣры:

а) ви́шня, ли́па, сви́тка, Ива́нъ, инды́хъ, иго́лка, инби́рь.

б) йиволга, йикаукаука (икота) йискра, йимья (имя) йиний (иній) йиншый (иной) йихъ, йива, йихныйимъ, йилъ, йидалъ, йикра́, майи, твайихъ, йисцина, по́йимъ, почу́йимъ, Варабайиха, Клюйиха (имена собственныя—прозвища), абливайимъ.

Вообще іотированное йи встрѣчается въ глагольныхъ окончаніяхъ и въ неопредѣленномъ наклоненіи: атсылайишъ, пайиць (поить), пайила, стройиць, пайиу, накрыйимся.

---

[1]) Послѣ *ц* слышно *а* въ великор. акающ. гов.; оно также замѣчено и въ старыхъ Македонскихъ и вообще средне-болгарскихъ рукописяхъ, напр. въ Апост. Чтен. (бывш. Шафар. и нынѣ Пражск. Муз.) къ *пльтьсцаи* чистотѣ, въ *Дамасца*, по *посца* (постѣ). Срезневскій Свѣд. и зам. С.-ПБ. 1876. LXXII. Стр. 488 *роуца* и нозѣ, бы мнь *крѣпца* (Бѣлгр. Синакс. 1330 Ламанскій. Прилож. къ VI т. Зап. И. Л. Н. № 1. 1864. с. 33). *Ред.*

в) жыдъ, дяржы́, лажы́сь, запряжы́цье, скажы́, чужый, ключы́, уначы́ (въ ночь) чы́стый, шы́на, килышы́, шыры́нка (платочикъ), патушы́ла, лидащы́ца, щыпцы́, щы́калатка, щы́рый, пярына, тры, кры́ва, рыпнула, Ары́на, ня журы́ся, ни бары́ся, пасвары́лись.

3) Ударяеное *и* переходитъ иногда въ *е*, напр., яйе́чка—(яичко), яйе́цъ, яйешня, трайецкіе (троицкіе праздники), величенный (отъ слова величина).

Безударное *и*.

4) Послѣ ж, ч, ш, р, также слышится *ы* на мѣсто безударнаго *и*, напр., начынàць (начинать), кỳдры, щыпала, на пѐчы или на пячы́ (на печкѣ), дрямучый, таваршы, у кашы (въ кашѣ), бàчышъ, скỳчылось (скучно), наплачысься, (2-е лицо), гарю̀чыя (горькія), харошыя, шырокій, шỳрынъ.

5) Безударное *и* въ началѣ слова произносится какъ *й*, если предъидущее слово оканчивается на гласную. напр. На—Йвана соньняйка йграла.

Йета анѣ ни йшло, ни ѣхало. (Это все равно), Нима ни йдзѣ (ни гдѣ). Нижỳ на йгὸлку; ня хὸчу йисць (идти). Будзимъ на скрыпку йграць.

в) Иногда подобное безударное *и* въ началѣ слова можетъ совсѣмъ теряться Напримѣръ:

Ой грайця музыки, Кали ночы ни вялики,	или	Грай музыка, А то штрумѐнтъ пабъю̀.

7) Иногда безударное *и* является въ особаго рода суффиксахъ напр., въ словахъ уменьшительныхъ.

Примѣры:

Кавàликъ, клὸпикъ, пὸпикъ, снὸпикъ, кὸликъ, вỳзьликъ, хлѐбикъ, вὸликъ, пономàрикъ, кὸушыкъ, лѣтникъ, зимникъ (дорога, по кот. ѣздятъ лѣтомъ и зимою).

Еще безударное *и* переходитъ въ *ы*, послѣ предлоговъ, напр.:

Атыйшὸу, абыхὸдзье, сыйшлà, абыйшлà, Влады́мирь, сы́зый.

Также безударное *и* переходитъ въ *я*, *е*, напр.:

Нὸся (носитъ), кὸрмя (корлитъ), лю̀бя (любитъ), прὸся (проситъ).

§ Восьмой.

Звукъ *ы*.

Звукъ *ы* всегда произносится какъ *ы*, напр., пы́лъ (пыль), ры́ло, сы́та, карыто, скары́нка.

За исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, гдѣ *ы* замѣняется звукомъ *и* и *а*, напр., висὸкій, вы́мата (вымыта), вὸпитный (опытный).

Среди городскихъ мѣщанъ и полуграмотныхъ дворянъ слышенъ вмѣсто звука *ы*=и, напр., бутилка, вимить, тисяча, били (были), пы́шно, кабила, вискобл*и*ть, ви, ми и т. д.

§ Девятый.

Звукъ *У*.

1) Звукъ *У*, замѣняющій собою всегда предлогъ *въ*, а также неударяемый звукъ *у* въ началѣ слова произносится двояко: а) или кратко или б) обыкновенно, какъ выговаривается у въ книжной рѣчи. Напр. «у хàци свякруха лижàла».

2) Безударное краткое *у*, стоящее обыкновенно въ началѣ слова, произносится на столько кратко, что, сливаясь съ гласной предъидущаго слова, какъ бы не составляетъ отдѣльнаго слова. Напр.

Няумѐръ Данила, балѐчка удавила.

3) *У* можетъ быть краткимъ только тогда, когда стоитъ непосредственно послѣ гласнаго. Напр.

краткое ў:	не краткое у
мы ўбили кòршуна	ахотникъ убйу коршуна
йена ўмёрла	йонъ умёръ
ты ня ўмѣйшишъ пахаць	дзьèвирь умѣя пахàць
нàшы сватŷ ўбòги	нашъ сватъ убòгъ.

4) *У* не бываетъ краткимъ въ началѣ фразы. Напр.

У лѣси, на пратавѣси висиць красная плацьця[1]).

У поли сцьежачка.

5) «*У*» не бываетъ краткимъ послѣ двоегласія, образовавшагося изъ слоговъ: *ел*, *ал*, *ил*. Напр.

пашòу у дубраву	Церькау у гòрадзи
Сѣў у лѣси	Прышоу у хату:

6) Въ рѣдкихъ случаяхъ *у* переходитъ въ *ы*, *о*, *ю*, а именно:

глыбокій	юхà, юшка (юха).
слыхъ (слухъ)	логъ (лугъ)

§ Десятый.

Выпаденіе и приставка гласныхъ.

Нѣкоторые гласные, стоящія въ срединѣ и въ концѣ слова не подъ удареніемъ, въ разговорной рѣчи выпадаютъ. Примѣры:

йет'кая	ни'тдàу
ни'тпущай (не отпускай)	ба'дай —Богъ дай
жав'ранакъ,	за мѣс'таго—вмѣсто того
ад'ли а (дàлій)	преж'таго
ни'твàжуся	

1) Иногда теряются въ рѣчи гласные и нѣкоторые согласные безударные звуки въ началѣ. Напр.

на'гарòдзи (на огородѣ)	спамянишъ—вспомнишь
чèритъ (очеретъ)	кольки—сколько
за'дно (за одно)	казка—сказка
за'бòлаками (за облаками)	що—еще
мѣць (имѣть)	з'за куста—изъ за куста
гурокъ—огурецъ	зьвиняйцье—извините
зьвѣсна—извѣстно.	

2) Въ концѣ словъ въ звательномъ падежѣ гласный замѣняется полугласнымъ Напримѣръ:

Маткъ, хадзи сюды

Дунь, прядзи лёнъ

Дзядзькъ, ци ни бàчыу ты типлягъ.

Примѣры приставки гласныхъ:

ирвàць (рвать)	аржаный—ржаный
ишòу (шёлъ)	игрушы—груши
аутòрокъ (вторникъ.	иржа—ржа
Адàрья (Дарья)	идвѣ—гдѣ
Имглинъ (Мглинъ городъ)	альляный (льняный)
Имшыць—класть мохъ при постройкѣ.	алимонъ—лимонъ
Ильлю—лью	апасьля—послѣ.
иржаць—ругать	

---

[1]) Загадка: Калина.

Согласные звуки.

Звукъ *в*, стоящій въ началѣ слова передъ какимъ нибудь согласнымъ звукомъ, произносится какъ *у*. Напр.

удбука—вдовка
улѣзъ—влѣзъ
уляпиу—влѣпилъ
унесъ—внесъ
уремъя—время
умѣсци—вмѣстѣ
унукъ—внукъ
узышоу—взошелъ
узабрауся—взабрался
уздыхаць—вздыхать
узяуся—взялся
улиу—влилъ
уладзѣць—владѣть
узадраць—взадрать
узьляцѣць—взлѣтѣть
узятка—взятка
узносъ—взносъ.

Въ означенномъ случаѣ звукъ *у* выговаривается, во 1-хъ, кратко, а во 2-хъ, такъ какъ мы его обыкновенно выговариваемъ. (Относительно краткости *у* см. § 9-ый 3).

Хотя предлогъ *въ* замѣняется въ рѣчи звукомъ *у*, напр. у лѣси, у свитцы (въ свиткѣ), у доми, у скрыни; но если послѣ предлога *въ* слово начинается гласнымъ звукомъ, то къ предлогу прибавляется еще *у*. Напр.

у *в*абози—въ обозѣ
у *в*акрузи—въ округѣ
у ванучахъ—въ онучахъ
у вапенькахъ—въ апенькахъ
у варѣхи—въ орѣхѣ
у вастрази—въ острогѣ
у вабходзи—въ обходѣ
у ватруби—въ отрубѣ
у вабвали—въ обвалѣ
у вабмылкахъ—въ обмылкахъ
у вабародци—въ оборотѣ
у ваглобляхъ—въ оглобляхъ
у вобыскъ – въ обыскъ (пойти)
у ваутарокъ—во вторникъ.

Звукъ *в* служитъ придыханіемъ предъ начальными *о*, *у*. Напр.

восень—осень
войстрый—острый
вохаць—охать
вогникъ—огникъ (болѣзнь, на лицѣ струпья)
вомутъ—омутъ
вочень—очень
восмотръ—осмотръ
вотдыхъ—отдыхъ
воблака—облака
вогненный—огненный
вобшыука—обшивка
вокала—около
вокунь—окунь
вольха—ольха
на вотмашъ—отмахнулся
вульлякъ—улей
вуголъ—уголъ
вумникъ—умникъ
вуксусъ—уксусъ
вумысялъ—умыселъ
вуха—ухо
вучиць—учить
ни водзинъ—ни одинъ
вобчаство—общество
вобуу—обувь
восва—оса
воко—око
воспа—оспа
вось—ось
вотцяпель—оттепель
вобразъ—образъ
возяро—озеро
вакошко—окошко
вокарокъ—окорокъ
волень—олень
вопись—опись
вутка—утка
вулица—улица
вузкій—узкій
вумиръ—умеръ
вусъ—усъ
вутро—утро
вудзиць—удить.

Звуки б, п, в, м, ф.

Согласные среднiе звуки не переходятъ въ соотвѣтствующiе тонкiе звуки, какъ это замѣчается въ великорусской рѣчи. Напр., говорятъ бобъ, но не бопъ.

дубъ а не дупъ	ѣжъ — ѣшь
лàука — лафка	будка — бутка
рѣдко — рѣтко	дзѣдъ — дзѣтъ.

Исключенiе составляютъ слова — стòупъ (столпъ) и юпка.

Равнымъ образомъ послѣ означенныхъ губныхъ не слышно мягкаго знака, а наоборотъ, твердый знакъ, напр.

пъя̀ука — пьявка	рыбъя — рыбья
вы̀мъя — вымье	вы̀пъю — выпью
семъя̀ — семья	бъèць — бьетъ
сабъю̀ — собью	Дзимъя̀нъ — Демьянъ
гòлубъ — голубь	насы̀пъ — насыпь
бàбъя — бабья	семъ — семь
хлòпъя — хлопья	тряпъё — тряпье.

Звукъ Г.

Г выговаривается какъ французское h (ашъ) въ словѣ hair — (ненавидѣть), за исключенiемъ нѣсколькихъ случаевъ, гдѣ *г*, произносится какъ французское gué, а иногда даже переходитъ въ *к*. Напр. (произносится г какъ gué).

ганки (крыльцо)	мазкѝ — мозги
гу̀зикъ (пуговица)	мякко — мягко
гвалтъ (крикъ)	вискъ — визгъ
мозкъ — мозгъ	у дребезки — въ дребезги.
рòзка — розга	

Переходъ *г* въ *ж* — спужайся.

Звуки д и т.

Звукъ д — т передъ iотированными гласными *е*, *ё*, *ѣ*, *и*, *я*, *ю*, *ь* переходитъ въ *дз*, *ц*.

Въ этомъ случаѣ *ь* послѣ ц произносится мягче, чѣмъ въ великорусской рѣчи (съ полуоткрытымъ ртомъ).

Для большей мягкости выговора, мы будемъ ставить полугласный *ь* вмѣсто *iота*. Напр.

цьèща — тёща	дзьвери — двери
цьèрымъ — теремъ	маладзьèцъ — молодецъ
давàйцье — давайтя	сцьежка — стежка
касàцьенькiй —	цялушка — тялушка
вядзьè — ведетъ	пападзьецца — попадется
дзьèвирь — деверь	

Звукъ *т*, не переходящiй въ *ц*, бываетъ вставнымъ между окончанiемъ повелительнаго наклоненiя 2-го лица съ приставкою *ка*. Напр.

сядзьцье-т-ка	ходзи-т-ка сюды
прихòдзьце-т-ка	сюдыцье-т-ка
вазьмиць-т-ка	прысунься-т-ка.

Д и *т* переходятъ въ *дж*, *ч* и *ст.* въ *щ*. Напр.

багачѣць — богатѣть	таущѣць — толстѣть
худжѣць — дѣлаться хуже	

Звукъ з.

З мягкое, какъ напр., змѣй, звѣзда и пр., произносится въ рѣчи, болѣе свистящимъ манеромъ, какъ бы растягиваясь, или какъ будто въ срединѣ слышно два зь, зь. Напр., зьзьвизда—звѣзда, зьзьвѣрь (звѣрь), зьзьмѣй.

вазьми—возьми, зьвѣсна—извѣстно.

Въ прочихъ слогахъ, гдѣ з твердое въ книжной рѣчи, тамъ оно выговаривается обыкновенно. Напр.

звонъ, звацъ, казка,

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ книжной рѣчи въ срединѣ словъ слышенъ мягкій знакъ, т. е. ь, послѣ согласныхъ *з*, *л*, *н*, с, *р*,—въ бѣлорусской рѣчи этотъ согласный удваивается, и первый изъ нихъ выговаривается мягко. Напр.

вя̀зьзе — вязье
го̀льляйка—вѣтки
Ильля—Илья
абальлю̀тца — обольются
падпо̀льля—подналье
ко̀льля—колья
вугальля—у̀галья
бѣльлё—бѣлье
Ульляна—Ульяна
катаньня—катанье
гуляньняйка—гулянье
вараньнё—вороны
коло̀сься—колосья
пѐрърняйка—перья
полозьзя—полозья
вясельля—веселье
застѐльле—застолье
сальлю̀—солью
альляны̀й—льняный
прихи̇льля—пристанище
пря̀льля — которая прядетъ
Натальля—Наталья
паста̀ньня—припоръ
гоня̀ньне—отъ сл. гнать
разгауля̀ньне — розговѣны
валосься—волосы
Ягорьря—Георгія
звярьрё—звѣрье.

Вм. *нельзя* употребляется старинное *нельга*.

Мягкій знакъ ь, стоящій въ книжной рѣчи въ срединѣ словъ послѣ *ж*, *к*, *ч* и послѣ *дз*ь, *ц*ь, въ разговорной рѣчи выбрасывается, между тѣмъ какъ означенный согласный удваивается. Напр.

бо̀жжа—божья
сбо̀жжа—смѣсь зёренъ
ружжо—ружье
зайиччый—заячій
соба̀чча—собачья
кула̀чча—кулаки
каря̀чча — корни
дзяво̀ччая—дѣвичья
хлапя̀ччый—отъ слова хло̀пецъ
стру̀чча—стручья
судьдзя̀—судья
або̀ддзя — обо̀дья
попаддзя—попадья
пицьцьё—питье
свацьця—сватья
пла̀цця—платье
куцця—кутья
пру̀цця—прутья

Знакъ ь, стоящій въ срединѣ слова между согласными, въ бѣлорусской рѣчи выбрасывается. Напр.

волный—вольный
хвалши̇вый—фальшивый
па̀лцы—пальцы
пакво̀лно—свободно
пылный—пыльный
пра̀вилно—правильно
бо̀лна—больно
бяздо̀лная—несчастная

Звукъ ж.

Звукъ ж въ срединѣ слова выговаривается, какъ *дж*, а иногда къ ж прибавляется еще дж, и получается слогъ *ждж*. Напр.

отъѣжджа̀ть—отъѣзжать
ураджа̀й—урожай
дожджа̀—дождя
ня̀ жджы—не жди
побуджа̀ць—будить
прахаджу̇ся—прохожуся
ваджу̇—вожу̇
саладжѣ̀й—слаже.

Ж переходитъ въ щ, з. Напр.

вищàть—визжать
зялѣза, зялѣзный—желѣзо, желѣзный
рзуць—ржуть
земчугъ—жемчугъ.

Звукъ к.

Предлогъ *къ*, выговаривается, какъ французское *que*, передъ словами, начинающимися на *б*, *д*, *г*, *ж*, *з*. Напр.

гъ бани—къ банѣ
гъ бòку—къ боку
гъ дзйрцы—къ дыркѣ
гъ гужỳ—къ гужỳ
гъ гурку—къ огурцу
гъ зймѣ—къ зимѣ
гъ зязюли—къ кукушкѣ
гъ дзѐреву—къ дереву
гъ жòнцы

Передъ прочими согласными слышно *къ*. Напр.

къ травѣ
къ цьéрему—къ терему
къ свàцьби
къ пѐтцы—къ печкѣ
къ канѝ
къ цяплỳ—къ теплу
къ цялѐнку—къ теленку

К переходитъ въ *х*, напр.

хрестъ—крестъ
хресьбины—крестины
хто, нихто, нѣхтось,—(кто, никто, кто-то).

Звукъ л.

Звуки *л*, *в*, стоящіе послѣ гласныхъ, переходятъ въ у (краткое), образуя такимъ образомъ двоегласіе въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) *Л* переходитъ въ кратк. *у* въ существительныхъ: Напр.

шòукъ—шелкъ
вòукъ—волкъ
стòупъ—столбъ
каубасà—колбаса
поупирагà—полпирога.

2) Въ прилагательныхъ: Напр.

тòустый—толстый
жòутый—желтый
дòугій—долгій
пòуный—полный
шаукòвый—шелковый

3) Въ глаголахъ. Напр.

тòучъ—толочь
каутàць—глотать
маучàць—молчать
щòукать—щёлкать
пòузаць—ползать

4) Въ глагольныхъ окончаніяхъ прошедшаго вр. 3 лица, мужск. рода. Напр.

ходзйу—ходилъ
гулàу—гулялъ
чысциу—чистилъ
вйу—вилъ
бйу—билъ
шукàу—искалъ
прапàу—пропалъ
пѣу—пѣлъ
йѣу—ѣлъ

В переходитъ въ *у* въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ существительныхъ, напр.

маркòука—марковка
крòуля—кровля
дзѣука—дѣвка
любòу—любовь
цéрькоу—церковь
залòука—заловка
вòуна—шерсть
крòу—кровь
пакрòу—покровъ
рукàу—рукавъ

горщёуникъ—(дѣлатель горшковъ).
Паулò—Павелъ.

2) Въ родительн. падежѣ существительныхъ. Напр.

канцòу—концовъ	дзявирéу—деверей
дамòу—домовъ	попòу—поповъ
карòу—коровъ	дзякòу—дьяковъ.
бàцькову—бàтьковъ т. е. батькинъ	

3) Въ прилагательныхъ. Напр.
рòуный.

4) Въ глаголахъ: напр.
киунỳць—кивнуть.

5) Въ дѣепричастіяхъ: напр.
стàушы—ставши, йѣушы—ѣвши.

Слѣдующія слова остаются безъ перемѣны и не образуютъ двоесловія:

волъ	вяселъ—(веселъ)
колъ	гарѣлка—(водка)
стòлъ	сакòлъ
полъ	кобы̀лъ—(род. пад.)
кацёлъ—(котелъ)	цволъ—(стволъ)
хахолъ	вугòлъ—(уголъ).
пòлка	

Звукъ с.

Кромѣ твердаго произношенія, какъ напр., садъ, посуда, сынъ, соха,—въ народной рѣчи *с* произносится какъ бы усиленно свистящимъ манеромъ, растягивая и усиливая звукъ *сь*, напр.

сьсьмѣлый, сьсьмецье—(смѣтьё)	
сьметана—сметана	сьцяречь—беречь
сьцякло—стекло	у цьесьци—въ тѣстѣ
сьцибанỳць—стебнуть	на мѣсьци—на мѣстѣ
у сьвѣци—въ свѣтѣ	сьвича—свѣча
пасьвиць—пасти	сьлёзы—слёзы
пасьцѐль—постель	сьвѣцялъ—свѣтелъ
войсько—войско	сьпйна—спина
сьмѣхъ—смѣхъ	ѣсьць—ѣсть
пасьлѣднiй—послѣднiй	

Въ прилагательныхъ на *скій* вездѣ слышно мягкое произношеніе, напр.

коньськiй	женьськiй.
купечаськiй	

Если звукъ *с* ввидѣ предлога стоитъ передъ слогомъ, начинающимся звуками ж, п, с, т, х, у, и если начальный слогъ этого слова оканчивается однимъ изъ твердыхъ гласныхъ а, о, у, е твердое (какъ e ouvert), стоящіе послѣ ц, то предлогъ произносится, какъ въ книжной рѣчи, т. е. *съ*; примѣры:

съ хлóпцомъ	съ табою
съ папòмъ	съ канёмъ
сь царёмъ	съ сыномъ
съ тыномъ	съ прỳтомъ
съ цѣпомъ	съ цѣльемъ.

Съ остается неизмѣннымъ передъ словами, въ которыхъ начальный слогъ заканчивается мягкимъ гласнымъ въ соединеніи съ нѣсколькими согласными, какъ-то: ***крѣ, пле, тре, пне, кля, плю*** и т. п. д. примѣры:

съ плеукой
съ прелымъ
съ плечъ
съ хрѣнамъ
съ хлѣбамъ
съ хрястомъ
съ плевкой
съ трѐскамъ
съ огнёмъ
съ плюгавымъ
съ клйнамъ.

Предлогъ *съ* передъ гласною *а* тоже остается неизмѣннымъ. Напр.

съ Антонамъ, съ Аудзѣемъ (Авдѣемъ)
съ Ангаламъ—съ Ангеломъ
съ акрайцамъ – съ краюхой хлѣба
съ апѐнькамы—апенька, грибы.

Послѣ предлога *съ* звукъ *и* переходитъ въ ы напр.

съ Ываномъ—(съ Иваномъ)
съ Ыгнатомъ—(съ Игнатомъ)
съ Ырадомъ—(съ Иродомъ)
съ Ыгрушамы – (съ грушами).

Предлогъ *съ*, стоящій слитно съ словами, подчиняется тому же правилу. Примѣры:

спадаць—спадать
сплиснуць—слить
скливаць—клевать
схапйць—схватить
ссадзйць—ссадить.

Если же слово, начинающееся съ звуковъ к, п, с, т, х, ц (мягкаго), за которыми непосредственно слѣдуетъ мягкій гласный звукъ, то предлогъ *съ*, стоящій передъ такимъ словомъ, произносится мягко *сь*, напр.

сь перъямы
сь цьеремамъ
сь сливамы
сь цьесгамъ
сь сястрою
сь пячы
сь цьѐщы.

Примѣры предлога слитнаго съ словами, начинающимися звуками к, п, с, т, х, ц.

сьпихнуць
ськйнуць
сьпилйць
сьцйснуць
сьсинѣць
сьпечъ.

Предъ прочими согласными, кромѣ *с*, *т*, предлогъ *съ* переходитъ въ *зъ*, если слѣдующій за нимъ начальный слогъ въ словѣ оканчивается твердою гласною а, о, у, ы. Напр.

зъ лысинай—съ лысиной
зъ бацькамъ—съ батькой
зъ лыкамы—съ лыкомъ
зъ лапатай—съ лопатой
зъ ракамъ—съ ракомъ.

Зъ остается на своемъ мѣстѣ передъ словами, начальный слогъ которыхъ оканчивается мягкимъ или твердымъ гласнымъ, предшествуемой двумя, тремя согласными (т. е. передъ такого рода словами: *бре, бру, бря, брю, дру, дрю, гря, глы*, и т. п.) напр.

зъ брыдкимъ—съ противнымъ
зъ брусьнйкай—съ брусникой
зъ бряхнёй—съ ложью
зъ брюхамъ—съ брюхомъ
зъ дрюкамъ—съ палкой
зъ грязьзю—съ грязью
зъ глыбокай—съ глубокой
зъ глиной—съ глиной

Передъ *о* и передъ *у* слышно непремѣнное предыханіе. Напр.

зъ вокнамы—съ окнами
зъ вокоркамъ—съ окорокомъ
зъ вуткаю—съ уткою
зъ вушамы—съ ушами

Слова слитныя съ предлогами подчиняются тому же правилу. Напр.

збыу—сбылъ
змачыу—смочилъ
зладзиу—сладилъ
значала—сначала
зрѣзаць—срѣзать
збросиу—сбросилъ
звалйли—свалили
збрыкнуць—соскочить
здуць—сдуть
згрёбъ—сгребъ

злама̀у—сломалъ
зла̀дзиць—сладить
зрыць—срыть
згубиць—сгубить

Если предлогъ *съ*, переходящій въ *зъ*, стоитъ передъ словомъ, въ которомъ рядомъ съ начальнымъ согласнымъ слышится мягкій гласный, то *зъ* переходитъ въ *зь*, Напр.

зь мѝлымъ
зь зязюляй
зь лѣ̀су
зь вѣ̀намъ (съ приданымъ)
зь бѐригамъ
зь дзя̀валамъ
зь вѐчарамъ
зь лягушкой
зь людзямы
зь некрутомъ
зь бядой
зь вярбо̀й
зь дзѣ̀дамъ
зь вязкай

Зъ также переходитъ въ *зь* передъ мягкими гласными ё, е, ю, я, й, и. Напр.

зь ёлкай,
зь Евай (съ Евою),
зь юпкой,
зь Якавамъ,
зь яблаками,
зь йиломъ (илъ),
зь Янкилямъ
зь Ягоръямъ
зь йиншымъ
зь йимъ
зь йикаукай (икотой)
зь дзядзькай.

Слова предложныя, т. е. слитныя съ предлогомъ, подчиняются такому же правилу. Напр.

зьмяць—смять
зьвѣйиць—свѣять
зьлѣзьць—слѣзть
зьляпиць—слѣпить
зьдзѣлаць—сдѣлать.

Передъ звукомъ *ж* предлогъ *съ* переходитъ въ *ж*, передъ *ч*, *ш*, *щ* переходитъ въ *ш*. Напр.

жъ жандю—съ женою
жъ жыдамъ—съ жидомъ
жъ жолудо̀мъ—съ желудомъ
шъ чашкой—съ чашкой
шъ шо̀лудзямы—(болѣзнь)
шъ щыпца̀мы.

Кромѣ того въ рѣдкихъ случаяхъ *с* переходитъ въ *ш*, *х*, *з*. Напр.

дошки—(доски)
шабля—(сабля)
ужахну̀цца—(ужаснуться)
шкарлу̀пки—(скорлупки)
шка̀редный (скупой)
шкло—(стекло)
прашну̀цца—(проснуться)
зьмирный—(смирный)
шкресць—(скресть), сашкребаць.

Ф выговаривается какъ *хв*, *х*, *к*. Напр.

хванарь—фонарь
хва̀брыка—фабрика
хва̀льшъ—фальшь
хво̀ртка—фортка
хвѐршалъ—фельдшеръ
хлакъ—флагъ
у хранту̀—во фронтѣ
хранто̀нъ—фронтонъ
хракъ—фракъ
хунтъ—фунтъ
хурго̀нъ—фургонъ
хру̀ктъ—фруктъ

Х выговаривается какъ *к*. Напр.

паска—пасха
крексаць—крехтать
клопоты [1])—хлопоты
карагодъ—хороводъ.

Ц переходитъ въ *ч*, *т*. Напр.

чапля—цапля
твятокъ—цвятокъ
твисць—цвѣсти
зачапиуся—зацѣпился
зачапляць—зацѣпить

---

[1]) *Клопотъ*—древн. слово и тутъ скорѣй обратно перех. *к* въ *х*. Тоже и въ сл. *пасха*. Въ древн. слав. памятн. дат. и мѣстн. ед. ч. *пасцѣ*. Также изъ *къто—хъто*, а не обратно.
Ред.

типлятыˌ тискляты, писклёнокъ } цыплята.

Ч переходитъ въ *ш*, *ц*, *с*, *т*. Напр.

што—что, ништо—ничего, нѣштачка—что-то, вѣшный—вѣчный, сярдзешный—сердечный, цотъ—четъ, унистожыць—уничтожить

тирязъ—черезъ
малǒшный—молочный
скўшный—скучный
пясǒшный—песочный

Щ переходитъ въ *ш*, *ч*. Напр.

памǒшникъ—помощникъ
таварышы—товарищи.

Ш переходитъ въ *щ*, *с*. Напр.

гарщǒкъ—горшокъ, сипѣць—шипѣть, щаколадъ—шеколадъ, щамель—шмель, чѐшысься—чешишься, носисься—носишся, байисься—боишься, мыйисься—моишься.

Ѳ переходитъ въ *п*, *хв*. Напр.

Пёкла, т. е. Ѳекла
Хвекла, т. е. Ѳекла
Хама и Хвама—Ѳома.

Переходъ звуковъ въ падежныхъ окончаніяхъ.

Звуки *г*, *ж* въ падежныхъ окончаніяхъ дательнаго и предложнаго падежей переходятъ въ *з*. Напр.

на парǒзи—на порогѣ
у дарǒзи—въ дорогѣ
у кàторзи—въ каторгѣ
у лўзи—въ лужѣ
у калюзи—въ калюгѣ.

Но говорятъ: абъ Бǒги, а не объ Бози, на чалавѣки, но не на чалавѣцы—(на человѣкѣ).

Х, переходитъ въ *с*

у гарǒси—въ горохѣ
на вўси—на ухѣ
абъ Дўси—на Духа
на вѐрси—на верху.

К переходитъ въ *ц*.

у махǒтцы—въ махоткѣ, въ горшкѣ
на пѝтатцы—на ниткѣ
у картǒшцы—на картошкѣ
на дзѣуцы—на дѣвкѣ
на сасǒнцы—на соснѣ
на лижàнцы—на лежанкѣ
на жǒнцы—на жонкѣ
у рязцы—въ ряжкѣ,—ведёркѣ
на сабàцы—на собакѣ
па скѝбцы—по скибкѣ
у камǒрцы—въ коморкѣ
на рѣтцы—на рѣчкѣ.

Слова съ удареніемъ въ концѣ удерживаютъ *ѣ*. Напр.

у назѣ—въ ногѣ
на дузѣ—на дугѣ
на хвасьцѣ—на хвостѣ
на сабѣ—на себѣ
на сасѣ—на сохѣ
на пянцѣ—на пенькѣ
на крютцѣ—на крюкѣ
на стрясѣ—на стрякѣ
у руцѣ—въ рукѣ,
на рярѣ—на рѣкѣ
на малацѣ—на молокѣ.

М. Н. Косичъ.